

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

У ВРЕМЕНИ В КОСТРЕ

МОССАЛИТ
2018

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru**

Предисловие
Игорь Бурдонов

© Московский салон литераторов, 2018
© Авторы сборника, 2018

Вместо предисловия

Откуда мы родом

Вопрос этот, конечно, не бытовой, а совершенно метафизический. Ни география, ни история не дают ответа, потому что дело не в пространстве и не во времени, а в чём-то другом, хотя и проявляющемся в пространстве и во времени.

Ответ: «Из детства, словно из какой-нибудь страны», данный Экзюпери, – слишком простая уловка. А детство откуда?

Но и «какая-нибудь страна» хоть что-то объясняет, если ты за границей, а если дома, то не объясняет – вокруг ходят тысячи таких же необъяснённых.

Разве ответ меняется со временем или при переезде?

Но, кажется, все согласны, что «не отсюда».

И удивляются неожиданной встрече: «Почему же мы слышим, что каждый говорит на языке той страны, откуда мы родом?» (Деяния 2). Можно, конечно, насмеяться: «напились сладкого вина», но и в насмешке сквозит иное: ведь вино «причащает», приобщает к чему-то иному – может быть, мы оттуда родом?

А вот ещё несколько первых попавшихся в интернете ответов: из СССР, из мультиков, из прошлого, из школы, из Октября, из спецназа, из деревни, из восточной Африки, из Выдренки (Краснополье), из ПРОФТЕХ, из предыстории, из Святой Руси, из местечка, из Череповца, из халабуды, из Космоса. Как поёт «Лесоповал»: «Вот откуда мы родом // Вот откуда мы родом // Никогда не понять нас // Заграничным уродам!»

Всё смешалось: и тайны космоса, и таинства религий, и происхождение человека, и деревня Выдренки. Хотя у кого-то это может быть другая деревня или город. И получается, что, отвечая на вопрос: «Откуда мы родом», можно говорить о чём угодно.

А это значит, что важно не «что», а «как». Наверное, и о Выдренках можно сказать так, что читателя проберёт покруче уфологического происхождения от инопланетян или библейской ксеноглоссии. Кто знает, откуда мы родом?

Игорь Бурдонов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Алексей Казарновский</i>	7
<i>Зинаида Кокорина</i>	17
<i>Мария Панфилова</i>	23
<i>Евгений Агуф</i>	35

ПРОЗА

<i>Игорь Бурдонов</i>	42
О ТРАНДАГОР!	43
<i>Мари Веглинская</i>	56
ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПИРАТОВ	57
ЕЩЁ РАЗ О СЧАСТЬЕ	71
<i>Наталья Букан</i>	83
ПАМЯТЬ	84
<i>Микаел Абаджянц</i>	96
ЗАЩИТА ТАРОСА	97
<i>Алёна Чубарова</i>	126
ПРЕДАТЕЛЬНИЦА	127
ПИСЬМА В БУДУЩЕЕ, ИЛИ НЕМНОГО О КОШКАХ	137
<i>Мар'и Ард'и</i>	141
БАНАНОВАЯ ИСТОРИЯ	142
ПРО ЭВАКУАЦИЮ	143
НАЗАД, В СОЮЗ!	145
ЕЁ БАБУШКИ — ЕЁ БОГАТСТВО	147
ОДИН УРОК, ИЛИ КАК ХОРОНИЛИ СТАЛИНА	149
ПАРИ	154

Ольга Грушевская	158
ГОРОД	159
В ПОИСКАХ СМЫСЛА	169
«ВНУКИНА» ЗОНА	171
В ЭТО ЛЕТО МНЕ ДАРИЛИ ИРИСЫ	173
Ольга Дёмина	182
МАМА МЫЛА РАМУ	183
ЗАМОК ИЗ ПЕСКА	184
СЕКРЕТ ТРОЛЛЕЙБУСА	186
ПЕРЕХОД	189
Анна Народицкая	191
ШАГАЯ НЕ СПЕША	192
ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ	199
КОЛЮЧЕЕ СЧАСТЬЕ	203
СКОЛЬЗКИЕ МЕЧТЫ	204
ПЕЧЕНЬЕ К РОЖДЕСТВУ	206
Ольга Уваркина	209
РЯБИНОВЫЕ БУСЫ	210
СУХАРЬ	212
БА	216
МОЙ ДЯДЯ ВАНЯ	220
Наталья Пунина-Орлова	227
К ИЗУМРУДНЫМ БЕРЕГАМ ДЕТСТВА...	228
РЫЦАРИ ДУХОВ СВЕТА	232
Зинаида Кокорина	240
«РАЗ СЛОВЕЧКО, ДВА СЛОВЕЧКО...»	240

ПОЭЗИЯ

Алексей Казарновский

Автор настоящей подборки – старый участник МОССАЛИТа и Международного союза писателей «Новый Современник» и не менее старый участник сборников «Московский Дом». Полагаю, что это характеризует его с самой лучшей стороны. О прочих заслугах и достоинствах скромно и предусмотрительно умолчим.

Так откуда мы родом? Из детства? Это уже банальность, но что есть банальность, если не непреложная, всем давно известная истина? Мы родом из домов, дворов и городов нашего детства, из наших семей – родителей, дедушек, бабушек, из наших школ и классов, из нашего (уже ушедшего!) времени, наконец, из родной (а отчасти и из всемирной) истории и культуры, с которыми ощущаем неразрывную связь. Мы родом из того быта и той природы, которые нас окружали в начале жизни. Мы родом из тех радостей и тех бед, которые довелось пережить тогда. Все это прочно ложится в основание личности, делает нас такими, какие мы есть, а потом, как в зеркале, отражается в творчестве...

А теперь – стихи.

Таруса

Солнце в воду рассыпало яркие бусы
И блестит на стремнинах бегущей Оки,
Тёплым августом домики старой Тарусы
Тонут в тихих садах над обрывом реки.

Стая галок закружит над церковью белой.
Я такую повинность придумал себе:
Постоять над рекой, меж Мариной и Беллой,
Размышляя о гениях и о судьбе,

Вдоль обрыва пройти по утоптанной глине,
Чтоб, волнуясь, на памятный камень взглянуть,
Где навеки остаться хотелось Марине...
Но судьба ей иной предназначила путь.

Облака, словно флот белоснежных фрегатов,
В небесах, что, как дали Руси, широки,
А в могиле на круче Борисов-Мусатов
Спит несчастною жертвой упрямой реки.

Дремлет кошка в тени на завалинке дома.
Здесь в тарусской глуши тишина и покой.
Пляжи, ивы, луга – всё до боли знакомо,
И Поленова крыши вдали за рекой...

Русь Святая

Кто этот призрачный венец
Тебе поднёс и не помешкал –
Глупец, мудрец или подлец?
Ферзём назначенная пешка –
«Святая Русь»! Ну не насмешка ль?

В разбеге лет такие встречи
В душе твоей нашли причал,
Что их заряд противоречий
Враждою яростных начал
Весы столетий раскачал.

Из века в век – случайно ль, в срок –
Всё шла живая вереница,
И в ней сменялись люди, лица.
Дурак, подонок ли, пророк –
Диапазон весьма широк.

Тот святость чистую искал,
Преодолев свирепость страсти,
Терпя лишенья и напасти,
В лесах или средь диких скал,
Предвосхищая идеал.

Другой твердил, что строит храм,
А возводил вертеп убогий,
В котором бесы-полубоги
Блюли пустых обрядов хлам,
И вера вырождалась там.

А третий обличал пороки
И возводил фантомы планов,
И строил новых истуканов,
И верил в то, что близки сроки,
Когда иссохнут зла истоки.

Но хлеб не заменяют словом,
А жизнь сложнее всякой схемы,
И допотопные проблемы
Висят над поколеньем новым,
К ним, как и прежде, не готовым.

Неблизок путь к вселенской славе
В рутинной тягостной работе.
Тобой рождённый плоть от плоти
В побед и бед бурлящем сплаве,
Превозносить тебя не в праве!

...Как, впрочем, и хулить не в праве...

На лыжне

Солнце смеётся над кронами сосен,
Лыжи по снежной дорожке скользят,
Сколько мне лет? Не вчера ль было восемь?
Вспомнил! Теперь уж почти шестьдесят...

Детство своё мне припомнить несложно.
Здесь оно – птахой порхает в душе,
Лишь не спугни, помани осторожно,
Кажется, вот и вернулось уже.

День удивителен, ярок и сладок,
Время-улитка ползёт не спеша,
И в предвкушении чудесных загадок,
Сладко томясь, замирает душа,

А горизонт с каждым шагом всё шире,
Свет наступает на мутную тьму,
Сколько узнаю ещё в этом мире!
Сколько увижу и сколько пойму!

Детство вернётся, но лишь на мгновенье.
Дрогнув, как зарево дальних огней,
Станет вдруг снова туманным виденьем,
Скрытым за дымкой умчавшихся дней.

Лыжи бегут, как и в детстве бежали.
Радуясь, лихо по снегу лети!
Жаль, впереди не бескрайние дали,
Только финальный участок пути.

Уж за спиною лыжни километры,
Время спешит, и звучит как укор
Всё, что не познано, всё, что не спето,
Всё, что не понято мной до сих пор...

Что ж! Так и надо! Обиды напрасны!
Небесконечна и эта зима.
Жизнь справедлива, всё честно и ясно!
Скоро кончается лыжная трасса,
Вон уж за лесом мелькают дома...

В городе

Снежного вечера рваные полосы
Хлещут наотмашь и ранят глаза.
Город усталым надсаженным голосом
Стонет, срываясь на гулких басах.

Небо померкшее иссиня-чёрное
В узких просветах меж кромками крыш,
Окна ночные, на свет обречённые.
Что это? Питер, Варшава, Париж?

Вспышки рекламные сумрак изрезали,
Мозг обжигая, врезаются в грудь.
Ночь покалечена, стал ей протезами
Свет фонарей, ядовитый, как ртуть.

Боль, отражённая зеркалом вечера,
Впитана в плоть этих каменных стен.
В лицах, как старая плёнка, засвеченных,
Полубезумный бессмысленный тлен.

Что это? Бред, или злое пророчество,
Иль откровенье на самом краю?
Неодолимая тьма одиночества
Не выпускает добычу свою...

Февральское

Февральский день искрится светом,
Ещё чуть-чуть – уж близок срок –
Весною, а потом, и летом
Задышит южный ветерок.
И, в ожидании замирая,
Февральский дух, как воду пьёшь,
И, словно изгнанный из рая,
Как чуда возрожденья ждёшь.
Но, будто бой часов на башне,
Тревожный и звенящий лад
Смешает боль потерь вчерашних
Со скорбью будущих утрат.
В нём всё слышнее отзвук бездны,
Как отдалённый слабый стон,
И в оптимизме легковесном
Так странно чужероден он.
Услышишь в нём, копя усталость,
От буйства жизни отстранён,
Родителей седую старость,
Что столь сродни концу времён.
Потом под тихий шёпот звёздный
Сойдёт, как божья благодать,
Что и тебе теперь уж поздно
Влюбляться, верить и мечтать.
В какую тьму беззвучно канет
Надежды розовой полёт?
Весна уже не одурманит,
И лето не тебя зовёт.
Мир – вечный пленник старых басен,
Но, солнца пламенем объят,
Он чуть печален и... прекрасен,
Когда тебе под шестьдесят.

Гражданская война

Куда идти, какой дорогой?
И кто здесь пан, а кто пропал?
Как стал бессмыслицей убогой
Вчерашний светлый идеал,
Развенчанный судьбою строгой?

Вражды гранитная стена
Глуха для слова и для взора
И злом в квадрат возведена.
Здесь хватит каждому позора,
Зато на всех одна вина.

Нет в мире ни судов, ни правил,
Чтоб рассудить их, наконец,
И кто тут Каин, кто тут Авель,
Не знает даже сам Творец,
Ведь он давно их всех оставил...

И разве где-то брезжит свет?
Нет, ни в грядущем царстве Хама,
Ни в райских кущах места нет,
Стоящим на руинах храма
Не осушить истоки бед.

И время не вернётся вспять,
Смирить угар кровавой схватки
И злую ненависть унять.
Друг друга в смертной лихорадке
Им не простить и не понять.

На улице детства

На улице этой, знакомой до скуки,
Меня стерегли неприметные тени.
Их гроздьями память роняла, как звуки
В минорных причудливых хитросплетениях.
И, словно в недоброй готической сказке,
Я видел, ступив на асфальт тротуара,
Как призраки кружат в затейливой пляске,
Мерцая навязчивой рябью муара.
Из памяти, словно из бездны колодца,
Всплывали, внушая озноб и усталость,
И звали к тому, что уже не вернётся,
Туда, где уже никого не осталось.
Я думал: не будет от них избавленья,
Лелеял своей обречённости путы,
Безвольно, покорный теней появлению,
В мучительном трансе считая минуты.
А после, скитаясь по белому свету,
Я память тянул за собой, словно нитку,
Чтоб снова однажды на улицу эту
Прийти, предвкушая знакомую пытку.
Но всё вдруг увиделось ярко и ново,
И свежие ветры на улице веют,
И сам я как будто из стана иного –
Из тех, кто уже ни о чём не жалеет.
И вот, через годы, ушло наважденье.
Теперь, прошагав мимо этого дома,
Я, может, едва улыбнусь на мгновенье:
«Ты всё ещё здесь? Здравствуй, старый знакомый!»

Беломорские острова

*Нет человека, который был бы
как Остров, сам по себе, каждый
человек есть часть Материка,
часть Суши.*

ДжонДонн

*I'm rock,
I'm an island!
And the rock feels no pain,
And an island never cries. **

Paul Simon

*Потому что, мой друг,
мы ведь тоже с тобой
Острова в океане,
острова в океане.*

А. Городницкий

На диких беломорских островах
К земле приникли чахлые берёзы.
Густой закат причудливо-кравав,
Он предвещает завтрашние грозы.
Пустынный берег вытянут строкой,
Потерянной в немой дали вселенной...
Здесь обитает царственный покой,
Как сам творец божественно-нетленный.
Шурша, ложатся волны на песок,
Считая уходящие мгновенья,
И море Белое колышется у ног,
И память плещется о берега забвенья.
И эти берега иных времен,
Плывущие в густой туманной дымке,
Бывшее превращают в смутный сон –
Неясный образ на нерезком снимке.
Но здесь, земной природе вопреки,

* Я – скала, я – остров! И скала не чувствует боли, а остров никогда не плачет (англ.).

Уже совсем другим масштабom зренья
Я вижу бег безжалостной реки,
Что временем зовут со дня творенья.
Вину, обиды, что меня гнетут,
То, что ушло, и то, что будет дальше,
Я отрешённо измеряю тут
Без суесловной и лукавой фальши.
Недаром в эту дикую страну
Шли за спасеньем к святости исконной,
В уединённую святую тишину
От суеты и жизни беззаконной.
Под своды храмов и в далёкий скит,
Где от свечей мерцающие тени,
Где полумрак торжественно звучит
Мелодией церковных песнопений.
И в этой необузданной глуши,
Где шалый ветер разгоняет волны,
Быть может, просветление души
Найду и я, других мелодий полный?
В родстве с уединённой простотой,
С загадочностью девственной природы,
С её неброской тихой красотой
Под голубым полночным небосводом,
Укрывшись от утрат и мелких бед,
Пустых надежд, несбыточных желаний,
Я – словно остров, хоть сказал поэт,
Что человек – не остров в океане.
Ведь даже здесь в покоях тишины,
Где дней река течёт немногословно,
Я – капля человеческого МЫ,
Которая сама весьма условна.
Пока плывут седые облака,
Пока саднит, не заживая, рана,
В любой глуши я – часть Материка,
Враждебного свободе океана.

Зинаида Кокорина

Откуда мы родом? Можно бесконечно философствовать и рассуждать об этом, но всегда вопрос будет касаться самого важного периода жизни, который проживает и будет проживать каждый человек со дня своего заявления: «Я родился!» Период этот – самая замечательная пора – детство! И по тому, как человек проживёт этот отрезок своей жизни, можно судить обо всём, что произойдёт с ним позже, по крайней мере, отпечаток будет неизгладимым. Ибо, как сказал один из самых удивительных людей – мечтатель, лётчик, писатель Антуан де Сент-Экзюпери: «Все мы родом из детства».

Поэт, публицист и прозаик, пишу также стихи и прозу для детей. По образованию инженер-энергетик.

Печаталась во многих журналах и альманахах: «Золотая строфа», «Парадоксы чувств», «Автограф», «Москвa поэтическая», в детских: «Либерия», «Свирельки», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», и во многих других. Стихи вошли в альманах «Болишевский Парнас», г. Королёв. Автор четырёх поэтических сборников: «Не по радуге-дуге», «В осеннем танце», «Встречаем новый год по восточному календарю», «Мой Телец» и пятого сборника (стихи и проза) «Птица вольная», также более десяти книжек стихов и прозы для детей.

Член ЛИТО им. Новикова-Прибоя, г. Королёв, Союза писателей-переводчиков МГО СПР, Московского регионального отделения Международного союза писателей «Новый современник», Московского салона литераторов (МОССАЛИТ), автор Содружества Авторов для детей город Казань (САДИК).

Награждена благодарственными письмами, почётными грамотами, дипломами за заслуги в литературе и участие в различных номинациях многих конкурсов, в том числе в номинации «Стихи и проза для детей» конкурса С. И. Дурылина (2010, 2013, 2017), город Королёв, дипломом Всероссийского заочного конкурса «Гренландия» в рамках XXII и XXIV фестивалей авторской песни,

в номинациях «Пусть всегда будет солнце» и «Мы – дети твои, Россия» (2014, 2015), дипломом Петровской академии наук и искусств за первое место в третьем Международном литературном конкурсе «Россия, перед именем твоим...» (2016), медалью и дипломом МГО СПР «М. Ю. Лермонтов 1814–1841» (2014), медалью и дипломом МГО СПР «60 лет МГО Союза писателей России» (2015).

Живу в Королёве Московской области.

* * *

То не из сновидений,
Как в прихожей когда-то
На рога, на оленье,
Гости вешали шляпу.

Грациозно красивые,
Со спиральной нарезкой,
Мысль мою уносили
Из глубокого детства
В дебри дикого леса,
В скандинавские дали,
Где внушительным весом
Мощный лоб украшали.

Я спустя много лет
В стенах дома родного,
Говорю им: «Привет!
Вот и свиделись снова...»

И опять те витые,
От оленя иль лося,
В годы детства бывшие
Память сердца уносят.

С верой по жизни

Из века двадцатого
В век двадцать первый
Стремились орлята
С надеждой и верой.

Росли пионеры –
Всегда быть готовы! –
С сознанием веры
И делу, и слову.

Билет комсомольца –
Путёвка по жизни,
Порыв добровольца –
Служенье Отчизне...

От века до века –
В столетье размером –
В рассвет коммунизма
И в Партию вера.

Мужали орлята –
Опора России,
Ходили в солдаты,
Их войны косили...

И переполнялась
Терпения мера,
Мечты рассыпались,
И рушилась вера...

По меридианам
И по параллелям
В заморские страны
Орлы полетели.

Измученной вере
Обидно до боли:
Столетье – за дверью,
Желанной нет доли...

*А звонниц миссия
Вещать во спасенье
Великой России...
Терпенье! Терпенье!*

Семь Я

У нас семья – семь Я на самом деле:
сын, сноха и четверо внучат.
Я – мама, бабушка – всегда при деле:
все от меня чего-нибудь хотят.

Признаюсь честно, очень выручает
помощник мой – технический прогресс:
машина пылесосит и стирает,
к трансформерам у внуков интерес...

И с ужином не надо торопиться,
на вкус любой исполнится заказ.
Звоночек в дверь: «Заказывали пиццу?!»
А суши будет в следующий раз.

Как бабушки скучают, представляю,
когда есть в доме няни, повара...
И руки по ночам не растирают,
и не сучат ногами до утра.

Когда семья большая – это счастье!
И верю, что в грядущие года,
без маминого с бабушкой участия
тепла в семье не будет никогда.

Сорок лет спустя (встреча одноклассников)

Вот он, родной наш класс...
Теперь столы в три ряда,
а раньше были парты (пять в ряду).
Встречают окна нас
лучистым светлым взглядом,
как сорок лет назад.

Вдохнув, иду...
Навстречу мне глаза
с распахнутым вопросом:
– А это кто?..
– Попробуйте угадать!
Я та же егоза...
Я Инка! Только косы
украшила серебряная прядь.

Мне, помнится, туда...
Сидела рядом с Ромкой.
Не он ли тот, кто мне махнул рукой?
...Перечеркнул года
Своей улыбкой робкой...
И говорить не надо, кто такой.

За мной сидел Иван –
шалун невыносимый,
всё норовил за косы потянуть...
– Ну, здравствуй, хулиган!
Прости... Иван Максимыч.
И я теперь без кос... не обессудь.

Смущаясь в первый миг,
всё прибывают гости
(Был уговор, не называть себя).
– Серёга, ты, старик?
– Надюха!..

– Сёмин Костик?!
Черты от детства выдают ребят.

Всё громче встречи гул.
Свободных мест не много...
Старались все к звонку не опоздать.
Украдкой взгляд на стул
с надеждой и тревогой,
увидеть ту, кто заменял нам мать.

Потом – через часок –
ушедших мы помянем,
расслабимся, как школьные друзья...
Но вот звенит звонок.
В дверях стоит с цветами
Учительница первая моя!

Мария Панфилова

Родилась в Москве. Работаю дизайнером. Пишу стихи.

Чем больше слов, тем непонятнее. Стараюсь меньше.

Получается ещё меньше. Слава Богу.

* *

вместе с иглами сосен
падать
перемещаться
из жизни в смерть
устилая дорогу собой
тихо теперь ступай
прямо к дому

*

она так велика
что ты, глаза открывая,
единым взмахом ресниц
сметаешь всю жизнь до

она так мала
что слон из посудной лавки
зайдя вовнутрь, протрубил
и до сих пор стоит
ждёт эха

*

Наднебесная
отражается в нас
в насекомых

*

глядя вверх
глядя вверх на макушки сосен
можно возвращаться в лето
хоть на чуть-чуть
ну, пока шея не устанет
или
пока

оно само не вернется

* Все стихи в авторской редакции.

*

море набрасывает на нас
заветные рубашки крапивные
пальцы волн в волдырях

усаживает
за бесконечные столы пирсов
льёт нам в глотки
местные ежевичные вина

русалочки груди
рыжее молоко
сцеживают летающим рыбкам

*

ты добавил меня в корзину

воды реки
приняли
покачивая
несут

волчице кружок колбасы
что обол

*

входишь в меня:
как в резервацию

требуешь:
ради бога
воды

твой состав:
соль
желчь
мёд

молчишь:
скоро уйду
молчишь:
не ходи за мной

*

выложил
бусы стеклянные
краденые артефакты
из захоронения царицы лебедь

говорит
мне две любви
земную и небесную
те, что по акции
те, что жёлтыми ценниками горят
те, которые огнём и мёдом
те, от которых смерть
вечная
дай

*

лень торговаться
лень шевельнуть плавником
ну бери всё так

*

снова
завис между прошлым и прошлым
жалуешься
на смерть

*

сердце грозы
разрывается над моим домиком

греческие проклятия
персидские жалобы
балийский хохот

молнии взяли за руки
встали и смотрят насквозь
пустыми ледяными глазницами

*

облепиховый
рябиновый, еловый
сиреневый лес
вырастила бабушка
наша бабушка Аня
давала расти
просто давала расти
молилась Богу
читала книги
после обеда спала
вот он и вырос

*

там
ворованные у осени
цветки топинамбура
растянута на столбах тишины
сетка-рабица скрежета цикад

*

билась лбом об источник света
думала это и есть счастье
панцирем покрыто
недостижимое
падала с высоты
падала с высоты потолка
падала на верстак где тиски дедовы
падала ниже где ящики с золой
золы нужно много бабушка говорит
плакала стучалась не отвечал никто
скатывалась на пол
на полу поле
что в поле пустом пользы

дождь выйдет-польёт
выльется да не весь
бог весть почему

здравствуйте тяпки
здравствуйте грабельки
мотыги лопаты
серпы и косы
и ты
земля

*

в круглое окно колокольни
заглядывает Господь Бог
и смеётся

*

что же ты плачешь?
что у тебя отняли?
неужто любовь?

*

По ком звонит
Юбка-колокол?
По тебе, по тебе

*

Выше лилейника моя радость
Выше камышей
Подпрыгивает

Ветки
И отражения веток
Ликов бесконечная переключка
Плотвичка глупая, танцуй, увидев письмо
Остренькие клинышки и крючки
О, что за язык?

*

ехали римляне
работать молдаванами
ехали казахи
работать японцами
ехали евреи
работать хорошими русскими
ехали русские
работать плохими русскими
ехали итальянцы и французы
работать итальянцами и французами
ехали варяги
в греки, да в болотах увязли

а греки ехали-ехали
ехали-ехали
и поворотили домой
а то ишь
распоясались женихи

*

откашливается огинским
аккордеон
беглый
ищут
переход от чехова в тверь
в тварь
из чел
а
под ногой подвижная твердь
отростки позвонков
эскалаторного чудища
еле сдерживаемся
чтобы
не

*

таяла сорока
цветные проталины
на месте
рёбер
жесткости
сахарный снег
третичный лёд
ледяная вата
сирота реликтовая
золотой реликварий
не толки пустоту в ступе
стопы
направь на север

и знаете, пани сорока,
не возвращайтесь в сорренто...
не возвращайтесь в сорренто
не возвращайтесь в сорренто, сорри

*

спал хорошо ли?
не забывал поесть?
пал ли? секам?
жизнью храбрых
мер ли, весов
пасть в этом шоу
разверста
бритву не втиснуть

*

как на собаке
как на китах, черепахах
смерть заживай
зажевала зараза отдай
всю эту плёнку
все пузыри диафильмы
неба ума приложу
заживай заживай

*

выходишь из чащи, задумчивый Пан,
пираньи скурили твой аэро- план
мелькали мальками
ты был благороден на дне, словно дон
и даже по контуру был обведён
цветными мелками...

в насаде салютов и вони шутих
ревизская сказочка нас отпусти
ревнивая ретушь
и ножен коснётся зазубренный меч
и список заветных сияющих мечт
почти рассекретишь...

небесный нестрой- недосып- недоснаб-
али припасает любезной зейнаб
толкушку и блендер
декабрь не устанет молитвы молоть
и вот, обновляет картинку Господь
и ставит на рендер...

*

птица подстрелена
падает
в пересохший колодец
смерть обнялась со смертью
чудо:
кровь
зёрна граната
приняты донной пылью
лоно колодца
лепечет
пробудился источник
крылья ожили
сердце увидело небо
ветер подставил плечо
поднимаюсь
лети

*

утро. вторник. и тишина в метро
сбилась небесная линия осевая
тишина за шиворот
шепот за ширмами
в петлице обглоданное ребро
бух бутоньерка
тишина как вынутое
тишина поднимается
записывать не успеваю

*

спинной плавник любовного чудища
лопнувшая дека деконструкции
за педаль принимать болотную кочку
бесконечно раздевать кочан отчаянья
препарировать пузыри зырь
ожоговое отделение смыслов

*

хау а ю? ху а ю, долли?
в тесном строю? очи идола долу
так же служишь в очистке? ок!
солонина-столовка-сочи?
картофель смотрит в глазок
и открывать не хочет.

*

постойте деревья
не улетайте небесные
до-птичье молоко
не долакали
наскоро выцарапывали да выростили
юлу луны
воробьиные чик рассыпали-рассыпали
голые лапки голубей красным горят
да вороньи побасенки арканы раскинули
солнечная соль
инеем прорасти

*

твой голос бесцветен-прозрачен
твой смех негромок-прозрачен
логос подобен яшме
тысячи линий узор создают
твёрд подобно воде
подобно воде
что проводит века на вершине горы...
и уходит весной
в долину на самое дно разделившись в одно:
синий язык ледника
и водопады

*

пони процокал
припадает на одну
тихий листопад

*

зелёный царь
зелёный человек
зелёнка на коленках и на пальцах
коленки тощие
таскай в себе тоску
я Фрида
вот зелёный мой платок

*

цеплялись за облако
висли на нём
из последних синиц
перебирали по снегу лапами
и вскочили в последний
и уехали-улетели
и улетели-уехали
в сторону лета
в сторону арарата
на все стороны
всех-всех нас

*

приходила синица
говорила набело
синь
синь
синологи ниц

*

дятел деловит
дятлу дела нет
до моих строк
до цезур
но лазурь
рассёк
но в ладони вогнал
шило языка
не утаишь

Евгений Агуф

Оценивая стихи конкурса, пришёл к удивительному выводу, лежащему на поверхности – мы родом из картинок, которые всплывают в наших воспоминаниях при словах «моё детство...»

Лично для меня это «стрекоза в траве» из сегодняшней песни моего земляка Олега Митяева. Конечно, озеро Чебаркуль, куда недавно нырнул метеорит, которое мне вспоминается с плывущим над ним голосом Демиса Руссоса из моего магнитофона на окне. Это синие горы на горизонте и жаворонок над раскалённым картофельным полем. Это лесная клубника с одуряющим ароматом в траве на окраинах чебаркульского танкодрома. Это родной Челябинск и дача, а позже пионерский лагерь станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе (78-й завод) на берегу озера Еловое. Это бесконечные картинки, запахи, звуки...

Именно поэтому считаю, что тема не особенно сложна для раскрытия.

Я очень люблю всё то, откуда я родом, поэтому и у меня есть немного чего-то на эту тему.

Когда я был таким, как ты, сынок...

Когда я был таким, как ты, сынок,
Я делал очень смелые находки –
Я знал, к примеру, то, что и без водки
Девчонки – прелесть от ушей до ног.

Тогда я был, как ты, в себе уверен,
Не сомневаясь ни минуты в том,
Что раз уж я сейчас в неё влюблён,
То значит – я судьбою ей отмерен.

Я верным был от ночи до утра,
А может быть, и дольше – суток двое,
Ни на минуту не давал покоя,
До зова предков, что... «Домой пора!»

Навезло

Двор, завалинка, сарай
И посёлок Плановый...
Эй, парнишка, наливай,
Я здесь жил на Жданова.

Память в голосе дрожит,
И слеза в подстрочнике...
А дружок мой, Сашка, жил
На Многостаночников.

Сколько лет, а дом всё тот,
Как в пятидесятые,
Только в нём водопровод
И удобства всякие.

Нет крапивы, и бурьян
Выкошен по ниточке.
Ну а я от счастья пьян
У родной калиточки.

Уральская осень

Желтеет лес, впитав остатки солнца,
Разбрасывая под ноги его.
Над озером ресниц золотые кольца –
Холодный взгляд Урала моего.

Всё чаще с плеч заоблачных Урала
Ночами иней падает в сады,
Посеребрив капустные главы...
И речка, леденя, жмётся к скалам.

Свистит синичка утром под окном –
Встречая день, тебя восторгом будит.
Под чередой похолодевших будней
Лежит гора в объятьях облаков.

Жизнь глазами ребёнка

Мне говорили: «Так нельзя!»,
А я их слушал,
Нырять в водовороты дня
И космос суши.

То, превратившийся в жука,
Жужжал в коробке,
То гулливерова рука
Манила в сопки.

Я был поэтом и певцом
Одновременно,
Соседский пёс, к лицу лицо –
Любил, наверно, –
Лизал шершавым языком
Мои колени,
Не оставляя на потом
Сомнений тени.

Там каждый день был новым днём,
А шмель гигантским –
Басил, упрятавшись в бутон,
В цветочной сказке;

Бездонно нежен львиный зев
С росинкой в гроте,
А шмель в нектар, пьянея, лез
По недрам плоти...

Пленяла тайной красота
И нежность танца...
Шмель улетел, а я с цветком
Поцеловался.

Опять заплакал снегом крыш весенний город

Опять заплакал снегом крыш весенний город,
Ручьёв потоки из-под серого пальто.
Он шубой белой укрывался только что,
А тут надел зелёный шарф под чёрный ворот.

Подставил солнцу март заснеженные плечи,
И ветерок звенит заливистостью птах.
Кора теплеет на проснувшихся кустах
И, источая аромат, от грусти лечит.

Утренний концерт

Я с утра надышался весной и наслушался пташек,
Пряный запах листвы одуряюще свеж и цветист.
Мастерству соловья подражая, заштатный артист
Прокричал: «Чиф чувих!», становясь всё смелее и краше.
Властелином небес возомнил себя солнечный диск,
Не спеша, озаряя собой непроснувшийся город,
Разгоняет туман над рекой и предутренний холод.
Он до вечера – царь, он до ночи – великий солист!

Апрель

Апрель рисует замки в небе звёздном,
Мечты сплетая в невесомость кружев.
И в хоровод светящихся подружек
Восходит с реверансом несерьёзным
Прозрачный, тонкий, чуть сутуловатый,
Красой весны смущённый, юный месяцц...
И до утра туман плащом завесил
Их поцелуй во всполохах заката.

Истоки...

Одни у них первоисточники,
Но каждый в свой прицел смотрел.
Один – подписка и в сверхсрочники,
А друг имел другую цель.

Один служил по расписанию –
Отбой, тревога, марш-бросок.
Другой – престижный вуз, экзамены,
Таблетки, дозы, ломки... срок...

Судьба по кругу хитро вывела –
Заложник, зэк под наркотой...
Находит снайпер цель для выстрела,
А перекрестье тот – другой...

Стариканский трёп

«Любови вечной на земле»
Я снова обещаю девам.
Стихами, словом, а не делом
Запечатляюсь в их судьбе.

Лишь докурить да растереть –
Всё, что того осталось века...
И реже зеркала без смеха,
Крепчает спазм, слабеет твердь.

Из обязательств – только смерть,
И с той уже играю в прятки.
Девчонки, я ещё в порядке!
Старик? Так это как смотреть...

Мужик сказал – мужик сделал!

У челябинского парня
Попросила я звезду.
Понял он меня буквально.
Что мне делать, не пойму...
Пусть теперь огнём сгорит
Тот дурной метеорит.

У Времени в костре

Кажется, что время всё быстрее,
А оно, как раньше...
Корчится у Времени в костре
Позапрошлый мальчик.
Помню, раньше – вижу стрекозу,
Время исчезает;
А недавно день провёл в лесу,
Пробежал по краю,
На засолку рыжиков нашёл
С белыми грибами –
Положил под ягоды в мешок...
И часы устали.
Стрелками заплакал циферблат,
Значит, полшестого.
Ни секунды не вернуть назад,
Мчится время снова
С каждым годом дни летят быстрее,
Но сгорают ярче...
Пляшет у безвременья в костре
Престарелый мальчик.

О смерти

Мне не страшна нисколько смерть моя.
Когда её наступит срок, она придёт
И, что приятно, неожиданно возьмёт
Меня, как упаковку бытия,
В которой умещались мне на радость
Любовь, страданья, смех и тьма стихов!
Так мал, посмертно, бранный мой остов,
А в нём вселенная всё время жить пыталась.

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

ОБ АВТОРЕ или ОТ АВТОРА, что одно и то же

История происхождения автора проливает свет на тайный подтекст его текста. Для того чтобы этот свет погасить, автор придумывает себе биографию, которую и выдаёт за художественный текст. Особенно коварные авторы ничего не придумывают, что создаёт совершенно непреодолимые препятствия для понимания их текстов. Вот, например, этот рассказ написан 12 мая 1984 года, и в нём встречаются приметы времени, ставшие уже архаическими. У автора рука чесалась поправить рассказ, приведя в соответствие с реалиями современности. Но автор её, то есть руку, коварно удержал. Никто же не правит классиков, у которых персонажи разъезжают в каретах и на телегах, а носят сапоги со шпорами и лапти. В этих приметах времени, может быть, особая прелесть и загадка. А поскольку все эти приметы буквально списаны с натуры, которую можно было увидеть или не увидеть из окна квартиры автора 12 мая 1984 года, то и Трандагор становится такой приметой и загадкой. Какое-то время автора весьма беспокоили эти земные инопланетяне. Ведь каждый человек – инопланетянин. У каждого есть своя родная планета. Со своим климатом, своей географией, своей историей, своей философией, своей психологией. Наконец, со своим способом продления рода. Там, на своей планете, человек чувствовал бы себя счастливо. Обрёл бы, так сказать, землю обетованную. Заметьте, в каждой религии есть свой рай. Но каждый представляет его себе по-своему. Это как бы воспоминание о родной планете. Конечно, неосознанное воспоминание. А на Земле мы все гости. Потому и не ладим друг с другом. Но теперь инопланетяне автора больше не беспокоят. В конце концов, не всё ли равно, кто с какой планеты? Гораздо более важен другой вопрос: из какой Вселенной?

О Трандагор!*

Двор довольно большой. В середине – хоккейная площадка, оборудованная по всем правилам. Рядом песочница, детские «грибки», место для развешивания белья. Со всех сторон двор окружают громады жилых домов из унифицированных деталей. У стеклянных подъездов лавочки со старушками. Под окнами газоны с мини-клумбами, мини-грядками и мини-деревьями. Микрорайону нет ещё и пяти лет.

Идёт снег, крупный, редкий. На дорогах снег сразу тает – 2 градуса выше нуля. У бойлерной очередь к телефонным автоматам, рядом толстая тётка продаёт молоко из бочки. «Перед употреблением – прокипятить». По тропинке, пересекающей двор, идут женщины с сумками, возвращаются домой из универсама. Мальчишка стоит, лепит снежок и не знает, куда его кинуть. Скучно одному. Пробежала мелкая собачонка, тьявка и вспугивая голубей.

Инженеру Сомову сверху, с третьего этажа хорошо видно и можно пофантазировать. Небо молочного цвета – из него, как из тумана, должен медленно появиться инопланетный корабль. Зависает над хоккейной площадкой. Никакого грохота или там огня не надо. Всё должно быть тихо и аккуратно. Повисел в воздухе и опустился на землю, лишь снег слегка взбил. Но снег липкий – сразу осел.

Ну, тут, конечно, люди стали внимание обращать, что-то кричат, окна открываются. Может быть, даже милиционер появился – тут около сберкассы дежурит один всё время. Мальчишка побежал прямо к инопланетному кораблю – интересно! Мать кричит ему из окна испуганно, грозит. Милиционер рацию достал, говорит в неё что-то, сердится на непонимание и плохую слышимость. Кто-то догадался, к

* Текст в авторской редакции.

автоматам побежал звонить. Куда же он звонить будет? Народ стоит в отдалении, переговаривается, жестикулирует. Ближе никто подходить не хочет, мальчишку того за ухо оттащили, мать его домой загнала. Он теперь из окна высовывается, бинокль раздобыл – смотрит не отрываясь. Вскоре конечно милиция приехала, пожарная машина, скорая помощь. Аварийка зачем-то из Мосгаза. Потом «волги» подкатили, люди в штатском вышли. Появился человек с мегафоном, кричит, чтобы разошлись, не подходили, не мешали, без паники чтобы. Наконец, грузовики армейские приехали. Солдаты быстро оцепили весь двор, командиры распоряжения отдают, бегают, докладывают что-то начальству в штатском. Репортёры тут как тут, на крышу бойлерной забрались, их оттуда милиция разгоняет. Ругаются из-за фотоаппаратов. Закрутилось всё, завертелось, так всё слаженно, чётко, будто каждый день инопланетные корабли приземляются, отрепетировано уж всё давно. Вот только на этот раз осечка вышла – не там сел, в жилой микрорайон угодил. Может, сломалось что, неисправность какая. Разберёмся, главное – без паники.

А корабль стоит себе тихо, ничего в нём не движется, люки не открываются, антенны не вращаются, прожектора не светят. Небольшой корабль, как раз до Сомовского третьего этажа доходит. Может быть посадочная шлюпка, а звездолёт на орбите остался? В общем, постоял, постоял, потом вдруг раз – и подниматься начал. Медленно, осторожно. Метров на сто поднялся, повисел минуту и сразу вверх, с ускорением, скрылся в молочном тумане. Как будто и не было его.

Во дворе потом неделю оцепление не снимали. Учёные приезжали со спецмашинами, всё снег на месте стоянки изучали, пробы брали, приборами разными измеряли что-то. Наверное, и на радиоактивность проверяли. Потом уехали все, солдат увезли

на грузовиках. Жители ещё долго ходили на хоккейную площадку, смотрели на снег, хоть он и новый выпал. Очевидцы объясняли всем желающим, как дело было, мальчишка тот заводилой стал, ребята за ним табуном ходят. Сначала он им всё рассказывал, потом игру новую затеяли – в космических пришельцев: шапки по-чудному завязывали, на манер шлемов от скафандров, стреляли из деревянных бластеров. В газетах ничего не было – Сомов тщательно просматривал. По «голосам» передавали, будто у русских появилась новая сверхракета, с большим количеством боеголовок. Врала, что во время испытаний одна ракета упала на окраине Москвы и наделала больших разрушений с человеческими жертвами. В Америке конгресс утвердил рекордный военный бюджет, на совещаниях по разоружению западные делегации обвиняли Советский Союз в нарушении военного равновесия. Но шум скоро утих: ТАСС в «Правде» опровержение поместило, «Литературка» политический фельетон напечатала.

Весна уже наступила, снег на хоккейной площадке растаял, доминошники появились во дворе. Мальчишки теперь в шпионов играют. А инженер Сомов каждое утро стоит у окна на своём третьем этаже, смотрит во двор, как машины грязь разбрызгивают, пожилые дамы собак выгуливают, синицы появились, летают, небо уже синее, облака на нём молочные, солнце светит. Стоит и думает: зачем он прилетал, инопланетный корабль этот? Автоматический он был или сидели в нём инопланетяне, смотрели на нас в иллюминаторы? Когда ещё прилетят? К какой звезде направились? Случайно ли к нам попали или со специальными намерениями: посмотреть, как мы тут живём, не пора ли дружбу завести? Много у Сомова вопросов, да задать их некому...

Никак Сомов не успокоится, никак не забудет того дня. Да оно и понятно: в тот день, едва скрылся ино-

планетный корабль в молочных облаках, почувствовал Сомов ужасную головную боль, и одновременно мучительно захотелось ему спать. Вот никогда так у Сомова не было, чтобы голова болела, и в то же время глаза слипались. Свалился он на кровать и проспал до следующего утра. А на следующее утро, лишь только открыл глаза, как сразу и явилось ему знание, что он, инженер Сомов, теперь инопланетный пришелец. Почему так получилось, что корабль улетел, а он остался, и почему вообще инопланетный пришелец, если он всё тот же инженер Сомов, этого он объяснить не мог. Но только знал уже наверняка, что вовсе он теперь не землянин, а родом с далёкой звезды Трандагор. Как-то так получалось, что до того дня он был инженер Сомов – человек, а теперь он инженер Сомов – трандагорец. Странно, конечно, что внешне Сомов совсем никак не изменился: был так же низок ростом, так же остренько выпирало начинающееся брюшко, и так же обозначалась в светлых, будто вылинявших волосах, небольшая плешь. Только бесцветные глаза его смотрели ещё более грустно, да мелкие уши краснели ещё чаще.

Ничего необычного не заметили и домашние Сомова. По-прежнему была весёлой, ласковой и заботливой жена по утрам, и усталой, раздражительной и скандальной по вечерам. По-прежнему ворчала и хлопала дверью тёща. По-прежнему безобразничали дети, в раннем детстве привыкшие кататься верхом на «папочке-лошадочке», да так и не повзрослевшие в школе. Всё так же в субботу гоняли Сомова по магазинам, а в воскресенье разрешали сходить в баню и выпить пару кружек пива «с лёгкого пара».

Никаких перемен не заметили в инженерере Сомове и на службе. Как обычно, был недоволен и двусмысленно хмыкал начальник. Посмеивались машинистки. Не отвечала на приветствия красавица-секретарша Ниночка. Тайно вздыхала некрасивая бухгалтерша – ровесница Сомова. Как обычно подшучивали колле-

ги, пытаясь собрать с непьющего и неучаствующего инженера трёшник на сабантуйчик – лишь для того, чтобы подsunуть ему часть своей работы, как расплату за неучастие. Как обычно, подстраивал разные пакости злобный Гардонов. Как обычно хвалили Сомова за исполнительность и дисциплинированность, ругали за безынициативность и неучастие в общественной жизни, и не повышали в должности и окладе.

Одним словом, по-прежнему инженер Сомов оставался тюфяком, подкаблучником и «лошадочкой». Ничем не замечательная личность, столь распространёвшаяся в наше эмансипированное время, видимо, для создания надлежащего фона для людей замечательных, смелых, оригинальных и весёлых.

Ради справедливости, следует сказать, что не всегда Сомов был таким непримечательным. В юности, а более того в детстве, он отличался безудержной фантазией и склонностью к самым романтическим мечтаниям. В мыслях своих он покорял пространство и время как космонавт из фантастических романов, совершал великие открытия как гениальный учёный, повергал в изумление и восторг весь мир как живой классик литературы. Он покорял также самые неприступные женские сердца – тоже в мыслях. В душе юного Сомова бушевали бури и совершались подвиги, велись учёные споры о тайнах мироздания, разверзались бездонные пропасти и возносились сверкающие вершины, добро боролось со злом и побеждало его. Словом, когда-то Сомов жил жизнью яркой, необычайной, наполненной глубокими чувствами, высокими помыслами и тайным смыслом. Но это была внутренняя жизнь, не видимая и не замечаемая окружающими. Сомов инстинктивно страшился столкновения этих двух миров: внутреннего и внешнего. Но такая двойная жизнь не могла продолжаться вечно. Его закупоренный внутренний мир перегорел, задымился и потух. Сомов закончил вуз, стал инженером и женился.

И всё-таки остатки того духовного пламени, видимо, ещё тлели под слоем пепла разочарований и золы из бытовых, семейных и служебных забот и сует. Инопланетный корабль оказался струёй чистого кислорода. Инженер Сомов снова начал разгораться изнутри. К тому же он стал космическим пришельцем.

Поначалу действительно все перемены в Сомове были только внутренними, душевными. За некоторым смятением в чувствах и мыслях последовала стадия прозрения. Сомов глядел на окружающий мир и свою собственную теперешнюю жизнь глазами инопланетянина. Многие вещи, в том числе самые обычные, стали его удивлять, а подчас и возмущать. В середине мая Сомов неожиданно для себя дал подзатыльник сыну-пятикласснику, стацившему рубль на кино. Чем поверг в изумление жену и тещу и внушил им необоснованные надежды. В конце мая Сомов сдал трёшник на сабантуйчик, выпил три рюмки водки и назвал Гардонова «нечестным человеком».

В июне инженер Сомов перешёл к решительным действиям на всех фронтах. Секретарше Ниночке «по случаю солнечной погоды» был преподнесён букет тюльпанов. Когда она всплеснула руками от удивления, Сомов ловко и галантно приложился к её пальчикам, чем поверг бедную девушку уже не в изумление, а прямо-таки в остолбенение, продолжавшееся минут пять и закончившееся стаканом воды в дрожащих пальчиках. Начальнику было подано заявление с требованием повысить инженеру Сомову оклад с переводом его на должность старшего инженера, которое начальник от неожиданности подписал, после чего в задумчивом одиночестве прохмыкал весь оставшийся день. На профсоюзном собрании Сомов выступил с нелицеприятной критикой работы всего отдела вообще и группы машинописи в частности. Говорил целых полчаса с необыкновен-

ным красноречием и цитатами из классиков и античных мыслителей и закончил предложением своей кандидатуры на пост председателя жилищной комиссии. Выказал Гардонову всё, что о нём думал. Отказался тратить субботы на магазины. Запретил тётце хлопать дверью. Занялся по утрам йогой. Сходил в школу на родительское собрание. Устроил разорительный приём по случаю своего дня рождения. Подарил жене комплект французского белья, чем сильно напугал её.

Но стоит ли перечислять все изменения, происшедшие с инженером Сомовым, и округлявшие глаза его знакомых, близких и коллег? В общем-то, ничего особенного не происходило. Сомов становился тем замечательным, смелым, оригинальным и весёлым человеком, которых у нас предостаточно. Необычным было лишь то, что таким человеком становился Сомов. Но ведь никто не знал, что он теперь инопланетный пришелец!

А между тем в душе инженера Сомова нарастала тревога и зарождалась какая-то необыкновенная ностальгия. Вдруг пробудилась тяга к знаниям, уснувшая ещё в студенческие годы. Сомов записался сразу в несколько библиотек и начал тратить премиальные на сочинения древних мыслителей. Он изучал философию, генетику, историю, астрофизику, офтальмологию, сфрагистику, алгебраическую топологию, эмбриологию, картографию, фольклористику, металлургию и международное право. Выучил японский язык и подписался на газету «Асахи». Написал статью «К вопросу о возможном несуществовании предков племени туцзюэсцев до XII в. до н.э.», опубликованную в 6-ом номере «Учёных записок Самаркандского Университета». Сделал доклад в Московском математическом обществе «О ненужности некоторых простых чисел вида 2^n-1 ». Изобрёл и смастерил для домашних нужд электрический отбиватель антрекотов, превращавший мясо в розовые

простыни. И, наконец, доказал Великую теорему Ферма.

Последнее, впрочем, недостоверно, поскольку в одну несчастную (для науки) ночь Сомов сжёг свою рукопись на газовой плите, сильно волнуясь и беспрерывно повторяя: «Об этом ещё рано знать человечеству!» Жена и тёща дрожали от страха. Но наутро Сомов проснулся тихим, задумчивым, рассеянно пил чай и не прочитал газету «Асахи». Приступ познания закончился и Сомов перешёл к следующей стадии. Древние мыслители были снесены женой втихомолку в букинистический магазин.

Об этом, довольно длительном, этапе эволюции инженера Сомова ничего определённого мы сказать не можем. Внешне он снова стал тихим и задумчивым. Разве что слишком задумчивым и даже иногда рассеянным. Но окружающие чувствовали, что лучше Сомова не трогать и неизвестно ещё какой Сомов опаснее: весёлый или тихий. Когда однажды злобный Гардонов, решивший, что всё возвратилось на круги своя, шутки ради прикинул к чертежу инженера Сомова большого таракана, наш герой, молча и грустно покачивая головой, осторожно взял рыжего прусака и вдруг неожиданным и решительным выпадом прикинул его... ко лбу злобного Гардонова.

Но это был, так сказать, один из немногих эпизодов. Сомов снова начал ходить по магазинам в субботу, забросил йогу и вышел из состава жилищной комиссии. По утрам он подходил к окну, смотрел на хоккейную площадку, вздыхал и изредка загадочно восклицал: «О Трандагор!». Инженер Сомов сильно грустил и тосковал по своей родине – далёкой звезде Трандагор. Это было довольно странно, ведь Сомов даже не знал, в какой стороне неба находится эта звезда. Название «Трандагор» было не земное, а трандагорское. Да и совсем ничего не знал Сомов про эту свою родину. Какое там небо? и какие леса? и есть ли там вообще леса? жарко там или холодно?

идут ли дожди? стоят ли города? курсируют ли автобусы? учатся ли дети в школе? имеются ли жёны и тётки? или размножаются почкованием? или, может быть, опылением? какие они, кстати, жители Трандагора? две руки или больше? и есть ли у них руки, или, может быть, щупальца, или крылья или вообще неизвестно что? ходят они, летают или плавают? а может быть, ползают? или вообще стоят на месте, как кусты или деревья? читают ли книги? смотрят ли телевизор? добрые они или злые? есть ли на Трандагоре злобные Гардоновы и секретарши-красавицы?

Ничего, совсем ничего не знал Сомов о Трандагоре! А между тем чувствовал себя постоянно трандагорцем, тянулся душою к этому далёкому и неизвестному миру и тосковал. Земная жизнь представилась вдруг Сомову скучной, чужой, неправильной и несправедливой. О Трандагор! – вздыхал инженер Сомов. И хотя, повторяем, ничего не знал он об этом далёком мире, но в мыслях своих часто обращался к Трандагору, и Трандагор представлялся Сомову сказочно прекрасным. Там царило вечное ласковое лето, повсюду цветы и красивые женщины, а люди все добрые, умные, и он, Сомов, среди них такой же добрый, умный и весёлый. Он идёт по широкой аллее, обсаженной розовыми кустами, раскланивается вежливо и приветливо со знакомыми и ведёт учёные беседы с трандагорскими философами, прогуливаясь туда и обратно, подобно древним мыслителям. А к вечеру он возвращается к себе домой, в свою трёхэтажную виллу из красного трандагорского дерева и синего трандагорского стекла, проходит мимо бассейна, обложенного изящными трандагорскими камнями причудливых очертаний, мимо бассейна, в котором плескаются его чистенькие, радостные и любящие его дети, которые кричат ему «Здравствуй, папочка!» А на крыльце с резными колоннами его встречает красивая и молодая жена, и улыбается ему, хотя лицо её несколько неопределённо и напоминает то

лицо его здешней, земной жены, то лицо секретарши Ниночки, то какое-то ещё красивое лицо, может быть артистки, а может быть дикторши телевидения, а из кухни тянется аромат чудесных трандагорских кушаний, и ожидают гости, его лучшие трандагорские друзья, которые придут поздравить Сомова с очередным великим открытием из области фольклористики и эмбриологии, и наступает вечер, золотое трандагорское солнце опускается к вершинам далёких белоснежных гор, звучит неземная трандагорская музыка, тёплый ветер долетает к веранде, ароматы цветов, приятные звуки трандагорской речи, звёзды, деревья, улыбки, мелодии...

О Трандагор! – вскрикивал инженер Сомов внутренним голосом. И вздыхал. И после таких мечтаний и унесения мыслями и всеми чувствами на далёкую звезду Трандагор, когда Сомов возвращался обратно на Землю, возникала у него и мучила одна мысль: Зачем он здесь?! Почему инженер Сомов оказался на Земле? И почему вообще инженер Сомов? Может быть, он здесь со специальным заданием? Как разведчик и космический исследователь загадочной земной цивилизации? Может ли это быть? Но нет! Не чувствовал Сомов в себе никакого специального задания. Не знал ни шифров, ни паролей, ни явок! Что ему следовало изучать? куда проникнуть? какую собрать информацию? Ничего не знал Сомов, а, значит, и не было никакого такого задания. Но почему же тогда, почему Сомов на Земле?

И закрадывалось в его душу страшное подозрение. Поначалу Сомов отгонял эту дикую и ни с чем несоразмерную мысль, даже находил её смешной. Но она снова возвращалась и упорно лезла, и приводила аргументы. Сомов расстраивался, плохо спал, мучился, и подозревал, подозревал... Его подозрения росли, и он всё больше убеждался в справедливости своей догадки. От этой догадки Сомов становился всё грустнее. Даже мрачнее. Даже раздражительнее.

Почти заболел. Инженер Сомов подозревал, что оказался на Земле случайно, что он просто потерялся в необъятных просторах Космоса, что его забыли на Земле, а инопланетный трандагорский корабль улетел без него к далёким звёздам и без него возвратится в сказочный Трандагор. Он, инженер Сомов, оказался на Земле по ошибке, никто не знает об этом на далёком Трандагоре, и теперь ему всю оставшуюся жизнь придётся мучиться на Земле, тосковать и страдать...

От этих мыслей Сомов совсем расстраивался. Всё его окружавшее: и люди, и вещи и явления земные, — всё казалось ужасным, неправильным, ни с чем несообразным и не соответствующим его, Сомова, трандагорской природе. Он иногда даже начинал задыхаться, когда в голову приходила мысль: а вдруг на Трандагоре другой состав атмосферного воздуха? И воздух земной для Сомова вреден и ядовит? Вдруг излучение жёлтого земного Солнца смертельно для Сомова? И он уже болен какой-нибудь неизлечимой радиационной болезнью? Никто ему не поможет! Земная медицина бессильна для его, Сомова, трандагорского организма. А то ещё учёные медики возьмутся за его изучение, и посадят в клетку, как кролика, и начнут проводить всякие физиологические эксперименты. Ужас! Сомов бежал солнечного света, потерял аппетит и сон. По ночам он вдруг просыпался, лежал неподвижно в своей кровати с широко открытыми глазами. Потом не выдерживал, одевался и шёл бродить по пустынным улицам. Заходил в парк, и там, на большой поляне, на вершине холма долго-долго всматривался в звёздное небо. И искал, искал звезду Трандагор! Он надеялся найти её инстинктивно, вдруг чувствовал иногда, что вот эта, синенькая звёздочка, наверное, и есть желанный Трандагор. Но звёздочка мигала раз, другой, и Сомов понимал: нет, не то, не Трандагор! И снова всматривался в звёздное небо, до рези в глазах, до за-

текания шеи. И слал в открытый Космос свой молчаливый призыв, крик воспалённой души своей:

О Трандагор!

О трандагорцы-соотечественники!

О! Заберите меня отсюда!

И однажды этот призыв был услышан. (Все трандагорцы, не исключая и Сомова, обладают удивительными телепатическими способностями в дециметровом диапазоне.) Однажды на ночном небе появилась новая синяя звёздочка; мигнула раз, мигнула другой, скользнула к земле мелким метеоритом и опустилась рядом с Сомовым на поляну трандагорским космическим кораблём. На этот раз сразу открылись люки и выбежали встревоженные трандагорцы. Они бежали к Сомову, размахивали надкрыльями, трещали заушными трещотками и что-то лопотали по-трандагорски.

А Сомов стоял со слезами на глазах, не в силах сделать ни шага, и лишь протягивал к кораблю дрожащие руки. А трандагорцы всё лопотали и лопотали.

— Ах, инженер Сомов! — говорили они. — Ах ты, боже мой, инженер Сомов! Ах, как нехорошо получилось! Ах, какая вышла ошибочка! Ах, какой, так сказать, прокольчик получился! Ах, извиняемся, инженер Сомов! Ах, мы сейчас всё поправим! Ах, не беспокойтесь, инженер Сомов! Ах, кончились ваши страдания, инженер Сомов! Ах, мы сейчас живенько устраним дефект! Ах, мы сейчас всё восстановим! Ах, вы случайно попали под наше поле, инженер Сомов! Ах, извиняемся и ликвидируем последствия!

И трандагорцы с космического корабля действительно быстро устранили дефект, восстановили, и ликвидировали последствия. Даже немножко почистили Сомову память, чтобы он не мучился непонятными для себя воспоминаниями. А потом сели в свой инопланетный корабль, захлопнули люки и улетели на Трандагор.

А инженер Сомов остался опять обыкновенным, земным инженером Сомовым. Ведь трандагорцем и космическим пришельцем он был по ошибке, в результате неисправности несовершенной трандагорской техники.

Вот теперь уже всё, действительно, вернулось на круги своя. И первым почувствовал это злобный Гардонов, почувствовал и разрисовал готовый Сомовский чертёж рожицами и фигурками. И возмездия не последовало. По-прежнему инженер Сомов ходил в баню по воскресеньям, хлопала дверью тёща, была недовольна жена, воровал рубли сын-шестиклассник, хмыкал начальник, посмеивались машинистки, не отвечала на приветствия секретарша Ниночка, по-прежнему Сомова хвалили за исполнительность и дисциплинированность и ругали за безынициативность и неучастие в общественной жизни, и не повышали в должности и окладе.

Немного осталось на Земле следов от трандагорских космических пришельцев. Собственно, ровно три. Во-первых, инженер Сомов так и остался старшим инженером. Во-вторых, пристрастился к сабантуйчикам. Да ещё, то ли в спешке, то ли в силу несовершенства трандагорской техники, но только не удалось до конца вытравить из памяти Сомова само это слово «Трандагор». Правда, употреблял его инженер Сомов очень редко: в исключительно стрессовых ситуациях или после третьей рюмки на сабантуйчике. И употреблял всегда в отрицательном смысле. Он говорил, например, «А иди ты в Трандагор!» Или «Трандагор тебя возьми!» Или даже «Трандагор твою мать!».

И только жена инженера Сомова могла бы засвидетельствовать, что иногда среди ночи Сомову снился какой-то странный сон, он ворочался, шевелил губами, причмокивал и тихо вздыхал под конец «О Трандагор!». Но жена спала крепко, а сам инженер Сомов наутро не помнил своих снов.

Мари Веглинская

(Светлана Сударикова)

Проще всего ответить: из такого-то города, деревни, страны. Или ещё проще – с планеты Земля. У каждого из нас есть место, где мы появились на свет. Язык, который знаем с детства. Родители. Все так и есть. И всё же этот вопрос не даёт покоя не одно тысячелетие многим и многим людям. Почему мы родились именно здесь? Кто выбрал за нас язык, на котором общаться? Почему именно этот исторический период? И какая роль отведена нам на данном отрезке времени? На эти вопросы нет чётких ответов. Они лишь на уровне интуиции, снов, ощущений, видений.

Я. Что значит это «я»? Это нечто, помещённое в тело. Ведь тело только двигается, питается, отдыхает, а «я» управляет этим телом. И, заметьте, «я» не всегда довольно своим вместилищем. Иногда оно пытается кардинально его изменить, или изувечить, или даже избавиться от тела. «Я» никогда не признает себя единым с телом, оно как бы всегда подчеркивает, что выше и значимее. Даже если не осознает этого. Имеет ли «я» пол? Или это привилегия тела? А может быть, пол имеет именно «я», отсюда и подходящее тело? Так может, самый главный вопрос – откуда родом «я»?

Может быть, вместе с лучом света с далёкой звезды прибыли мы на эту планету и обосновались. А может, проросли вместе с первыми весенними травами, опустились на землю с каплями тёплого дождя, или хлопьями снега. Может быть, мы дети Солнца, а Солнце и есть тот самый Бог, о котором говорят все религии мира. Когда-то, очень давно, мы знали, откуда мы пришли. Помнили. Возможно, умели выходить из тела и путешествовать по бесконечным просторам Вселенной. Но со временем память поколений стёрлась за чередой событий, которые оказались гораздо важнее этой памяти. Тело победило «я» и заставило действовать в собственных интересах – кормить, ублажать, защищать, создавать бесконечно удобные и большие города, средства передвижения, общения, отдыха. И «я» окончательно забыло свою истинную родину.

Но когда-нибудь мы обязательно узнаем, где та таинственная колыбель, с которой разорвалась наша связь....

Тени забытых пиратов

Лёня Ирвин был большим и мясистым. Мясистым у Лёни было всё: нос, щёки, бока, ляжки, даже большие квадратные очки, сидящие на мясистом носу, тоже были мясистыми. Одевался Лёня весьма своеобразно: брюки, рубашка и шерстяная кофта на пуговицах. В руках таскал до ужаса старомодный портфель из тёмно-коричневой кожи. Ботинки у Лёни имели самый что ни на есть печальный вид, словно их долго вымачивали в воде, а потом сушили на батарее, отчего они, бедные, скукожились, сморщились и вообще умерли. В общем, чудаковатый тип. Обычно такие сразу же становятся объектами насмешек, превращаются в изгоев. Но Лёня не только вписался в наш круг – он стал душой компании, центральной фигурой наших студенческих посиделок. Нет, он не плясал, не травил анекдоты, не пел под гитару, он просто возлежал на диване в какой-то странной полусвесившейся позе и философствовал, отпуская время от времени шуточки. Он был как музыкальный центр, без которого танцевать можно, но неинтересно.

Жил Лёня в большой сталинской трёшке на Динамо. Папа, Лев Маркович, преподавал в МГУ философию. При этом обладал недюжинным чувством юмора. Если мы вдруг оказывались у Лёньки дома и там нас встречал дядя Лео, как мы его называли, добрая пара часов здорового смеха была обеспечена. Вот уж кто умел так рассказывать анекдоты, что все они казались невероятно смешными, просто до колик. А потом пытаешься повторить, и ерунда какая-то несмешная получается.

Ещё дядя Лео научил нас есть редиску. Процесс был такой: редиска разрезалась на две половинки, намазывалась сливочным маслом, солилась и употреблялась с чёрным хлебом. Поверьте, это очень

вкусно. Особенно когда мы прибежали к Лёньке после лекций, голодные как волки, а в холодильнике пусто – а там всегда было пусто, – редиска шла на ура. Ещё Лёнька мог предложить репчатый лук с чёрным хлебом. Это было вполне нормально. Не понимаю, как при таком питании Лёня смог так разжесться. Вот дядя Лео был щуплым и маленьким, а Лёнька большим и толстым. Но при этом они невероятно походили друг на друга! Как две капли воды. Дядя Лео имел такой же мясистый нос и такое же выражение глаз под мясистыми очками.

Пустовал холодильник потому, что Софья Григорьевна, Лёнькина мама, вела богемный образ жизни. Софья Григорьевна была большим эстетом, крутилась в театральных кругах, со всеми водила знакомство, не пропускала ни одного значимого культурного события. Кем она работала и работала ли вообще, никто не знал. Одевалась Софья Григорьевна экстравагантно: в какие-то кантришечки, чалму на голове, длинные юбки, всяческие бусы ручной работы, невероятные кожаные ремни и прочее. Курила исключительно сигареты «Мальборо», тогда большой дефицит, вставляя их в серебряный мундштук. Волосы красила в призрачный белый цвет. Она постоянно ходила на какие-то курсы, то кулинарные, то кройки и шитья, то ещё чего-то, и готовить ей было некогда. Если бы не бабушка с дедушкой, Лёнька бы умер от голода. В общем, семья была своеобразная и очень приятная.

У Лёньки в запасе имелась масса философских теорий, которые менялись в зависимости от настроения. А настроение у Лёни менялось в зависимости от философских теорий. Особенно его интересовали всякие загадочные теории о таинственных находках, пугающих открытиях: геоглифы на плато Наска, моаи острова Пасхи, английский Стоунхендж, перевал Дятлова, Бермудский треугольник и прочие таинственные места планеты. Истории про инопланетян

Лёня собирал с особой скрупулезностью. Сведений об этом было крайне мало, где он их раздобывал, оставалось загадкой, но Лёня щедро делился с нами этой информацией.

Ещё у Лёни была золотая голова. Неприлично умная. Он буквально всё ловил на лету и обладал непонятно откуда взявшимися энциклопедическими знаниями. Не было предмета, который бы вызвал у Лёни хоть какие-то трудности. И если на втором курсе он чуть не вылетел из института, так это вовсе не потому, что предмет оказался не по зубам, а потому, что именно в это время – ну надо же было попасть в самую сессию – Лёня изучал очередное свидетельство встречи техасского крестьянина с НЛО. Причем НЛО погрузил крестьянина на борт и унёс в неведомые космические дали, а потом вернулся, после чего крестьянин стал рисовать на песке неизвестные доселе учёным уголки Вселенной, куда был откомандирован инопланетянами.

Лёня страшно ему завидовал. Ну почему они выбрали какого-то безграмотного крестьянина, изумлялся Лёнька, а не его, ярчайшего представителя цивилизации землян! До сопромата ли тут! И если Лёнька как-то переходил с курса на курс, то исключительно благодаря своей волшебной голове, которая могла вовремя собраться, сгруппироваться и впихнуть в себя все тома учебников и лекций, пройденные за семестр.

– Эх, Лёнька, – говорил ему дядя Лео, – если б не твоя лень, вышел бы из тебя человек! А так – будешь ботинки чистить.

Говорил беззлобно и со смехом. Словно ему было безразлично, будет Лёнька блестящим учёным или чистильщиком сапог.

На этот счёт у Лёньки была теория, которую он называл «Теорией пиратов». Теория была пространная, пестрящая какими-то неведомыми латинскими терминами, большей частью Лёнькой же изобретёнными.

ми, с мощной доказательной базой. А смысл теории был прост: вот жили когда-то на белом свете пираты, бороздили просторы Карибского моря, рисковали жизнью, попутно делали открытия, грабили корабли, пили ром, открывали новые земли, в общем, жизнь вели содержательную и увлекательную. А кто мы? А никто. Всего лишь тени этих пиратов, бесславные и бессодержательные. И смысла рыпаться нет никакого. Всё равно проживём без толку, потому что времена великих открытий канули в Лету, и всё, что нам остается, это есть, пить, детей растить. Дядя Лео только смеялся и хлопал Лёньку по мясистой спине.

Со стороны девчонок безусловным лидером нашей компании была Янка Барченко. У Яны папа работал директором крупного московского завода, и Яна не знала отказа ни в чем – ни в заграничных шмотках, ни в кавалерах. К тому же была весьма недурна собой – стройная блондинка с большими голубыми глазами, – неглупа и довольно ядовита. Она постоянно кого-то подкалывала, высмеивала, причём обидно и гадко. Почему-то всё это ей прощалось. Возможно, потому, что при всём при этом она обладала необыкновенной щедростью. Мы ходили в её заграничных шмотках, которые она выдавала нам без всякого сожаления, не потому, что их было много, а потому, что не было жалко. Например, идёшь ты на свидание и тут же звонишь Янке:

– Ян, а не дашь мне твой джинсовый костюмчик, который тебе отец из Франции привез?

И вот ты уже вся модная-премодная, в суперском костюме, который один на всю Москву. И если даже вдруг его чем-то обольёшь или испачкаешь, никто тебя не убьёт. Хотя это, конечно, не приветствовалось.

Ещё она снабжала нас заморскими спиртными напитками, такими как мартини и кампари. Хотя мы всё же предпочитали чистый спирт, который разво-

дили клюквенным вареньем, а приносил его Гоша, у которого папа был хирургом. Ещё был Ваня, наш личный Ален Делон (действительно похож), бабник и жиголо, мечта всех девчонок. Разумеется, он встречался с Янкой. В общем, вот такая была весёлая компания.

Лёньку Яна обожала, вечно таскала за щёки и сюсюкала. Мы все Лёньку обожали. Во-первых, он был истинным джентльменом и всех девчонок развозил по домам, даже если дома находились на противоположных ветках метро, во-вторых, он был добрым и весёлым, в-третьих... а в-третьих, это был Лёнька Ирвин, и этим всё сказано. Но как кавалера Лёньку никто не рассматривал. Вероятно, это обижало его, но вида он не подавал. Короче, Лёнька для нас был этакой весёлой тенью забытого пирата, который вот так будет вечно валяться на диване и философствовать, а мы будем жениться, разводиться, делать карьеру.

Как-то Миша с соседнего потока сказал Лёньке:

– Дурак ты, у тебя такая голова! Можешь такую карьеру сделать. Ты же физик прирожденный. Мне бы твою хватку!

На что Лёнька со смехом ответил:

– Ну уж нет. Мне покой дороже! Никаких карьер. Вот окончу институт, уж поскорей бы, и буду писать книгу про Бермудский треугольник, у меня уже много фактов есть. Я тут нашёл сведения о пропавших во время войны американских военных самолётах. Представляешь... – и тут Лёнька пустился в длинный рассказ, который Мише был скучен и неинтересен, потому что сам Миша был настроен на научную карьеру и Лёнькиному уму откровенно завидовал. Больше никто Лёньке о карьере не говорил.

И вдруг на четвёртом курсе, где-то в середине октября, Лёнька привел к нам девушку. Пожалуй, большего шока мы не переживали с момента сдачи

вступительных экзаменов в институт, когда будущее висело на волоске. А ещё большим шоком стало то, что девушка оказалась законной Лёнькиной женой. Почему-то мы все, девчонки, разом заревновали Лёньку, хотя раньше не держали за жениха этого толстого и неуклюжего паренька. Но вот так отдавать его кому ни попадя тоже не собирались. Лёнька должен быть и всех, и ничей, а чтобы принадлежать какой-то одной девушке, да ещё нам неизвестной, это было как-то нечестно!

Девушку звали Люба. Привез её Лёнька из деревни, где летом гостил у тётки, имевшей там домик в форме дачи. И всего-то погостил Лёнька в деревне один месяц, один-единственный месяц, и вот результат. Как в такие короткие сроки эта деревенская девчонка смогла его околдовать и женить на себе, было большой загадкой. Янка сразу сказала, что Люба просто Лёньке дала, вот и всё. До этого у Лёньки девушки не было. Но как интеллигентная еврейская Лёнькина семья смогла на это согласиться?! Вот где была загадка.

Впрочем, разгадка вскоре нашлась, и стало ясно, почему Софья Григорьевна так благожелательно приняла эту деревенскую необразованную барышню. Одной из причин было то, что дядя Лео и Софья Григорьевна собрались эмигрировать в Израиль, а Лёнька должен был доучиться. Бабушка и дедушка были уже старенькими, а сынулю нужно было на кого-то оставить. Почему-то интеллигентной барышни из еврейской семьи для Лёньки не нашлось, а может, и не искалось. Но, как я думаю, Софья Григорьевна с присущей ей еврейской мудростью увидела в этой девчонке что-то большее, нежели необразованную девицу. К тому же Любаша прекрасно готовила, была чистоплотна, аккуратна и работяща. Какие у неё были пироги – мамма миа! – оторваться невозможно. Особенно с рисом и яйцами. В последние месяцы перед эмиграцией дядя Лео даже поправился на Лю-

биных харчах, приобрёл розовый вид и, кажется, уже не хотел уезжать.

Что касается нас, то мы приняли Любашу с неохотой. Она была нам чужой. Особенно невзлюбила её Янка. Все едкости и колкости теперь были направлены исключительно на Любу. Она высмеивала её не стесняясь, всячески унижала и даже оскорбляла. Настолько откровенно, что всем становилось не по себе. И даже Ленка, преданный Янкин друг, как-то не выдержала и сделала ей замечание, из-за чего они даже разругались и постепенно отделились друг от друга.

Особенно Янка вязалась к Любиному выговору и словарному составу. Люба и правда говорила смешно для московских ушей. Гостиную она называла «залой», ложилась «под одеялу», мылась «в душу», а многих терминов попросту не знала, особенно таких заумных, которые вдруг так неожиданно полюбила употреблять Янка: детерминизм, концепция, экзистенциализм, когерентность. Вероятно, Янка и сама их значения толком не знала. Конечно же, Люба не читала Джойса, Кьеркегора, Маркеса и даже «Мастера и Маргариту» Булгакова. Надо сказать, что Янка сама так и не осилила «Улисса», да и с учением Кьеркегора была мало знакома, но очень любила о них говорить, особенно в присутствии Любы. А ещё Люба грызла ногти, когда нервничала. Вот уж где Янка отрывалась по полной! И если поначалу Люба пыталась что-то рассказывать, то довольно скоро замкнулась в себе и больше уже ничего не говорила. А сидела в уголке и молча слушала.

Она была другая, не такая, как мы. Как однажды про неё сказала Ленка: «Она настоящая». Пожалуй, это самое верное слово, характеризовавшее Любу. Естественная и открытая, она никому не желала зла, всех всегда оправдывала, любила весёлую музыку и кинокомедии. И тем не менее в её глазах светился природный ум. И то, что она не смогла получить в деревенской школе, Люба с удовольствием добирала

в Москве, попав на благодатную почву. Сама того не желая, Янка просвещала её, давая наводки на литературные произведения, модные в Москве новинки. Сидя в своём уголке, Любаша внимательно и с интересом слушала наши разговоры, ловила каждое слово, вникала в суть, а потом шла в библиотеку и читала. Думаю, в результате, она оказалась гораздо начитаннее и просвещённое, чем мы. Уж чем Янка – точно. Единственным человеком, сблизившимся с ней, как ни странно, стала Ленка. То ли от жалости и сострадания, то ли эта девушка действительно ей понравилась своей искренностью и простотой, то ли назло Янке, но постепенно Ленка с Любашей стали закадычными подругами.

Лёньке, конечно, не нравилось, что Янка высмеивает и даже унижает Любашу, но то ли природная интеллигентность не позволяла ему делать замечание даме, то ли страх потерять друзей, но он никогда не останавливал Янку. Хотя все замечали, как ему неприятно это слушать. Однажды он всё же не выдержал и одернул Яну, на что она ответила, что её шутки распространяются на всех и выбирать она не будет. И это было правдой: под острые Янкины стрелы попадали все, просто Любаше доставалось больше других.

Любаша была красива. Такое правильное хорошее русское лицо с тонкими благородными чертами, на котором выделялись глаза, большие, синие как васильки, в обрамлении длинных тёмных ресниц, и изящно изогнутые брови. Волосы совершенно неопределимого цвета: то ли соломенно-золотистые, то ли рыжеватые, с тёмными каштановыми прожилками, словно мелированные в три оттенка, заплетены в длинную толстую косу. Это была очень породистая девочка. Особенно поражали её руки – изящные, грациозные, с тонкими длинными пальцами, аккуратными ноготками, – вид их совершенно не вязался с представлением о руках девушки, которая доит

корову. А доить корову Любаша умела, о чём с гордостью рассказала в первый же день. Даже Яна отметила красоту её рук:

– Такими бы пальчиками на пианине играть, а ты корову доишь!

Из-за постоянных Янкиных нападок Лёня и Любаша перестали бывать в нашей компании, но время от времени приглашали к себе. Тогда дядя Лео и Софья Григорьевна уже уехали в Израиль, и Любаша чувствовала себя в доме полноправной хозяйкой. Причем она умудрилась изменить в доме всё, включая обстановку. Если бы Софья Григорьевна вернулась, то, несомненно, упала бы в обморок. Но она не вернулась. И Любаша всё сделала по-своему.

Янка побывала там только раз, тут же ехидно всё прокомментировала и больше не появлялась. Да и мы бывали редко. Как жили Лёнька и Любаша, мы почти не знали. Чем занималась Любаша, Лёнька не рассказывал, но Ленка как-то обмолвилась, что Любаша поступила в какой-то техникум на бухгалтера: поскольку у неё только восемь классов, в институт идти она не могла. Это тоже не прошло мимо Янки.

То, что в Москве эта милая деревенская барышня вполне обжилась, стало понятно, когда они вместе с Лёнькой пришли как-то на Новый год. Заграничные израильские шмотки изменили Любашин облик, но коса осталась, и никакой косметики, как и раньше. Вела Любаша себя так же скромно, чувствовала себя с нами неуютно, и они с Лёней быстро ушли, а с ними Ленка и Лёнькин друг Миша. Всё это Янку дико взбесило. Если бы Любаша услышала, что говорила про неё в тот вечер Янка, то не появилась бы уже никогда. Возможно, кто-то всё же передал ей, но больше Лёня и Любаша не приходили, как-то совсем отдалившись.

Теперь на все праздники они уезжали к Любашиным родителям в деревню, где ещё жили её братишка и сестренка. Из деревни чемоданами прибы-

вало домашнее сало, соленья с вареньями, картошка, морковка, свёколка, грибочки и прочий гостинец. Обо всем этом мы узнавали от Ленки, смеясь, она как-то сказала, что Лёня скоро в дверь не пройдет. Лёнька и правда стал ещё толще и мясистее, но Любаша стала ограничивать его в еде и даже посадила на диету. Всё это было так смешно и нелепо! Мы не верили своим ушам.

Тем временем обучение близилось к концу, мы все писали дипломы, нервничали, защищались, получали свои корочки об окончании института и страшно радовались. Как-то мне позвонила одна девчонка из нашей компании, Вера, с удивительной новостью, которая буквально всех сразила наповал:

– Ты представляешь, Лёнька Ирвин идет в аспирантуру!

– Да что ты! Впрочем, он умный, туда ему и дорога, – ответила я, пребывая в лёгком недоумении.

– Нет, ну ты представляешь, – волновалась Верочка, – Лёнька, разгильдяй и лентяй! Он же никогда толком не учился! Да и не собирался. Позвоню узнаю, как поживает его книга об НЛЮ!

Тут я припомнила, что последние два года Лёнька действительно взялся за ум, не пропускал лекции и сессии сдавал вовремя. Как сдавал, я не знала, но, судя по всему, хорошо.

– Предки свалили, никто не заставлял, а он взял и стал учиться! – не унималась Верочка. – Вот чудак!

Это правда было очень странно.

В последний раз мы виделись на выпускном, который организовал Янкин папа в гостинице «Белград». Лёнька пришёл с Любашей, посидел недолго, пошутил, посмеялся и ушёл из нашей жизни навсегда.

Наступили лихие девяностые, и жизнь здорово всех нас потрепала. Наш выстраданный диплом оказался никому не нужен, бал правили неучи и бандиты. Мы выживали как могли. Кто-то ушёл в бизнес,

кто-то в политику, кто-то стал бомжем, кто-то спился, а кто-то умер. Янка вышла замуж за какого-то сына какой-то шишки, и их с мужем отправили в Прагу в представительство «Аэрофлота».

Ходили слухи, что Лёнька с Любашей уехали в Америку, но толком мы ничего не знали. Да и не хотели. Каждый шёл своей дорогой, обрстая новыми друзьями, забывая старых. Наверное, так и должно быть в жизни. Каждый проходит только ему положенный путь, оставляя в прошлом былых попутчиков, безостановочно двигаясь к собственной цели.

Наверное, мы бы никогда не встретились, если бы вдруг кто-то очень умный не придумал социальную сеть «Одноклассники». И случилось это буквально за два года до двадцатипятилетия окончания нами института. Вот это да! Кто бы мог подумать! Постепенно из небытия, постаревшие и изменившиеся, выпорхнули на свет божий все наши друзья. Почти все. Мы списывались друг с другом, буквально целыми днями пропадая в «Одноклассниках», находили друг друга, ликовали, радовались, делились крупными сведениями. И наш юбилей решили отметить все вместе. «Белград» к тому времени уже перестал существовать, и мы выбрали небольшой уютный ресторанчик недалеко от института. Занимался всем Миша, который не пошёл в науку, но зато стал большим человеком в московском Правительстве.

Я пришла поздно, когда все уже расслабились, выпили. Встретили меня ликованием и громкими возгласами, впрочем, так встречали всех. Хотелось расспросить всех и сразу обо всём. Трепались, пили, искренне радовались встрече. И вдруг Ленка, сильно располневшая, но ухоженная и красивая – она теперь была косметологом, – встала и захлопала в ладоши, привлекая внимание:

– Ребята, тише! Послушайте, Лёня Ирвин и Люба сейчас придут, они по делам ненадолго приехали из Америки!

– Ур-р-ра-а!

Все были искренне рады.

Янка оживилась:

– Так они всё же в Америке?

– В Америке, – подтвердила Ленка, – давно уже. Лёня преподает в университете, профессор, у него своя лаборатория. Кстати, очень известный учёный с мировым именем!

– А я говорил, что он будет физиком! – крикнул довольный Миша.

– Вообще-то он биолог, – улыбнулась Лена, – его в Сколково приглашают. Так что будем видеться чаще! Впрочем, он сам расскажет.

– Ну надо же! – кисло проговорила Яна.

К тому времени она уже развелась с мужем и вернулась из Праги, что её сильно огорчало. Все разговоры были только о том, как хорошо жить в Европе и как погано в России, и никаких перспектив, одно дерьмо, и что она все равно свалит, любой ценой. И то, что Лёнька прижился в Америке, её не обрадовало.

И вот мы увидели Лёньку и Любашу. Они шли через зал и улыбались. Два красивых, стройных, высоких человека! И если Любаша почти не изменилась, то Лёньку мы узнали исключительно по мясистому носу. Он сильно похудел и стал стройным и статным, на носу дорогие очки в золотой оправе, волосы на висках поседели, но выражение лица осталось прежним! А Любаша была великолепно одетая дама, тонкая и изящная, моложавая, ухоженная с головы до ног, с дорогой сумочкой в руках, уверенная в себе. Косы уже не было. Хорошо уложенная прическа и немного косметики, в меру, чтобы только подчеркнуть природную красоту. Лёнька радостно стал обнимать всех подряд, а Любаша села на любезно освобождённое место. Я видела, как смотрели на неё наши мужчины – с недоумением и восхищением. Любаша оказалась напротив Яны. Мне

кажется, она сделала это намеренно. Теперь они сидели друг напротив друга и были явно на равных.

– Ну как поживаешь? – спросила Янка.

– Всё о'кей, – ответила Любаша, тут же отвлеклась и перебрросилась парой слов ещё с кем-то.

Они с Лёнькой мгновенно стали центром внимания. Янка подцепила вилкой селёдку и уныло стала жевать.

– А ты как? – вдруг спросила Любаша.

– Да тоже ничего, – ответила Янка. Настроение у неё явно испортилось.

– А знаешь, я тебе очень благодарна, – вдруг улыбнулась Любаша, – ты отучила меня грызть ногти. Никто не мог, ни мама, ни папа, а ты смогла. Так что спасибо! – Она засмеялась, совершенно искренне.

– Да не за что... Значит, зла на меня не держишь?

– Зла? – Любаша с удивлением посмотрела на Яну. Было видно, что никакого зла на Янку она не держит и не держала. – Нет конечно!

– Как сёстры-братья?

– Хорошо, сестричка сейчас у нас, в Америке, в Лёниной лаборатории работает, у братишки здесь бизнес. Родителям купила в Москве квартиру, да они в своей деревне сидят, – она засмеялась, – послезавтра поедem навестим.

– Дядя Лео и Софья Григорьевна живы?

– Тьфу, тьфу, тьфу! Живут в Хайфе. С внуками по скайпу общаются. А старшенькая наша уехала к ним, в Израиль.

– Значит, дети есть, – скорее сказала, нежели спросила Янка.

– Конечно. Четверо.

– Четверо? – Янка не могла скрыть удивления, глядя на стройную и статную Любашу.

Информация всё меньше нравилась Янке.

– И кем работаешь?

– Она инструктор по йоге. Йогиня моя! – Лёнька положил руки Любаше на плечи, и она тут же взяла его за руку.

– Разве это профессия? – вяло спросила Яна.

– О, она очень востребованный инструктор. К ней ещё попасть надо! Вот, видишь, что из меня сделала, – Лёнька рассмеялся и поцеловал жену в макушку.

– Вижу, – Янка налила себе вина.

– Любаша ещё много чем занимается, у неё свой фонд.

– И что ты там делаешь? – спросила Янка.

– Много чего, ну например... – Любаша задумалась, подбирая слова, и вдруг сказала: – Ты же знаешь, с русским у меня всегда было неважно, может, перейдем на английский? Мне легче по-английски говорить.

– А мне по-чешски, – тихо ответила Яна.

– Старик, ты выглядишь на все сто! – подошёл пьяненький Ваня. – А я вот располнел.

Он и правда располнел, подурнел и обрюзг. От Алена Делона не осталось и следа.

– Женат? – спросил Лёня.

– Разведён. Уже четыре раза, – Ваня рассмеялся и почему-то посмотрел на Яну. – А ты, старик, стал хоть куда!

– Это всё жена моя, – Лёнька снова поцеловал Любашу. – Это ведь она настояла, чтобы я пошёл в аспирантуру, и с Америкой её идея, я бы с места не сдвинулся. Так и лежал бы на диване тенью забытых пиратов. Да чего там! Она меня сделала!

– Помню-помню, тени забытых пиратов! – Ваня снова рассмеялся, налил рюмку и опрокинул. – У тебя мозги, старик! Это мы тени, а ты пират.

Он сел и грустно уставился куда-то в окно.

– Без Любаша мои мозги пропали бы! – Лёнька похлопал Ваню по плечу. – Ах да, вот, привез вам всем в подарок, сейчас, минутку.

Он ушёл и вернулся с большой коробкой.

– Правда, на английском, но, думаю, вам будет интересно – свидетельства встречи с НЛО.

– Ты всё ещё в это веришь, старик?

– Это мое увлечение. Хобби. В свободное от работы время. Вот, просвещайся! – он протянул Олегу книгу. – С дарственной надписью.

Было непонятно, шутит Лёнька или серьёзен. Но то, что он совершенно счастлив, сомнению не подлежало!

Вечер подходил к концу, и постепенно все стали расходиться. Первыми наши стройные ряды покинули Лёнька и Любаша, а с ними ушла Ленка. Очевидно, что они продолжали общаться, и весьма тесно. За ними потянулись остальные. Уже стоя у гардероба в пальто, я вдруг вспомнила, что оставила на столе телефон. Вернувшись в зал, увидела сидящую ко мне спиной Яну за длинным рядом пустых столов. Опираясь локтем о стол, она прижимала к щеке пустой бокал и о чем-то думала.

Ещё раз о счастье

Хорошо огоньку в печке: дождик его не зальёт, ветер не задует. Прыгают, ластятся жёлтые язычки, перескакивают с поленца на поленце, забираются в трубу, цепляясь за угольки, и исчезают где-то в тёмном неразборчивом небе. За окном ветер, за окном осень. А в доме хорошо, тепло. На плечах шаль, в бокале вино. Вот только мысли... Бегут, бегут, бегут. Вот бы остановить их, задержать немножко! Так ведь не остановишь...

– Ликуся, золотко, поставь чайничек! Завари нам с папой чайку!

Нет, знак, конечно, был, непременно был. Просто Лика его проглядела, прошляпила, как говорят в народе, продула, может, глаза не в ту сторону скосила, может, задумалась о чём-то. И потерялось, пропало её бабье счастье. Капелькой дождя скатилось по желобку, упало в водонаборную бочку, перелилось через край и смешалось с весенними ручьями, устремившись далеко к морю. А там его попробуй отыщи среди миллиардов таких же капель, попробуй не спутай, ухватись, мол, вот оно, моё счастье, не ваше, и не ваше, и упаси боже не ваше, а моё, моё –выстраданное, выплаканное счастье.

Сначала был Костик. Он приходил всегда вечером, в нелепом малиновом берете и с портфелем под мышкой, помогал готовиться к математике. Он всегда улыбался, смотрел из-под очков каким-то виноватым взглядом и почти ничего не говорил. Только по делу: десятичный логарифм – это... чтобы вычислить синус угла... для решения тригонометрических уравнений... Всё это было так мучительно скучно! И Лика с тоской смотрела в окно, где первые апрельские травинки робко проглядывали из-под земли, наполняя воздух ароматом волшебства, волнения, тревожности и ещё чего-то такого, от чего кровь начинала двигаться быстрее, а мысли, наоборот, замедлялись, и эти чёртовы уравнения никак не укладывались в голове. О-хо-хо! И было во взгляде Костика что-то от этих травинок, и этого весеннего откровения, этого чуда возрождающейся земли.

Но маме Костик не нравился. Открывая дверь, она встречала его натянутой улыбкой, заставляя протискиваться между стенным шкафом и её грузным телом в прихожую, где он постоянно отчего-то забывал снять обувь. И его мокрые полосатые следы до сих пор стоят у Лики в памяти, как незавершённый путь к потерянному счастью. Однажды он принёс цветы и с таким же виноватым видом протянул их Лике. Это

был тощий букет из трёх гвоздик. На большее у Костика не было денег. Когда юноша ушёл, мама брезгливо выбросила их в мусоропровод, безмолвно продемонстрировав, что она думает по этому поводу.

Впрочем, Лика сама не знала, нравится ей Костик или нет. Но однажды, когда мамы не было дома и они вдруг почему-то стали смотреть телевизор, Костик как бы случайно коснулся Лики плечом, и она неожиданно ощутила электрические разряды, которые исходили от Костика, перепрыгивали на неё, проникая под кожу и заставляя вибрировать каждую клетку. Это было так удивительно, так необычно! Лика и Костик просидели довольно долго, уставившись в телевизор, окутанные этой мощной энергией, непонятной и волнующей, как далёкие и недоступные области вселенной.

Наверное, это и было счастье. Может, именно так оно выглядит? И нужно было ухватиться за него обеими руками, вцепиться зубами и никудашеньки не отпускать, привязать к ножке стула. Или лучше запереть на здоровые амбарные замки.

А потом загремели ключи и вернулась мама. Застав их вот так, сидящими перед чёрно-белой рябью экрана, мама взволновалась, расстроилась, намотала на голову мокрое полотенце, а когда это не помогло, пронеслась грозовой тучей, разметала громы и молнии и вполне доступно объяснила, что сначала надо окончить институт, а уже потом, получив диплом и обретя статус дипломированного специалиста, думать о всяких глупостях. В мамином представлении все эти волнения-треволнения – не более чем глупости! «Вот знаешь, сколько мне было лет, когда я вышла замуж? – говорила она, выпуская густой и едкий дым сигарет “Золотое руно”, которые предпочитала. – Мне было уже двадцать шесть, а твой отец к тому времени защитил докторскую, и я могла себе позволить сидеть дома и не работать. У меня на руках уже был диплом! Скажи, что ты без диплома?! Какашка.

Мотылёк для ловли рыбы (*мотыль, мама*), пустота, как это (*вакуум, мама*), недоразвитыш. Нет, и ещё раз нет. И этот малиновый берет. Ликуся, золотко, это же так пошло, так безвкусно. Да и кто он? Скажи мне на милость, кто он? Студентка жалкий. Тупица. Я узнавала, справки наводила – троечник. Что из него выйдет? Пустое место. А когда я за твоего отца замуж выходила, он, между прочим, уже в директора метил. Или, может, ты хочешь клозеты мыть? Или на нашей шее сидеть? Впрочем, я поговорю с отцом. Надеюсь, он для тебя авторитет?»

– Ликуся, золотко, чай готов? Налей нам с папой по чашечке.

«Ах, мама, до чая ли?! Слышишь, я вспоминаю, счастье своё потерянное ищу. Видно, время пришло подумать, поразмышлять, выводы сделать и черту подвести».

И Лика сдалась. Зачем? Поверила. В зеркало на себя посмотрела. Нос, может, чуть длинноват, а в целом красавица, одна коса чего стоит. Что она, лучше, что ли, себе не найдёт? Да и клозеты мыть совсем не хочется. Пусть тоже такой будет, чтобы в директора метил. Чтобы квартира была отдельная, обеды казённые в судках из спецстоловой, домработница. Мама права. Мама всегда права. Мама знает, что говорит.

А дальше был институт и было весело. Была целина, комсомольские песни, гитара, палатки, костры под звёздным небом. Растаял, растворился в дыму малиновый берет, упал в небытие Константин, оставив на паркете полосатую память и сухие цветы в мусорном бачке.

Было что-то в юности простое и лёгкое, что-то непонятно восторженное, отчего голова шла кругом. И любовь, конечно, была любовь. Она была алой, как цветки мака в майских степях, и горячей,

как чашка глинтвейна в холодный день, она была терпкой и крепкой, настоящей на июньских травах, облитой лесными водами, окропленной сентябрьскими дождями, когда Лика вместе с курсом ездила на картошку. Они жили в холодном доме, в котором, когда топили печь, из-за сырости отходили от стен обои, работали с раннего утра до позднего вечера. Мёрзли, уставали, валились с ног и были безумно счастливы. А вечером жгли костёр, и пекли в золе картофель, и жарили кукурузу, вкусней которой Лика не ела ничего на свете.

А ещё был Он. Он укрывал Лиду своей телогрейкой, и она дрожала не от холода, а от прикосновения его пыльных губ. Небо было затянуто тучами, а она считала упавшие звезды, и нанизывала желания на сухие травинки. Он был самым красивым на свете, самым высоким, самым умным, самым смелым и ещё самым-самым. И были зимние вечера, пропахшие свежим снегом, окутанные сигаретным дымом и закрашенные огненной краской пылающих Ликиных щек. И огни кафе, вино в бокале, салат оливье, официант в грязном костюме, ревущий ансамбль, и Его бесконечные рассказы о море, которым он грезил, о ветрах, о парусах. И вот уже Лика, продутая северным ветром, облитая солёными волнами, окутанная рваными клочьями тумана, мчалась к своему счастью. Она приходила к нему в общежитие, и они вместе делали курсовые. Он сидел в тёплом красном свитере, который связала его мама, а Лике и в футболке было жарко. И ничего вкуснее бутербродов с докторской колбасой и чая из вчерашней заварки Лика не пробовала в жизни! Так может, вот это и было счастье?

А дома хмурая мама бросалась из угла в угол и рвала на голове остатки волос. «Боже мой! Провинциал! Дорогая, ты сошла с ума! Одумайся, детка. Твой папа тоже из Перми, но, когда родилась ты, он уже получил степень! Ну куда, куда тебе торопиться!

Таких, как он, боже мой, ты найдешь их миллион! Охотников за твоей четырёхкомнатной квартирой – на улице Горького, между прочим, – будет ещё предостаточно. Умнее надо быть. Умнее. И наукой, ты должна заниматься наукой! Пока папа жив, он тебе поможет, там такие перспективы и поездки за границу: ты же слышала, эта фифа, дочка Шафорина, ухала с мужем работать в Париж!»

«Ах, Париж! А вдруг и правда ему нужна только моя московская прописка?» – думала Лика и сомневалась, сомневалась. С одной стороны, может, и так, но с другой... Этот волнующий запах его тела и блеск глаз в темноте общежитейской комнаты... Но ведь учился он и правда неважно, распределение в Москву ему не светило, может, мама права? А там, где-то на краю света, есть Париж, и Эйфелева башня, и Монмартр, и набережная Сены.

Они стояли на платформе, и прибывающие и отъезжающие поезда ритмично отстукивали гимн всем встречающим и провожающим. Это бесконечное движение вперёд и назад, к потерям и обретениям, встречам и разлукам. Он крепко сжимал её плечи и смотрел в глаза. А она, в своём тоненьком осеннем пальтишке, худенькая и растрёпанная, совсем продрогла.

«Ты меня будешь ждать? Только честно. Только без вранья.»

Она не знала, что ответить, а в голове все крутилось: Париж, Монмартр, Эйфелева башня...

И он уехал. Далеко и навсегда. Ушёл в море, своё любимое море на каком-то огромном, как ей потом сказали, военном корабле, куда-то далеко-далеко, к берегам далёкой и весёлой Кубы.

А наука и в самом деле без Лики плакала. Скучно, видно, было ей. И, доверчиво распахнув двери заслуженными папиными руками, она приняла Лику в свои объятия, укрыла, спрятала и от красного свитера, и от пылающих чёрных глаз, от официанта в

грязном костюме, салата оливье, орущего ансамбля и ещё чего-то, что Лика ощущала, как лёгкое прикосновение ветра, и что, похоже, и было счастьем, да вот только она понять этого не сумела. И всё осталось позади, каким-то смутным воспоминанием, болезненным и колючим, а ещё противным, потому что вызывало незнакомое доселе чувство сожаления и намёка на неисправимую ошибку, так что, когда время зализало языком так долго кровоточившие раны, она облегчённо вздохнула и купила бутылку шампанского.

А кругом были они. Которые метили в директора. Вот приходит Лика на работу, а они сидят в кабинетах со стенами из красного дерева, защищают диссертации, смотрят на Лику, приглашают на обеды в дорогие рестораны, дарят красивые букеты и ценные подарки. А потом уходят. К толстым противным теткам, воняющим французскими духами, раздобревшим на спецстоловских обедах, которые им доставляют в судках. Они, эти тетки, – их жены. А она кто? Да так, просто – да так. «Золотко моё, – говорит мама, – почему ты не обращаешь внимания на Бюро? Он уже устал передавать тебе цветы, посмотри, у нас вся квартира как клумба!» Мама смеется и вальсирует по квартире, шурша длинным подолом юбки, мама довольна. «И его родители очень хотят! Мы им очень нравимся!» Лика в изумлении смотрит на маму: «Кто мы, мама?» – «Наша семья, ла-ла-ла-лайла, ла-ла-ла-лайла!» – «Ты хочешь, чтобы я вышла замуж за этого обрюзгшего борова? Только потому, что он сын большого начальника? Ты что, продаёшь меня?» – «Боже, до чего ты примитивная! Его, между прочим, отправляют на работу в Рим! Ты понимаешь, в Рим! И ему нужно срочно завести семью». – «Как собаку, что ли?» – «Какая ты стала грубая! Фу! И вечно раздражительная, вечно недовольная!»

А с Римом ничего не получилось. Кто-то другой оказался пронырливее Бори. И даже высокопостав-

ленные Борины родители ничего не смогли сделать. И с семьёй тоже не сложилось. Выяснилось, что у Бори есть Людка, она в музыкальной школе фортепьяно преподавала, не статусная, да только любил её Боря. Бегал, бегал к ней втихаря от Лики, да и ушёл. И скандала не побоялся, и родительского проклятия. А Лика осталась со вкусом предательства на языке и ещё чего-то мерзкого и липкого, ужасно противного. Только противно ей было от самой себя. Потому что не смогла она вот как Боря. Не смогла. Это не Боря её, она сама себя предала. А сильно похудевшего и похорошевшего Борю зауважала и осталась с ним в дружеских отношениях. Вот до смешного! Если ей плохо или грустно бывает, то она к Борьке с Людкой едет. Там её понимают. Ох, если бы мама знала!

– Ликуся, золотко, ну где же чай? Мы с папой совершенно замерзли!

«Подожди, мама, до чая ли, горло пересохло, глаза слезятся, счастье ищущее своё, вдруг да где завалялось, под кровать закатилось горошинкой, забилося пылинкой в щель, прилипло к зеркалу. Не мешай. Я должна во всем, наконец, разобраться. Виноватых, мама, ищущее».

А ведь был. Был ещё один. Добрый и грустный. И имя у него особенное – Иван. Незаметно приходил он на работу, незаметно клал на стол Лики конфеты, тихо улыбался, всё как-то не решаясь заговорить. Серый костюм носил с серым галстуком и неглаженую рубашку. Как же бесила Лику эта неглаженная рубашка! И что он себе позволяет! Мне, любовнице генерального, дарить цветы! Да ещё в неглаженной рубашке. Нет, от генерального Лика, конечно, будущего не ждала. Он так, от скуки. Всё-таки генеральный. Да и не уйдёт он от своей розовощекой Брунхильды, как её Лика называла. Не бросит её.

Это ж сразу сколько проблем! А они ему нужны?! Но и не Иван же! И что с того, что рубашки погладить некому? Нет уж, мамочка! Вот теперь ты не права. И не старая я вовсе. Я ещё ого-го! На меня мужички на работе засматриваются. Я же их всех насквозь вижу. А из этого Ивана ничего не выйдет. Папа поможет? Ты что, смеешься, мама! Да Иван же недотепа. Он же в дверь как мышь входит, а двери надо ногами вышибать. Он генеральному бутылку конька не подарит, нужным людям слова не скажет. Сидит. В лабораторию свою забился. Склянками гремит. Науку двигает! Двигатель! Лучше бы себя куда-нибудь подвинул! Всё о физике да о химии говорит, о полях, о гравитации, об искривлении пространства, о загадочных, ещё никем не зафиксированных, но уже открытых на кончике пера чёрных дырах. Что от него ждать, мама? Только если местечко в этой самой дыре, и то если достанется. Нет уж, раз столько ждала, ещё подожду. Всё получит тот, кто умеет ждать. Так, мама, китайская мудрость гласит. Мой-то будет заслуженный, доктор, это уж точно, а то и профессор. И мы с ним, возможно, уедем за границу работать, куда-нибудь во Францию, или на худой конец в Германию, впрочем, я согласна и на Чехословакию.

И пошёл Иван своей дорогой, а Лика своей. Правда, дороги у них то и дело пересекались: то в столовой, то на совещании, то у директора в кабинете. Смотрел он на Лику грустно так, потом веселее, потом перестал смотреть вовсе, а потом как-то в коридоре представил:

– Вот моя жена, Лидочка.

«Фи! Ну и Лидочка. Деревня деревней, и одета как чучело, и сразу видно – дура набитая. Впрочем, как хотите, дело ваше. Мне-то всё едино. Но почему на душе так неприятно и горько? А что ты, собственно, хотела, Ликуся, золотко? Ты же сама его отвергла, сама, не мама, не папа, а сама. Вот мама-то как раз

не против была. Забеспокоилась что-то мама, заволновалась, мол, пора внуков, а и не предвидится. Да, мама, и не предвидится. А я теперь, как ты велела, принца буду ждать. Нет, короля. Ни к чему мне теперь принц. Столько ждала, подожду ещё. В пути уже, наверное, король-то мой! Авось не заблудится».

– Нет, видно, не дождемся мы от тебя чая! Неблагодарная!

«Не капризничай, мама, будет тебе чай, будет. Дай мысли в порядок привести».

А король-то и впрямь заблудился, видно, не туда свернул, или попался на пути его бурный ручей, он его вброд, да тут и понесло, понесло, в открытое море, в бурный океан, а там разве ж Лику найдешь. Она же маленькая, худенькая, хоть и приметная сильно. И как-то неестественно быстро покатались годы, теперь уже не в гору, а с горы. Мелькают дни, мелькают, праздники, юбилеи, дни рождения, работа.

С наукой дело не пошло. Неинтересна Лике оказалась эта наука. А ну её к чёрту! Докторскую она всё же защитила, не зря же папа... Хм. Ну и так всё ясно. В общем, степень они с папой получили, зарплату Лике прибавили, кабинет отдельный дали, как говорится, живи и радуйся.

А тут вдруг перестройка грянула, и полетело всё в тартарары, куда-то на кудыкину гору, в тридцатое царство, а то и ещё дальше. Но Лике повезло, сработали старые связи, отправили её работать в Прагу в представительство известной фирмы. Вот так как-то и пережили с родителями смутное время. Потом вернулась. Всё же с опытом, хорошую работу нашла. Любовник был. Без имени, без отчества, так. И пролетела жизнь. Как одно мгновение. Да, вот так банально раз – и пролетела.

И вот теперь сидела Лика на старой родительской даче возле печки, шевелила угли и всё думала, дума-

ла. Сожалела. О чём? О том, что счастья-то и не было. Король утонул в океане. Это очевидно. А где-то там, за горизонтом, в тёплых, а может, ледяных и солёных морях навсегда осталось её счастье в красном свитере крупной вязки. Или в малиновом берете. А у Ивана вот свой бизнес. Сейчас с женой и внуками отдыхает на собственной вилле где-то в Каталонии.

Но дело-то ведь, в конечном итоге, не в богатстве и не в короле или директоре, а в том, что струсила Лика, испугалась, и не мама тут виновата, ой не мама. Мама-то как лучше хотела. Борька вот смог, а Лика не смогла. А что теперь? Французский бульдог, правильное питание, спортзал – за фигурой надо следить, поездки в дальние страны... И это всё. И это всё? И этого мало? Да вроде...

А может, всё не так и плохо? Может, не зря ждала Лика своего короля, да не дождалась? Вот сидел бы сейчас на диване напротив, нудный, противный, в красном свитере и бордовом берете, глаза бы ей мозолил, и слушала бы Лика с утра и до вечера, как, чего и кому она должна. А может, и пил бы в придачу. Горькую. Она-то сухое красное предпочитает. Или того хуже – заболел. И бежала бы Лика рано утречком не по парку навстречу свежему ветру, а в поликлинику с баночкой мужниной мочи. Как её соседка, Наташка. Или гулял бы, сволоочь, из домашнего бюджета деньги таскал на какую-то там Людку. И не было бы счастья у Лики всё равно.

Так где же оно, счастье? Какое оно? Красное, синее, холодное, круглое, сладкое или солёное? И есть ли оно вообще?

И, оглянувшись на прошедшую жизнь, Лика вдруг ясно осознала, что жизнь и счастье – как бусы с разноцветными бусинами: нить – это время, а бусины – события, плохие, хорошие, разные. Ну не бывает счастье монолитным! И у неё было счастье, и будет. И есть. Вот в этой каждодневной рутине, в работе, в друзьях, в смене времён года, в утренних пробежках

и чашке кофе с молоком и корицей, который мама варит ей каждое утро, и в поездках, и в соцсетях, и даже в ошибках, без которых не было её, Лики, и ещё много в чём. Просто так сложилась жизнь. И никто не знает, как бы было лучше и как хуже.

Неоднозначная и всегда неповторимая судьба, у каждого своя, с каплями солнца на щеках и обязательно со слезами. У всех разная. И любовь у Лики тоже была, прекрасная, а может даже, неземная, волнующая. Потому что ничем не закончилась. И будет ещё. Лика вдруг поверила – непременно будет. Жив её король, не утоп в болоте.

«Нет уж, – думала она, – пусть всё идёт так, как идёт. Самое важное – принимать события с достоинством. Вот такая банальщина. И пусть будут ошибки. Пусть будет много ошибок. Но кто ещё может похвастаться таким количеством ошибок, как я? Кто столько прошляпил и потерял? Это ведь тоже моё достояние – потери. Мой опыт. Главное, ни о чём не жалеть. Просто вот так сложилась жизнь. Просто так сложилась жизнь. Просто вот так сложилась жизнь....»

– Да где же чай, Ликуся, золотко?!

– Остыл, мама, чай. Остыл....

Наталия Букан

Откуда мы родом... О чём это? Только ли о месте рождения? Только ли о происхождении? Нет, скорее всего, речь может идти о множестве истоков, напитавших ту или иную натуру.

Откуда мы родом... Это ёмкое словосочетание приводит к желанию осмыслить, понять, как пришедшее к нам по роду, из прошлого, переплетается с получаемыми извне впечатлениями. Как сочетание глубинной данности с чертами тех или иных времён, окружающих обстоятельств, значимых жизненных встреч определяет единственно неповторимый внутренний мир каждого человека...

Родилась в Москве, школьные годы прошли в Котласе, городе в Архангельской области. И вот уже более полувека живу в Санкт-Петербурге. Впечатления долгой жизни порою просятся на бумагу...

Публикуемый рассказ занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Откуда мы родом?», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2017 г.

Память

У одного из стендов Музея морской авиации, в Военно-морской академии, я надолго задерживаюсь. Мне предлагают сфотографироваться около стоящего здесь портрета моего отца. Рядом лежит принадлежавшая ему когда-то книга с его собственноручной подписью на титульном листе. В экспозициях всегда важны личные вещи, поэтому музейные работники бывают чрезвычайно благодарны за отданный в их руки раритет. Но и не удерживаются от осторожного вопроса: «Не осталось ли ещё чего-нибудь?» Не осталось.

Лёжа поперёк широкой кровати, я стараюсь достать ногами висящую на стене фотографию. Ступни елозят, шебаршат по штукатурке, и на меня сразу прикрикивает мой шестнадцатилетний брат Миша, он органически не переносит этот звук. Встаю на кровати и приближаю лицо к лучащимся глазам на снимке. Говорят, что это моя мама и что она где-то далеко от нас работает. Я начинаю перед фотографией прыгать, раздаётся скрип, и тут уже вмешивается бабушка. На этой кровати мы с ней спим.

Но однажды ночью из-под бабушкиного бока меня утаскивают какие-то уродливые, кривые существа. Они, как большие пауки, опутывают меня верёвками, относят в длинный коридор нашей коммунальной квартиры и бросают на пол. Я выпутываюсь, возвращаюсь в комнату и с трудом забираюсь на пока ещё высокую для меня кровать. Этот сон – одно из моих самых ранних детских воспоминаний. Возможно, это выплеск засевшего в памяти страха, поселившегося дома с ночного ареста отца и перешедшего в ужас той ночью, когда арестовывают и нашу маму. На трёх машинах одновременно мы разъезжаемся в разные концы.

Брата и сестру, они уже подростки тринадцати и одиннадцати лет, отправляют вместе – в Данилов монастырь, ставший в годы репрессий детским приёмником-распределителем, а меня, десяти месяцев от роду, – в Дом малютки.

Однако через неделю за нами в Москву приезжает из Ленинграда бабушка, благословлённая на это своими сыновьями, мамиными братьями. До её приезда наша няня всё время дежурит в Доме малютки: «Маленьких, говорят, переименовывают. Отправят куда-нибудь, потом ищи-свищи...»

Мы поселяемся в узкой длинной комнате, специально для этого выменянной, ибо против приезда в бабушкину квартиру на Фонтанке возражает бабушкина невестка. Из нашего окна, выходящего на Екатерингофский проспект, виден кусочек Юсуповского сада. Тихий, уютный сад моего раннего детства – первые впечатления о красоте во время ежедневных прогулок с няней, первая новогодняя ёлка на пруду, катание с холма на санках и первые борения совести с нехорошим желанием присвоить оброненную другой девочкой игрушку...

В эти впечатления укладывается и воспоминание о том, как, заспанная, в длинной ночной рубашке, утром бегу босиком к бабушке. Она стоит у окна и смотрит вверх, в небо, завешанное аэростатами, плачет и говорит: «Война»...

Поезд входит в пролёт железнодорожного моста, и появляется широкая река с большой песчаной отмелью, по вагону идёт проводник... Мы с няней в середине войны едем к маме из Свердловска, где были в эвакуации, где умерла бабушка и откуда ушёл добровольцем на фронт Миша.

На вокзале, в Котласе, нас встречает мама, и хотя няня меня к этому заранее готовила, при словах «Наточка, это твоя мама» я отчего-то пугаюсь. Может быть, оттого что мама не похожа на ту, которую я

знаю по фотографии? Там у мамы пышные волосы, а здесь они строго на прямой пробор заплетены в косы, уложенные сзади. И выражение лица у мамы другое. Я прячусь за нянину юбку, очень подходящую для моих манёвров: широкою, в сборку, длиной почти до пола, как в старину.

Нянечка у нас и сама старинная. Зовут её Марфа Андреевна. Родом из псковской деревни, она до революции служила горничной у французского посла. Там же был кучером её муж, но он рано умер, и потом она работала то няней, то домработницей в разных семьях. А в двадцать пятом году, когда появился на свет Миша, няня попала к нам да так и осталась – не домработницей, а родным человеком.

Итак, мне шесть лет, и я совсем не знаю свою маму. Она врач и работает начальником медсанчасти на Котласской пересылке, в той зоне для заключённых, из которой сама только что освободилась. Дома теперь звучат совершенно новые для меня слова: этап, дистрофия, пеллагра, доходяга... И я уже знаю, что моя мама проверяет состояние здоровья прибывающих по этапу и следит за тем, чтобы больных и истощённых не отправляли дальше на Север, на их верную гибель; в будущем мама будет получать письма от благодарных ей людей. А пока почти всё время занято работой, она мало бывает дома, и я по-прежнему жмусь к няниной юбке.

Но вскоре приезжают мои брат и сестра. Миша – из госпиталя, он ранен и серьёзно болен. Ирина, как и мы, – из эвакуации, только из другого места. Иринку мама сразу устраивает в школу, и хоть ей уже шестнадцать лет, она идёт лишь в восьмой класс, потому что в эвакуации не училась, а работала в типографии. Сестра дарит мне привезённые оттуда разноцветные, тиснённые на толстой бумаге маленькие картиночки: птички, бабочки, зверушки. Красивые. И сама Иринка красивая, у неё блестя-

щие вьющиеся волосы, ласковая улыбка... Дома сразу становится гораздо уютнее.

Наши комнату и кухню в бараке около зоны постепенно наполняют сделанные в этой же зоне топчаны, столы, табуретки... Кое-какие топчаны сменяются кроватями, и у меня появляется и служит все мои школьные годы железная кровать с ложем из досок и набитого сеном матраса. Не сразу обзаводимся и часами, репродуктором, поэтому время подъёма Иринки в школу, находящуюся в четырёх километрах, няня вначале определяет примерно – по огням в недалёких деревенских домах.

Ирина мне читает, катает на санках, берёт в гости... Разрешает сидеть рядом, когда рисует! Заворожённо слежу, как она по-особому, чуть-чуть прищурившись, смотрит вдаль, наносит контуры, смешивает акварельные краски, раскрашивает... И прямо на моих глазах рождается картина! Нередко на ней бывает изображено Вондокурье, расположенное напротив, на низкой стороне реки.

С нашего высокого голого берега эта живописная деревенька посреди заливных лугов – как на ладони, а дальше – конца-краю не видно до самого горизонта! Летом мимо идут, гудят пароходы, бригады заключённых и вербованные рабочие сплавляют по реке лес. Северная Двина – глубокая, широкая, с сильным течением, с плывущими в толще воды брёвнами-топляками, так что детям купаться в ней довольно опасно.

Зато зимой на реке – только держись! Катаемся на лыжах, санках, играем в войну! На вондокурьевской церкви у нас обязательно сидит «немецкий снайпер», и кого-нибудь он обязательно ранит; по глубокому снегу ходим на ту сторону, в густой ивняк, где ранней весной набираем вербу охапками, ставим её дома в воду и ждём не дожждёмся, когда появятся белые мягкие комочки. Зимы суровые: морозы, февральские метели такие, что, как говорится, носа из

дому не высунешь. Окно с северной стороны, у которого я делаю уроки, оставляют для тепла занесённым на две трети высоты большим сугробом. Мне нравится эта снежная замурованность, особенно когда в комнате хорошо натоплено и за печкой стрекочет сверчок...

Весной все ждут ледохода. Во избежание затора ледяной панцирь специально взрывают у опор железнодорожного моста. «Лёд пошёл!» – сообщаем мы с восторгом взрослым, услышав со стороны реки оглушительные взрывы.

– Лёд пошёл! – влетаю я домой, и тут же на меня шикает няня: самочувствие Миши значительно ухудшается с приходом весны. В начале мая, перед самой Победой, мама кладёт его в лазарет, в зону. Мы часто ходим к нему, и няня, бывает, использует это в воспитательных целях: «Ты сейчас всё расскажешь Мише, и пусть тебе будет стыдно». Каждый раз после повинной исповеди брат подзывает меня к себе и... гладит по голове.

В ноябре Миши не стало. На улице уже зима, я больна, не хожу в школу, и на похороны меня не берут. А брат вскоре мне снится. Будто я играю в куклы и вдруг вижу, что Миша выглядывает из-за двери и улыбается мне. Я говорю об этом маме с няней, но они от меня отмахиваются – этого не может быть, ведь Миша умер – и уходят куда-то. А Миша уже сидит на табуретке посреди комнаты, в костюме, в котором его похоронили, и в кепке из того же материала. Сидит грустный, опустив голову. Мне, чтобы попасть к своей кровати, нужно пройти рядом с ним, а я боюсь, но иду и, чтобы не обидеть его, не показать, что мне страшно, поравнявшись, шуточно сбиваю с его головы кепку. Он улыбается и протягивает мне руку. Подаю свою и чувствую, что его рука холодная-прехолодная. Просыпаюсь, вспоминаю нянины слова о том, что девять дней Мишина душа будет летать у нас дома. Ещё очень рано, в

комнате темно, и я прижимаюсь к спящей рядом няне.

Мне почему-то кажется, что этот сон не надо никому рассказывать, но мысли крутятся, я опять и опять вижу Мишу... И в конце концов делюсь с няней.

– Миша приходил к тебе попрощаться, потому что на похоронах тебя не было.

Няня заставляет меня читать ей вслух Евангелие, вечерами долго молится в своём уголке перед иконами, шепчет, кладёт земные поклоны. Под этот шёпот я и засыпаю. Но по ночам меня порою преследуют страхи, я закутываюсь в одеяло, подтыкаю его так, что открытым остаётся только нос, иначе кажется, будто вот-вот кто-то схватит меня за руку или за ногу... Страх ширится, растёт настолько, что я вскакиваю, кидаюсь к няне и, лишь попав к ней под одеяло, погружаюсь в спокойный и крепкий сон.

– Нянечка, не буду! Нянечка, я больше не буду!

– Чего ты больше не будешь? Где ты была, я тебя спрашиваю?.. Ах, кровушка латышская! – прутик не останавливается.

Наконец признаюсь, что пряталась на русской печке за занавеской, когда няня приходила к моей подружке, разыскивая меня.

Живущий через стенку от нас лагерный охранник сообщает маме:

– Няня била вашу девочку.

– Раз няня так делала, значит, так надо было, – отвечает мама.

Вечером при керосиновой лампе – электричество периодически отключают «на смазку», – устроившись около няни на топчане, я расчёсываю её седые волосы и заплетаю тонкие косички. Фитиль привёрнут, на нас падает тусклый свет.

– Няня, а латышская кровь плохая?

– Нет, что ты!

– А почему тогда ты так сказала? Про папу?

– Упрямая ты... Будь как Ирочка, бери с неё пример!

– А Иринка говорит, что ты им с Мишей тоже велела брать с кого-нибудь пример... С французов! Говорила, что у французов дети ничего в тарелке не оставляют!

– Да, бывало... – няня улыбается. – А отец ваш был замечательный человек, так и знай! И вас любил... На руках тебя носил и пел: «Кур ту тэци, кур ту тэци, гайлит манс...»

– Что, что?!

– Латышская песенка такая, про петушка.

На меня производят впечатление нянины слова про то, что папа пел мне. Я снова и снова прошу няню напеть латышскую песенку. Подолгу всматриваюсь в папины фотографии, особенно люблю ту, где он в форме морской авиации. Мне начинает нравиться наше с Ириной отчество – Августовна. Иринка много рассказывает о папе, её глаза часто бывают на мокром месте. Она папой гордится, любит его. И мне передаются эти чувства.

Самое почётное место среди моих нехитрых игрушек теперь занимает чудом сохранённый папин лётный шлем. Кожаный, коричневый, с наушниками и мутоновой подкладкой. Он у меня исполняет роль ценного секретного груза: втискивается в игрушечный баул и застёгивается ремешком. Мягкую, гладкую кожу можно скомкать как угодно безо всякого для неё ущерба. Ещё, если долго-долго принюхиваться, можно почувствовать еле уловимый запах... Но как-то после моей продолжительной болезни шлем из игрушек исчезает. И позже мама приносит мне из зоны сшитую из него меховую шапку.

Зона вообще нас многим обеспечивает: тапками, бурками, пальто... Иногда я там бываю. Санитарка, тётя Наташа, забирает меня с проходной и приводит к маме. У меня появляются добрые знакомые:

врачи – быстрый, весёлый Леон Ашотович и очень вежливый, негромко говорящий Халил Велиевич; Павел Иванович Соколов из Москвы – с обритой головой и выправкой военного; большой, добродушный Сулейман Иванович из Баку; старенький, больной доктор Бергерис из Литвы... Все они – заключённые, я вижу их, только приходя к маме. В посылках, которые они изредка получают от родных, попадает что-нибудь и для меня: то белый плюшевый зайчик в голубом костюме – из Ташкента, то конфеты в изумительно красивых фантиках – из Литвы, или атласные ленты в косички... В это же время в нашей зоне находится режиссёр Каплер, он уговаривает Иринку поступать в театральный институт, она у нас очаровательная – «В ней много шарма!» – но мама сердится и говорит, что актрисой надо быть или очень талантливой, или не быть ею вовсе.

Кончается тем, что Ирина выбирает Московский медицинский институт. Я страшно скучаю, она тоже скучает без нас и пишет, что как только провалит физику, сразу же приедет домой. Очень жду этого провала! Но, увы... Иринка не только хорошо всё сдаёт, а ещё и умудряется помочь двум парням в гимнастёрках, позвавшим сзади во время вступительного экзамена: «Девочка, девочка!» – и подсунувшим ей свои задачки.

Теперь остаётся только ждать Иринкиных каникул. Дни начинаю считать уже с декабря. Мама обещает, что в этот раз дома будет ёлка и мы сохраним её до Ирины. Потом, правда, случается небольшой пожар...

– Тебе что было наказано?

– Без взрослых свечек не зажигать... – стою с опущенной головой.

Мама и няня перестают со мной разговаривать...

Заглаживая свою вину, к приезду сестры я усердно надраиваю до сияющей желтизны наш дощатый пол, но горелые пятна на месте бывшей ёлки так и

остаются чёрным укором... Мама приносит для Ирины большую бутылку гематогена, и няня старается по мере возможности запастись чем-нибудь вкусно-полезным: «Деточка приедет»...

Но всё хорошее пролетает быстро, и нате вам – мы уже шагаем по шпалам на вокзал, провожать Иринку. Всю обратную дорогу мы с моей подругой Валецк плачем. Дома сразу сажусь за письмо: «Здравствуй, дорогая Ириночка! Как ты живёшь? Я живу хорошо...» – так я всегда начинаю свои письма. Даже в тупору, когда живу не хорошо.

А эта пора наступает с отъездом няни, вызванным домашними переменами. У меня появляется отчим. Он – из московской семьи обрусевших немцев, репрессированных с самого начала войны. Няня говорит, что не может жить под одной крышей с немцем. И кроме того, она хочет умереть на своей родине. Мне одиннадцать лет, и ничего более горестного, чем отъезд няни, я в своей жизни ещё не испытывала... К слову скажу, что через много лет вместе со своим сыном побываю в няниной деревне, на Псковщине. От деревни останется всего несколько домов, но найдутся люди, которые будут помнить нянину семью и саму нашу нянечку. Мы увидим пустой дом её любимого старшего брата Василия и пустой дом племянницы Дуни, у которой няня прожила несколько своих последних лет. У того и другого дома некошенная трава под яблонями придавлена обильным урожаем белого налива, и наши новые знакомые настойчиво уговаривают нас загрузить яблочки к себе в машину:

– Берите! Берите! Они ваши! Они же ваши!..

А пока я тоскую по няне. Каким-то странным образом с её отъездом совпадает и переезд зоны на новое место. Мама теперь больше времени проводит дома. Соседские ребята, мои друзья, чуть что, бегут к ней то по учёбе, то йодом помазать... Если надо написать заявление или письмо, за советом соседи идут

тоже к моей маме. Она знает немецкий и французский языки, читает наизусть Ахматову, Северянина, Блока, какие-то стихи на французском... Мои подружки тянутся к ней: «Наташка, у тебя такая мама...» Однако понадобится время, чтобы мне снова стало хорошо и уютно дома и чтобы я поняла, какой светлый человек мой отчим, и полюбила его. Он, так же как и мама, пользуется абсолютным уважением окружающих. На Севере вообще нет никакой предвзятости в отношении сосланных, заключённых в лагеря людей. Во всяком случае, мне не приходится ни разу ощутить что-нибудь подобное. Наверное, поэтому так трудно осознать в полной мере мамины слова:

– Ты должна отлично учиться, при поступлении могут быть большие сложности из-за анкеты...

– Но Ирина ведь поступила со своей анкетой!

– Иринин случай – почти исключение, счастливое...

Школу оканчиваю всё-таки с золотой медалью.

– Может, тоже в медицинский? – предлагает мама. – Или на филологический? У тебя неплохие сочинения, твой дедушка был журналистом...

– Не, не! У нас все идут в технические.

Осколки с жутким звоном падают на пол. И как это меня угораздило разбить стекло во входной институтской двери?!

– Девушка, давайте вашу зачётку! Получите в деканате после возмещения убытка.

Отдаю зачётку с только что поставленной оценкой по высшей математике. После первоначального шока мы с девчонками начинаем хохотать...

По некоей иронии судьбы именно в этот день я извлекаю из ящика для писем в общежитии загадочную повестку. Сначала она вводит меня в ступор... Потом разглядываю её со всех сторон, чтобы убедиться, что адресат не перепутан, что это не ошибка. Нет! Мне, а не кому-то другому предлагает-

ся явиться не к кому-нибудь, а к «главному следователю по важнейшим военным делам»! Это ещё что за новости? Никакой провинности, кроме двери, я за собой не знаю. Иду звонить Иринке, она ещё во время учёбы вышла замуж и живёт в Москве. Про дверь я ей уже доложила, теперь это...

– Натка, что такого ты могла наделать? О господи, что я говорю, да ничего ты, конечно, такого не наделала, – Иринка волнуется. – Надо посоветоваться с Павлом Ивановичем... Не с папой ли это связано?...

Наш друг из Котласской пересылки, Павел Иванович Соколов, бывший кадровый военный, уже реабилитирован и вернулся в Москву.

В назначенный срок на вызов к главному следователю едем вместе с Ириной. Так советует сопровождающий нас Павел Иванович. И это правильно, потому что, как выясняется, Иринке повестка тоже была отправлена, но по дороге где-то затерялась.

Мы узнаём, что – да, действительно посмертно пересматривается дело отца, и... с нами хотят познакомиться... В Москву из Котласа уже вызвана наша мама...

Когда начнут открываться архивы и работающие в них неравнодушные люди будут возвращать истории, включая и историю авиации, незаслуженно «забытые» имена, после первых же статей об отце откликнется из Латвии наш двоюродный брат Эдвин, о котором мы ничего не знали; и некий рижский художник неожиданно сделает нам бесценный подарок: два генеалогических древа, составленных по церковным книгам и берущих начало с первой половины восемнадцатого века – по линиям наших бабушки и дедушки.

«Вот от кого в том числе наши достоинства-недостатки», – я разглядываю на разветвлённой родословной множество дат и имён. Некоторые из этих людей обретают черты на фотографиях, ожи-

вают в рассказах двоюродного брата. Paldies, Edvin!

Мы узнаём, что у бабушки дома висела картина, написанная когда-то её старшим сыном, нашим отцом. На картине зелёные кроны сосен возвышаются над жёлтыми дюнами. В памяти сразу всплывает высокий берег Северной Двины и рисованная-перерисованная Иринкой деревушка Вондокурье, с высокой колокольней, в пышной зелени деревьев. Ирина не сохранила свои картинки, не сохранились и сосны над дюнами.

Как и мой незабвенный лётный шлем. В Музее всякий раз мысленно вижу его лежащим рядом с портретом нашего отца... Эх, могла бы я и обойтись без той шапки! А может быть, и не могла бы... Маме было видней.

Микаел Абаджянц

Из старой полемики о корнях, истоках и историческом романе как о жанре:

«Я не собирался вырисовывать психологические бездны своих героев именно потому, что до меня в армянской литературе это уже замечательно сделано. Просто не ставил такой задачи. В современных условиях снова писать роман на сотни страниц – значит обречь его на непрочтение. Мне хотелось написать нечто скоротечное, остросюжетное, что ли, где жертва и герой сражаются. А потому я выбрал форму такой чёрно-белой хроники. И вы правы, что слышится в рассказе голос мой (автора). Мне хотелось поставить себя – человека другой эпохи и другого самоосознания, на место предполагающейся невинной жертвы. Короче говоря, я не ставил каких-то сверхзадач по раскрытию механизмов глобального насилия и т. д. Просто хотелось прожить несколько дней в прошлом, воссоздать историческую атмосферу насколько возможно и дать отпор старому врагу. Яркие исторические примеры такого сопротивления тоже имеются... Именно ими я и был воодушевлён».

Прозаик и переводчик, член Союза писателей Армении. Издавался в России, США, Австралии, Франции, Литве. Переводился на английский, французский и другие языки. Есть литературные награды.

Защита Тароса

*Подброшенная рукопись с комментариями**
турецкого профессора арменоведения Догру Олмы

Ровно в девять я пришёл на работу. Секретарь уже был на месте. Я поздоровался и открыл своим ключом дверь кабинета. Снял плащ и шляпу и повесил на вешалку в углу комнаты. Через огромное окно был виден Стамбул. Несмотря на утреннее солнце, дымка выхлопных газов и пыли уже висела над крышами, церквями и минаретами. Вызвал секретаря и попросил приготовить кофе без сахара. Вернувшись, он рядом с чашкой кофе положил на стол какой-то странный пакет – весь в штемпелях и почтовых марках европейских и азиатских стран. Можно было подумать, что пакет совершил путешествие по Средиземноморью, прежде чем попасть ко мне на письменный стол. Даты на штемпелях тоже были самые разные. Создавалось ощущение, что письмо с перерывами добиралось до музея целое столетие. Заинтригованный, я спросил, кто принёс пакет. Секретарь сказал, что почтальон, кто же ещё. Действительно, кто?..

Разрезал конверт и вытянул из него довольно толстую кипу сильно пожелтевшей бумаги. Листы были испещрены ровными строчками мелким почерком. Написано было на совершенно неизвестном мне диалекте армянского, а я считаюсь лучшим специалистом по армянскому языку. Стал читать, с большим трудом разбирая написанное. То, что удавалось разобрать и понять, сразу заносил в компьютер. Я вам покажу, что получилось, уверен, что это фальшивка. Видите ли, в тексте часто используются географические названия, которых в Турции нет и не было никогда. Далее, обязательно следите за моими примечаниями, чтобы не впасть в заблуждение. К тому же некоторые описания Средиземноморского побережья явно выдают человека, никогда не видевшего этих мест. Зачем написан и подброшен в наш музей этот текст, непонятно. Повествование ведётся от имени сына некоего кузнеца,

* Комментарии турецкого профессора даны автором в форме ссылок в конце страницы. – *Примеч. сост.*

который для простолюдина слишком хорошо осведомлён об «истории» этих никогда не существовавших в Турции провинций. Не говорю уже о событиях, которые никогда в Турции не имели места быть. Но рукопись я опубликую, чтобы показать, на какие ухищрения способны люди, готовые опорочить великое прошлое Османской империи...

Тарос^с

Удивительно красива Фратрия^{сс}. Этот клочок каменистого малоазийского побережья и есть моя родина. Ближе к осени, в августе, когда произошли известные события, здесь устанавливается отличная ясная погода. И тогда далеко на востоке поднимаются сизые бугры Киликийского Тавра. Со скалистого берега далеко видятся странные миражи и парусные суда. Можно часами, не отрываясь, рассматривать безмятежное море. А на западе становится видна гористая рыжая местность с чёрными лоскутами стройного хвойного леса. Рваные квадраты на островерхих холмах мне всегда казались движущимися в боевом порядке римскими легионами Помпея или Лукулла, которые две тысячи лет назад вели войну с фратрийскими и киликийскими пиратами. В штгил с вершины небольшого вулкана Арцви-Буйн^{ссс} до сих пор на глубине виден тусклый бронзово-медный

^с Тарос – вымышленное название города. Может быть, имеется в виду Тарсус. Но Тарсус не является портовым городом. От Средиземного моря сегодня он отстоит не менее чем на 9 км.

^{сс} Фратрия – братство (греч.). Никогда в Османской империи, на побережье, не существовало ни провинции, ни вилайета под таким названием.

^{ссс} Гнездо орла (арм.). Описываемых в тексте подобного рода вулканов на киликийском побережье не один десяток. Но о вулкане с таким названием, да ещё и с античным маяком на вершине, я никогда не слышал. Автор фальшивки рассказывает о римских галерах, якобы сохранившихся на дне бухты со времён Помпея. Это смешно, потому что такого не может быть.

отсвет таранов римских бирем. Видимо, победа Лукулли далась нелегко.

Жерло вулкана, разрушенное взрывом древнее самого Рима, превратилось в удобную полукруглую бухту. Сюда иногда заходят торговые корабли. Город Тарос лепится к склонам вулкана с подветренной стороны и похож на гнездовье хищных птиц. Он разделён узкой кривой трещиной-улицей на два квартала – армянский и турецкий. Ближе к вершине к чёрным базальтам крепится армянская часть города, ощетинившаяся балками перекрытий и сбегающая к лагуне-порту с западной стороны. Ниже, точно пёстрый скарб, у рыхлых отрогов тянется турецкий квартал и расстилается у восточной части берега-жерла.

И армянская, и турецкая части порта имеют свои отдельные пристани для приёма кораблей. Высоко над городом, на остром пике развороченной горы, куда ведёт выбитая в базальтовых склонах крутая лестница, стоит на ветрах часовня Сурб Аствацмайр*. С неё открывается зрелище бескрайнего моря. Иногда оттуда доносится звон потревоженного ветром колокола. Недалеко от церкви стоит приземистый маяк. Огонь на маяке поддерживает монах. Лицо у священника обветренное и мужественное, как у воина. Маяк построен ещё во времена Римской империи. В его крутой бок вделана мраморная плита с надписью по-латыни: «Храбрость – вот дорога к бессмертию». С другой стороны маяка сделана ещё одна надпись на франкском, видимо, восходящая ко временам крестовых походов: «Здесь уповал на милость судьбы барон Гийом Длинный Меч». Монах Карапет говорил, что барон был большой безбожник. Ещё здесь есть несколько старых хачкаров**.

* Св. Богородица (арм.).

** Хачкар (арм.) – каменная стела или стена с изображением креста.

В верхней части армянского квартала есть ещё одна церковь. Церковь древняя, основанная самим апостолом Петром. Хрустальный перезвон её колоколов сбегает, как по ступеням, по добротным, словно крепостные стены, домам армян и теряется в трущобах турецкой части города. Оттуда, с острого, как штык, минарета, зловещим ответом доносится дикий заунывный азан муэдзина.

Жизнь города

Армянское население Тароса, что был центром вилайета Фратрия, занималось в основном торговлей, ремеслом и рыбной ловлей. В верхнем городе, недалеко от церкви апостола Петра, была кузница, принадлежавшая моему отцу Геворгу. Отец ковал для продажи железные, с медными вставками, декоративные решётки, украшавшие дома богатых горожан. Даже турки почитали за честь заказать у отца ограду или решётки на окна. Затейливый железный узор в форме распустившейся виноградной лозы с медными битыми плодами гранатов оплетал окна многих состоятельных горожан. Турки цокали языком, отсчитывая серебряные лиры: «Якши, гяур! Якши, Гевор!» Отец ковал стрельчатые ограды, подковывал коней, делал на заказ железные колёса для телег, засовы и запоры.

С самого детства в память врезался запах железной окалины и раскалённой меди. Иногда он делал для армян и ножи, хотя это строго запрещалось. Турецкие соглядатаи-касусы то и дело шныряли вокруг кузницы, проверяя, не делает ли отец холодное оружие. Кинжалы полагалось носить и иметь только туркам.

В городе была пекарня. Она принадлежала армянину Вардану. С самого утра по всему городу разносился запах лаваша, приправленный солёным

средиземноморским воздухом. У главного входа толпились турки, чтобы купить хлеб. Армянам вместе с турками стоять не полагалось. Им продавали хлеб с внутреннего двора.

Была в городе и гончарная мастерская, где можно было купить кувшины и горшки на любой вкус. Её владельцем был гончар Симон. Когда мы были мальчишками, он дарил нам рыжие, как эта земля, фигурки коней, орлов и людей.

Простые турки большей частью занимались скотоводством. С отрогов Арцви-Буйна были видны их большие отары по сто-двести овец, которые объедали и вытаптывали городскую округу. Из молока турки делали вонючий овечий сыр. Занимались турки, как и армяне, и рыбным промыслом. На мелких парусных судах-кайках они выходили в море за сельдью и тунцом. Потом весь улов продавался прямо на пристани или свозился на городской базар.

Чиновниками были только турки. Был в городе староста – мухтар, толстый, с чёрной бородавкой на щеке. Его имени мы не знали, так и звали его – Мухтар. Была в городе своя жандармерия. Начальником жандармерии был Кемал, турок с лихо закрученными усами, носом-крючком и презрительным взглядом. Он ездил только в двуколке, запряжённой парой гнедых коней, жил в большом двухэтажном доме с греческим трофейным львом около входа и тощим аскером-жандармом с винтовкой у ноги. Ночью в дом стекались соглядатаикасусы с доносами.

Был в городе ещё один примечательный тип – сборщик налогов Осман. Он со своими помощниками-муавинами мучил весь город. В крохотной алой феске на огромной лысой голове, в пенсне на европейский манер, он верхом на большом жирном осле объезжал каждый дом в городе. Особенно доставав-

лось от него армянам. С армян взималась вдвое большая подать, чем с турок^с.

В порт заходили и большие торговые кайки. Армяне грузили на них свой товар, турки же со своей пристани грузили проданные грекам товары: овец и сыры, а также дикий лук, который в изобилии рос на пустырях близ города.

Страшные слухи

В последний день июля установилась ясная, но ветреная погода. По морской глади, несмотря на сильное солнце, бежали высокие быстрые валы. На их гребнях пена разбивалась в пыль. Одновременно было и жарко и холодно. А ночью по городу поползли страшные слухи. В армянский квартал, в дом пекаря Вардана, пришла молодая женщина в изодранном платье. На ней не было живого места. Непонятно, как в таком состоянии эта женщина пробралась в армянский Тарос. Она как в бреду рассказывала ужасные вещи. По её словам, в Адане и ближайших деревнях убивали армян. Говорила, что невозможно было пройти по улице, не наступив в лужу крови. Турецкие жандармы и аскеры врываются в дома и никого не щадили. Кололи штыками, жалея патроны. Следом ходили толпы ягмачи и добивали детей, женщин и стариков. Уцелевших собрали на городском майдане и погнали, в одном рванье, точно скотину, в сторону

^с В Османской империи турки занимались ремеслом наравне с армянами. Более того, в ремеслах они превосходили армян и греков, можете судить хотя бы по мечетям Стамбула, относящимся ко времени описываемых событий. Чиновником же мог быть кто угодно, вне зависимости от своей национальности и вероисповедания. Османские власти никогда не делали различий между своими подданными, автор фальшивки вводит читателя в заблуждение.

Сирийской пустыни. Она потеряла всех близких, но смогла обмануть аскера и убежать.

В армянском квартале Тароса все были подавлены рассказом женщины. Турецкое население Тароса тоже что-то прознало. Напряжение и страх навалились на город. Отношение турок к армянам претерпело изменения. Два дня не появлялся на своей двуколке начальник жандармерии Кемал. Раньше без его презрительных взглядов не обходился ни один божий день. Простые турки норовили не платить за товар или давали гроши. Одного рыбака-армянина избили и отобрали весь улов. Касусы, точно обнаглевшие крысы, шныряли где ни попадя. Азан муэдзина стал невыносим и напоминал вой остервеневшего шакала. Молодые турчанки больше не улыбались нам на улицах. На их лицах застыло непонятное для христианина выражение. «Проклятый гяур...» – шипели и брызгали гнойной слюной вслед чёрные турецкие старухи. На армянский квартал, точно тяжкое ожидание, навалился страх.

Потом, тоже ясной ветреной ночью, в квартале появился беглый солдат-армянин. Его призвали месяц назад из Урфы. Он рассказал, что у османов на фронтах дела плохи, что русские разбили турок на Балканах, а французы начали наступление в Египте. Всех христиан в турецкой армии было решено уничтожить. У них отобрали винтовки без затворов и по семь-восемь человек выводили за казармы. Иногда, чтобы не было лишнего шума, солдат просто закапывали живьём^с.

От услышанного на голове волосы вставали дыбом. Но странное оцепенение, похожее на полное физическое бессилие, охватывало горожан. Встречаясь, говорили шёпотом. Неужто с людьми, с хри-

^с *Никогда в турецкой армии не расстреливали без суда и следствия военнослужащих, к тому же единственно по причине их национальной принадлежности. Это наглая ложь.*

стианами, возможно так обращаться! От мерзостных слухов слова отчаяния и возмущения застывали в горле, как холодный бараний жир.

Но к нам в квартал турки пока не совались. Даже не знаю почему. Видимо, не были уверены, что справятся своими силами. Но мы чувствовали: как только придёт подкрепление – сунутся. Тогда я ещё не знал, что спасительную отсрочку нам дарила Урфа, отчаянно сопротивлявшаяся насильникам. Мы все ещё не знали, что думать и делать. Нужно было быстро сбросить с себя это удивительное оцепенение и осознать, что дело имеешь с людьми иной морали и психологии, с нелюдьми, готовыми по отношению к христианам на любое грязное действо. И горожане нашли в себе силы это осознать. Сначала подбадривая друг друга взглядами, потом похлопывая друг друга по плечу, они избавились от этого леденящего нутро и сковывающего члены оцепенения.

Последние надежды, что беда нас может миновать, растаяли 3 августа 1915 года. Со склона Арцви-Буйна я первым увидел, как по пыльной рыжей дороге тянется длинная вереница людей. По обеим сторонам мрачного шествия двигались фигурки всадников с винтовками наперевес. Непрерывная лента периодически теряла людей, и тогда к маленькому пятнышку подъезжал всадник и добивал штыком^с. Даже отсюда был слышен вопль жертвы. Вереница вздрагивала и, словно гигантская гусеница, продолжала свое бессмысленное движение. Иногда ветер менял направление, и до нас доносились волны глухого воя. Потом я понял, что означал этот вой: армя-

^с Автор фальшивки пытается опорочить эмиграционную политику того времени. Армянам предоставлялись даже транспортные средства для переселения из зоны предполагаемых боевых действий. Османская армия сопровождала армян для их же безопасности.

не видели Тарос в последний раз. Мы были не в силах помочь.

Так слухи стали явью. Ещё не скрылся на горизонте жуткий конвой, а в притихшем квартале в старой кузнице раздались удары молота по раскалённому железу. Это кузнец Геворг, мой отец, призывал армян не сдаваться.

На улице Чак

4 августа на улице Чак, что отделяла армянский квартал от турецкого, появился на лоснящемся жирном осле сборщик налогов Осман в сопровождении своих муавинов и двух жандармов. У каждого пятого дома сборщик податей колотил в грязную деревянную колотушку, чтобы привлечь внимание, и говорил примерно вот что:

– Армяне, слушайте! Вы такие же подданные Османской империи, как и мы, турки. На всех фронтах турецкая армия вскоре перейдёт в наступление и вышвырнет из наших владений русских, французов и прочих гяуров. Но для этого нам нужны ваши средства. Слушайте, армяне! Вы должны не позднее завтрашнего полудня сдать в городскую казну для нужд турецкой армии всё имеющееся у вас серебро и золото, а также наличные деньги, драгоценные камни и украшения... До полудня!

Говоря последние слова, он поправлял пенсне и морщился так, что обнажались большие гнилые зубы, такие же, как у его послушного осла.

У гончара Симона

Все понимали, что это было только начало предстоящих грабежей и погромов. Нужно было срочно решать: или подчиниться османским властям и погибнуть, или самим стать хозяевами своей судьбы.

Ветреным вечером, когда на небе засияла молодая луна, пользующиеся уважением в квартале горожане тайно собрались у гончара Симона. Никогда я не видел своего отца, кузнеца Геворга, таким мрачным. Он сидел под большим серебряным сином, прислонившись к настенному ковру, и был похож на древнего фратрийского пирата. Был здесь также пекарь Вардан с пятью взрослыми сыновьями, рыбак Тигран с братьями, а также дезертировавший из турецкой армии солдат-армянин.

Дочь Симона принесла виноградного вина, разлила по глиняным чашкам. Тогда я и заметил, что она уже выросла. Она стала очень красивой девушкой, эта Наре! Стройный армянский стан, длинные чёрные косы и глаза, как бездна моря. Мужчины говорили, я ловил их разговор краем уха, а сам всё смотрел и не мог налюбоваться на Наре. Странное, неведомое доселе чувство затопило душу. Непонятно откуда взявшаяся в этот тяжёлый для всех нас час радость согрела мне сердце...

– Понял, Мико?..

Только суровый взгляд отца заставил вникнуть во все детали предстоящей самообороны.

Выходило, что для того, чтобы туркам дать достойный отпор, семидесяти ружей было мало. Если даже заколотить все сквозные дворы, перекрыть все проходные улочки и законопатить все дыры, ведущие в армянский квартал, можно отбить только первый наскок османов. Потом подойдет армия, и без артиллерии всё будет быстро кончено. Нужны пушки. Их нужно расставить над армянским кварталом: одну расположить у церкви апостола Петра, а другую на безымянной скале; с этих точек хорошо просматривалась вся улица Чак, а также большая часть турецкого квартала. Отец был готов отлить бронзовые пушки. Меди и олова в кузнице не хватало даже на одну, но отец знал, где взять медь. Её было достаточно на дне бухты. Тараны римских

бирем можно переплавить. Пусть оружие древнего неприятеля сослужит нам службу. Тараны лежали в бухте на глубине не менее двадцати метров. Самым лучшим ныряльщиком в городе был я. Мне нужно спуститься под воду на самое дно, обвязать пароходным стальным тросом древний металл, а рыбаки должны будут вытянуть лебёдкой медные глыбы на берег.

Вечером отец из своего запаса раздал горожанам две сотни кинжалов дамаской стали, а также по сотню свинцовых пуль на ружьё и по две унции пороха.

Утро

В это утро ветер с моря наконец-то улёгся. На наше счастье, воцарился штиль, и толща воды просматривалась до самой глубины. Я сидел в кайке Тиграна и смотрел, как подо мной в потоке солнечного света медленно проплывают медузы и крупные рыбы с тёмными хребтами. На дне были видны остатки римских галер.

Турки, похоже, ничего не подозревали. Всё было как всегда. Я взял приготовленный ржавый железный якорь и сиганул на дно...

Когда я всплыл, из носа и ушей хлестала кровь. На той стороне бухты собралась толпа зевак. Турок-жандарм с того берега кричал, что с сегодняшнего дня рыбная ловля армянам запрещена.

– Что это вы там делаете?..

Но Тигран с братьями в два счёта погрузили тараны на специально подогнанные телеги, и улов был таков.

Я отплевался рыжей кровью.

В то же утро 5 августа со склонов Арцви-Буйна было видно, как по дороге на Тарос движется колонна пеших турецких солдат. Впереди, взбивая лёгкую пыль, гарцевал лихой юзбаши. Подразделение нахо-

дилось явно в приподнятом боевом расположении духа.

Первое столкновение

Как и обещал, ровно в полдень на улице Чак на своём осле появился сборщик налогов Осман. Теперь за ним следовали не только муавины, но и катился в своей неперменной двуколке покручивающий усы начальник жандармерии Кемал, за двуколкой шли десяток жандармов, а также переваливался толстый городской староста Мухтар, всё время нервно теребивший чёрную бородавку на щеке, и трусила целая свора касусов и просто турок-зевак. Солдат среди них не было. Вся эта пёстрая толпа собиралась у дома Вардана. Точно шелудивые городские псы, они сошлись на запах хлеба у дома пекаря, не зная, что бы им такое сделать потом.

Наконец вперед выступил Осман верхом на осле, поколотил в свою колотушку, что, видимо, означало: откройте дверь. Но никто ему дверей не открыл. Дом Вардана был, в отличие от турецких, сложен как крепость.

Не смущаясь этим обстоятельством, вперёд, переваливаясь, вышел толстый староста Мухтар и пропищал:

– Эрмени, твоё время вышло, неси золото... У твоей жены я видел много колец и браслетов... Неси по-хорошему – я знаю, что в доме беженка, а в квартале прячется дезертир... Послушайся меня, если ты отдашь золото сам и выдашь изменников, мы позволим тебе переселиться с семьёй в сирийские вилайеты...

Ответа не последовало^с.

^с Этот эпизод в рукописи ещё раз доказывает, что армяне не были склонны подчиняться законным властям, а также при случае готовы были поднять вооружённый мятеж.

Крутивший ус начальник жандармерии Кемал выругался, помянув шайтана, и махнул в сторону двери рукой. Это был знак жандармам. Двое подбежали к двери и попытались высадить её плечом. Но у них ничего не вышло.

Зеваки из толпы стали советовать, как лучше выбить дверь. Больше всех усердствовал Мухтар. По его счёту жандармы и касусы били в дверь увесистым бревном. Староста входил в раж, его лицо с удивительной чёрной бородавкой, которая словно жила своей жизнью, озарилось азартом. Когда он поднял руку к небу, собираясь в очередной раз произнести «бир»*, а может, попросить помощи Аллаха в нелёгком деле вышибания двери, бородавка на мухтаровом лице вдруг распустилась алою розой...

Турки не сразу поняли, что это был выстрел. Такого от презренных гяуров-армян они никак не ожидали. Прежде чем началась паника, люди в каком-то необъяснимом оцепенении сиротливой кучкой стояли у дома пекаря.

За первым выстрелом, который прогремел из дома Вардана, из соседних домов, будто эхо, прозвучали ещё несколько. Здоровяк жандарм выпустил бревно и повалился навзничь. Бревно полетело на мостовую, дробя касусам ступни.

У сборщика податей Османа выбило из руки колотушку. Толпа с воплями и проклятьями наконец бросилась врассыпную. Дома в этой части города тянулись непрерывной стеной и, со всеми своими башнями и бойницами, больше походили на крепостные сооружения, так что спрятаться между стен армянского города было негде. Отступить можно было только в турецкий квартал. Касусы, муавины и прочая чернь пытались побыстрее укрыться в трущобах турецкой части города. Всю эту сумятицу со-

* Бир (*тур.*) – один.

проводил рёв улётывающего вверх по улице османова осла.

Бросив своих жандармов и двуколку, Кемал перемахнул через глинобитную стену низенького турецкого дома. Упав, он замочил свои ухоженные усы в грязной луже. Мчаться в двуколке вдоль домов армянского квартала неожиданно сделалось очень опасным мероприятием. А потому лучше было лежать в грязи и не шевелиться. За это время его два раза клюнул в темя важный петух.

В замешательстве турки не сразу открыли ответный огонь. Пока муавины, касусы и простые зеваки разбегались, один из сыновей Вардана вышел, преспокойно подобрал винтовку убитого жандарма и снял с него патронташ.

Винтовка была отличным трофеем.

Пушки

Когда началась перестрелка, я в кузнице очищал от водорослей, соли и раковин тараны с галер. Таранов было два. Один из них был в форме сильно вытянутой женской головы с яростно оскаленным лицом и со змеями вместо волос, другой же напоминал голову дракона, изрыгающего пламя. Я смотрел на древний позеленелый металл, и мне слышался гул древнего сражения.

Тени предков мелькали перед мысленным взором. Героическое прошлое оживало в воображении. Теперь новый враг старался нас погубить.

Иногда мне виделась в мешанине образов дочь гончара Симона Наре в каком-то древнем наряде. Мне стало жарко. Жарко и радостно. Хотелось знать, что она тоже думает обо мне.

Жаль плавить эти прекрасные изделия, но выбора не было. В последней отчаянной гримасе скорчилось лицо горгоны Медузы, слилось с пастью Пифона и

превратилось в чистую медь. Наше удивительное прошлое вновь дарило возможность сражаться.

Через некоторое время у нас появились две медные пушки, стреляющие каменными и металлическими ядрами. Отец для удобства передвижения приладил к ним пару железных клёпаных колес.

Пожар

На улице Чак положение быстро менялось не в пользу армян. Турки пришли в себя. В пёстро-грязных, как старушечье исподнее, турецких трущобах можно было заметить серые мундиры солдат недавно подоспевшей части. Там что-то отрывисто командовал юзбаши. Среди солдатских мундиров иногда мелькали белые рубахи жандармов.

Турки занимали деревянные чердаки, делали бреши в глинобитных стенах и вели прицельный огонь из своих «лебелей» по окнам армянских домов. Уже было несколько легко раненных. Отовсюду слышался перелай несчастных ружейных выстрелов и короткий треск винтовок.

Но, к счастью для армян, быстро смеркалось.

Было очевидно, что на этот вечерний час у турок нет никакого плана. Солдаты оказались в незнакомом городе, они устали после перехода, подгоняла их по пыльной дороге только перспектива хорошо поесть, отдохнуть, а потом поизмываться над христианским населением. Гяуры оказывали вооружённое сопротивление, и не было никакого желания получить на ужин в брюхо кусок свинца. В далёких вилайетах их ждали матери и жёны, а посему юзбаши верно рассудил, что утро вечера мудренее. Он велел своим аскерам прекратить беспорядочный огонь по армянским домам и вместе с оправившимся Кемалом направился в двуколке к нему домой, чтобы составить какой-нибудь план действий, а заодно поужинать и перекинуться в кости.

Им составил компанию сборщик налогов Осман. Ночью в турецкой части города начался пожар. Кто поджёг трущобы, было сначала неясно. Огонь быстро перекидывался от дома к дому. Пламя слизало позиции турецких стрелков на чердаках, потом пошло в глубь квартала. Яркое зарево осветило ночное небо с молодым полумесяцем. Небольшой ветерок легко раздувал пламя. Слышно было, как голоса турецкие женщины и причитают старухи. Мужчины что-то кричали, но разобрать отсюда можно было разве что: «Аллах-аллах, проклятые гяуры!»

Пекарь Вардан рассказал, что поджечь пытались как раз армянский квартал. К его дому турки собирались подтащить жбан с керосином. Но что-то там у них не получилось, снова завязалась перестрелка, и керосин загорелся.

Армянам бояться огня было нечего. Их дома стояли дальше и выше горящих домов турок. К тому же ветер вдруг сменил направление и понёс пламя в трущобы. Там начиналась паника. Огромные тенидвигающихся в беспорядке людей отбрасывались на гору Арцви-Буйн. Внизу суетились люди, спасая на телегах свой скарб. Меня подмывало дать выстрел из новенькой бронзовой пушки по пытавшимся потушить пожар солдатам, но отец не позволил, чтобы не дать её обнаружить раньше времени.

Всю ночь город горел. Выгорели почти все трущобы. Пламя не коснулось только той части турецкого квартала, где было много каменных домов и стояла мечеть, а также турецкой пристани. Ближе к утру только едкий белый дым без пламени клубился над массивом чёрных глинобитных развалин.

В положенный час над пожарищем разнесся азан муэдзина.

В часовне

Несмотря на то что военное счастье было на нашей стороне, в городе воодушевления не наблюдалось. Все понимали, что турки так просто в покое нас не оставят. В конце концов они привезут артиллерийские орудия, и тогда армянский город падёт. Среди жителей царила атмосфера беспокойного ожидания. Мужчины маялись от безделья, женщины и дети занимались пустячными делами. Рыболовные кайки в море не выходили: бухта простреливалась турками. В доме у Вардана пекли хлеб и раздавали горожанам даром. Отец мрачно сидел в своей кузнице и за всё утро не проронил ни слова.

Я собрался на маяк. Хотелось уйти от дурных мыслей и предчувствий. Прошёл мимо спрятанной за грудой камней пушки, прошагал за церковь апостола Петра, стены которой поросли лишайниками и мхом. Перекрестился и стал подниматься по вырубленной в почти отвесной базальтовой стене лестнице на самую вершину Арцви-Буйна. Внизу распростёрся с виду сонный армянский квартал и чернела плешь выгоревшей части турецкого города. Дальше были видны мечеть и белокаменные дома богатых турок.

Оказалось, я лез не один, далеко вверху виделась поднимающаяся по ступеням женская фигурка. В девушке я узнал дочь гончара Симона – Наре. Сердце у меня отчаянно заколотилось.

На вершине дул ветер. Под ногами гнулись пушистые волоски ковыля. Наре нигде не было видно. До самого бирюзового горизонта простиралось Средиземное море. Увидел я её за римским маяком. Она задумчиво смотрела на оставленную крестonosцами надпись. Ветер шевелил её косы, профиль был чист и бел, как у античной статуи, а глаза и брови подведены углём. Наре была прекрасна.

– Я всё время думаю о тебе, Наре! – начал я.

– Молчи, не говори ничего!

Она привлекла меня к себе, и мы нежно обнялись. Всё произошло неожиданно. Всё было божественно просто. Наверху бежали облака, внизу было море. Мы шептались друг другу слова нежности, не испытывая ни тревоги, ни неловкости друг перед другом.

– Я знаю, нас всех убьют турки! – вдруг задумчиво сказала Наре. – Почему они нас так ненавидят?

Ответить было нечего. Да вопрос и не требовал ответа.

Наре согласилась стать моей женой. Мы спешили жить и насладиться друг другом. В крохотной часовне нас обвенчал монах с лицом воина. Его густой голос поднимался к церковным сводам, и что-то древнее, раннехристианское мерещилось мне во всём этом обряде. Мы обменялись серебряными колечками, подаренными монахом Карапетом, и поклялись на кресте быть верными друг другу.

Мы зажгли в церквушке две маленькие свечки и вышли на яркое солнце. На глаза попала надпись на мраморной плите в боку маяка, оставленная римлянами: «Храбрость – вот путь к бессмертию».

Монах Карапет вдоль тёмных хачкаров проводил нас до лестницы.

Аэроплан

Днём 7 августа в безмолвном небе вдруг раздался адский стрёкот. Над городом кружил аэроплан, на его крыльях и бортах отчётливо различались полумесяцы – белые на красном. Аэроплан облетел вулкан и сбросил в армянской части бухты бомбу. Пристань разнесло в щепки. На берегу пострадали несколько строений, в том числе пивная и несколько рыбацких складов. Аэроплан заложил вираж и снова вошёл в пике над городом. В этот раз две бомбы разорвались в самой гуще жилого квартала. Аэроплан вновь взмыл в небо, сделал мёртвую петлю и снова,

ревя двигателем, завис над городом. Четвёртая бомба разорвалась на улице Чак, вышибив рамы в домах и разворотив мостовую, а пятая угодила в пекарню Вардана.

В это время мы с отцом были в кузнице. От тяжёлых взрывов на стальной наковальне подпрыгивали кузнечные инструменты. Мы с отцом побежали к церкви апостола Петра. Пушка была заряжена заранее. Аэроплан совершал очередной вираж. Отец неторопливо, точно примериваясь к очередному своему заказу, прикинул на глаз, где окажется секунд через двадцать аэроплан, и развернул в ту сторону пушку. Получалось, что аэроплан пролетит прямо над нами. Лётчик собирался бомбить церковь. Натужно ревел мотор, аэроплан пронёсся по дуге над окраиной города и устремился на церковь.

Вот тут-то и прозвучал выстрел. Вернее, я его не услышал, только увидел, как пушка откатилась на несколько футов. А услышал я взрыв. Турки успели всё-таки сбросить бомбу. Не причинив церкви значительного вреда, она оглушила меня взрывной волной. Аэроплан беззвучно продолжил свое движение, но это уже был полёт подбитой птицы. Неожиданно он покачнулся и резко сорвался с высоты в бухту и затонул сразу, опустившись на дно рядом с галерами.

Отец тоже пострадал несильно. Он мне что-то объяснял, я никак не мог его понять, а потом вдруг до меня дошло: мы сбили турецкий аэроплан простым булыжником.

Бой в городе

Дом пекаря Вардана разнесло взрывом. Сам он и его семья, скорее всего, погибли. Соседние дома тоже значительно пострадали. На улице Чак открылась брешь, в которую сразу хлынули турецкие аскеры.

Во внутренних дворах завязалась перестрелка. Туркам удавалось брать дом за домом. Следом за солдатами в брешь хлынули ягмачи из турецкого квартала. Началась резня. Но даже женщины и дети кидались на врага с кинжалами. Турки несли потери. Им не удавалось безнаказанно убивать и грабить.

Хоть и медленно, но турки продвигались к центру квартала. Треск винтовок и редкие ружейные залпы раздавались уже оттуда. Слышна была турецкая речь вперемешку с армянской. Где-то там шла рукопашная с ягмачи. В кузницу прибежали Тигран с братьями. На всех было семь ружей. Нужно было снова организовать оборону. Отец приказал снять с безымянной скалы вторую пушку и установить на главной улице внутреннего города. Это была извилистая, ярдов пяти шириной, сплошь затянутая виноградниками и средиземноморским плющом улочка.

Через некоторое время раздались топот ботинок турецких аскеров и шлёпанье чарухов ягмачи. Слышно было тяжёлое дыхание и сопение турок. Впереди бежал юзбаши. Отец дал залп из пушки. Каменное ядро снесло юзбаши голову, пролетело до ближайшего поворота, врезалось в базальтовую стену и разлетелось на осколки, калеча и рняя ещё не появившихся из-за поворота турок. Затем мы дали одновременный ружейный залп, завалив улицу телами ополоумевших людей, не успевших открыть ответный огонь. С той стороны слышались проклятья, стоны и нечеловечески жалобный вой.

Весть о гибели юзбаши быстро разлетелась среди нападавших. Турки на время прекратили продвижение. Но ещё долго то утихала, то вновь разгоралась перестрелка во внутренней части квартала.

К вечеру турки, не желая оставаться на ночь в упорно сопротивлявшемся квартале, отступили на его покинутые жителями окраины.

Ночь

Ночью никто в городе спать не ложился. В квартале царила суматоха. Было много убитых, и родственники и соседи спешили их похоронить. При свете костров они рыли во дворах ямы и сносили туда мёртвые тела. Среди убитых было много стариков, женщин и детей. Погибших наспех отпевал отец Карапет. Турки так и валялись на улицах, их никто не подбирали.

Все мои мысли были о Наре. Я даже не знал, осталась ли она жива. Мне нестерпимо хотелось вновь её увидеть. Я уже рассказал отцу, что нас обвенчал священник Карапет. Он ничего на это не сказал, только перекрестил.

Дом гончара Симона был в другой части квартала. Мне нужно было пересечь почти весь армянский город. Заткнув за пояс трофейный, снятый с юзбаши «вальтер» и прихватив винтовку, я отправился на другой конец города.

Всюду были следы недавнего боя. На стенах виднелись отверстия от пуль, то и дело попадались трупы ягмачи, аскеров, изредка жандармов. Пока я добирался до нужной части города, насчитал больше двух десятков тел турок. Было видно, что везде враг получил отпор. Видел и воронки от бомб, что сбросили с аэроплана. Разрушения были сильные. Прямыми попаданиями дома разнесло до основания. В соседних домах появились глубокие трещины.

Дом гончара Симона не пострадал. Открыла мне Наре. Мы стояли обнявшись, и никто, казалось, этому даже не удивился. Перехватив взгляд старика Симона, я бросился ему в ноги, прося благословить. Старый гончар, не выпуская из рук винтовки, велел беречь Наре больше собственной жизни. Он сказал, что турки уже завтра будут здесь и нам нужно попытаться спастись. Сам же покинуть свой дом отказался.

Вместе с ним дом остался защищать дезертировавший из турецкой армии солдат-армянин.

Наре завернула в чистый цветастый платок голову сыра и кусок варёной телятины, и мы ушли. Плана чёткого у меня не было. Вернее, не было вообще никакого плана – действовал по наитию. Мы пересекли город, даже не заглянув в отцовскую кузницу, прошли мимо церкви апостола Петра и стали подниматься по базальтовой лестнице на вершину Арцви-Буйна. Наре я оставил на маяке и велел ждать, пока не вернусь.

Уже почти рассвело. По дороге на Тарос я увидел тёмные колонны турецких войск. Впереди на вороном коне двигался омбаши. К нему иногда подъезжали юзбаши, что-то быстро докладывали и возвращались к своим сотням. Позади этой устрашающе длинной колонны были стояли четыре крупнокалиберные полевые пушки. Командовал батареей, как было видно, не турок. Немец, догадался я.

Падение Тароса

О наступлении утра 8 августа возвестили страшные разрывы. Турки начали артиллерийскую подготовку. Стреляли по науке: взрывы ложились плотно, разрушая каждый каменный дом, где можно было закрепиться стрелкам.

В армянском городе началась паника. Люди в ужасе покидали дома и бежали на уничтоженную ещё вчера пристань. На извилистых узких улочках портовой части квартала образовалась давка и возникла суматоха. Люди, забыв об опасности, спускали на воду кайки и пытались отплыть с семьями.

До поры турецкий берег выжидал. Когда давка и сумятица на пристани достигли апогея, с турецкой части пристани ударил пулемёт. Люди десятками ва-

лились на берегу. Женщины и дети вообще не понимали, что происходит. Плач и причитания помутили мужчинам разум. Это была уже бойня. Пробитые кайки тонули. Кто не умел плавать – захлёбывался. Остальных добивали пулемётным огнём и винтовочными залпами. Через несколько минут всё было кончено.

В разрушенный город вошли турецкие войска. Несколько раз в отдаленной части квартала завязывалась и быстро стихала перестрелка. Турки почти не встречали сопротивления.

Оставшуюся часть мирного населения отец Карапет увёл вверх по кварталу. Это были в основном женщины и дети. Они заперлись вместе со священником в церкви святого Петра.

Когда я вернулся домой, то обнаружил рядом с кузницей широкую воронку. От кузницы осталась только внутренняя стена. Отца я нигде не нашёл. Душа моя находилась в смятении. Может, он не погиб? Может, он где-нибудь внизу ведёт бой? Но по кривой улочке уже поднимались аскеры, и никто им не мешал. Они смеялись и весело переговаривались, явно пребывая в хорошем настроении. Я присел, согнув колено, взял одного на мушку и выстрелил, потом передёрнул затвор и выстрелил снова. Внизу началась суматоха, послышалась брань на турецком, раздались беспорядочные выстрелы. Чтобы меня не обнаружили, я побежал назад, к каменной лестнице, ведущей на древний маяк.

Святой отец

В разгар дня турки уже спокойно разгуливали по армянскому кварталу. Это был конец.

С маяка мы видели, как в развалинах роются ягмачи. На базарную площадь выволокли обнажённую молодую женщину, всю в ссадинах и пыли. Турки,

хохоча, передавали её из рук в руки и по очереди насиловали. Потом с неё, как с овцы, живьём содрали кожу.

– Не смотри, Наре! Мы спасёмся... Вниз по обрыву ведёт потайная, скрытая в скалах лестница. Ещё ребенком я знал о ней, она ведёт в небольшую пещеру – там мы отсидимся. А потом по верёвочной лестнице спустимся в бухту. Твой отец рассказал, где он спрятал небольшую лодку.

Видно было, что внизу, у церкви апостола Петра, собрались турки. Вид у них был торжественный. Подоаль стояли: омбаши, увешанный аксельбантами, два юзбаши, начальник жандармерии Кемал, сборщик налогов Осман и немецкий офицер-артиллерист в островеверхом шлеме.

У входа в церковь с винтовками наперевес стояли в три кольца турецкие солдаты. Видимо, турки ждали, чтобы им открыли дверь. Вдруг дверь действительно отворилась, и к ним вышел священник. Его подвели через строй солдат к омбаши. Уж не знаю, о чём они там говорили, но беседа затягивалась. На всякий случай я взял этого омбаши на прицел.

Я понимал, что такого счастливого случая прострелить турецкому офицеру голову больше не представится. Я переводил мушку с омбаши на начальника жандармерии, затем на немецкого артиллериста, на сборщика податей и снова на омбаши. Я успею сделать всего один выстрел. Если меня засекут, то просто изрешетят. А я твёрдо решил спастись и спасти мою Наре.

Так что – один выстрел... В начальника жандармерии и сборщика податей стрелять не хотелось. Эти держались приниженно, видно, их уже хорошо напугали армянские пули. А вот победитель-омбаши выглядел молодцом: ему, даже перед тем как совершить преступление, хотелось пофилософствовать с армянским священником. С немцем же у

меня были личные счёты. Это его пушки уничтожили город и убили отца. Что турки? С турками всё ясно. Турки – звери, недочеловеки с инстинктами на уровне животных^с. А этот был немец, представитель цивилизованной нации. Он-то что делает здесь? Ему-то за что ненавидеть нас? Этот был враг так враг. К нему у меня был другой разговор...

Вдруг омбаши ударил священника по лицу. Отец Карапет медленно его перекрестил. Это ещё больше разозлило омбаши. Он обнажил ятаган и приказал аскерам войти в церковь. Внутри церкви раздался залп. Несколько аскеров вынесло из церкви вместе с дверью. В притворе церкви была спрятана пушка. Отлитая отцом, она послужила и здесь. Омбаши опустил ятаган на шею священнику. Но пробил сердце я не ему, а немецкому офицеру...

Что было дальше, мы не видели. Мы спускались по потайной лесенке. Через некоторое время слышались разрывы артиллерийских снарядов на вершине Арцви-Ворча. Я посмотрел наверх. Там разлетался разбитый вдребезги маяк. Камни древней кладки летели в синие воды лагуны.

Миражи

В глубине пещеры был старинный хачкар. Крест был вырезан в камне с поразительным мастерством. Это была древняя келья. Мы с трепетом изучали место уединения монахов. Всё здесь располагало к высоким помыслам.

День был жаркий, но в пещере было прохладно. Мы с Наре не чувствовали голода: видимо, сказывалось нервное напряжение, но всё-таки перекусили сыром и холодной телятиной.

^с Ещё одно подтверждение предвзятости к турецкой нации автора фальшивки.

Потом я нашёл за хачкаром верёвочную лестницу, о которой говорил отец Карапет. Верёвка была длинная, через каждые пять футов завязанная узлами, чтобы легче было спускаться. Куда привязывался конец веревки, я никак не мог понять. В пещере были только стены. Потом я решил сделать петлю и набросить на хачкар. Камень был надёжным.

Оставалось только ждать. О том, что делалось в городе, мы понятия не имели, но было ясно, что выжить мало кому удалось. Я и Наре надеялись, что нашим родственникам каким-то чудом удастся выскользнуть из города, если они вообще до сих пор живы. Мы, как могли, подбадривали друг друга и строили планы дальнейшего спасения.

Днём мы стали свидетелями редкого явления. Над безмятежным морем на горизонте поднялись миражи. В сизой дымке сначала заколебалось какое-то марево, и вдруг, к нашему изумлению, над морем ясно проступили очертания неведомых берегов. Что это были за берега – Кипра ли, Ливии или святых земель Господних – было не разобрать^с. Но они были прекрасны, как райские кущи. Казалось, до них рукой подать. Я стал уверять Наре, что это сам Господь указывает нам дорогу в свои владения, что Господь ждёт нас. Я жарко убеждал Наре, что мы на этом берегу построим дом, будем в нём жить, у нас будет много детей. Эта страна станет второй родиной для нас, армян. А потом хотя бы наши внуки обязательно вернуться. Наре только измученно улыбалась и соглашалась со всем, что я говорил.

^с Дело в том, что с горного побережья Киликии в ясную погоду отчётливо просматриваются берега Кипра. Высота описываемого вулкана точно обозначена на полях рукописи (0,921 км). С такой высоты невозможно не разглядеть Кипр. О каких миражах идёт речь, неясно. Вероятно, автор фальшивки никогда не был на киликийском побережье, а может быть, страдает помутнением рассудка.

Через некоторое время миражи бесследно исчезли, уступив место над морем алым сумеркам.

Выход в море

Я впервые пожалел, что мы не были птицами, чтобы вечно кружить над родным берегом, или дождевыми червями, чтобы зарыться в свою землю и переждать очередное нашествие. Кровавая луна висела над Фратрией, и всякий камень отбрасывал под ней алую тень. Нам нужно было уходить. Уходить, чтобы набраться сил и вернуться.

Поздней ночью мы решились покинуть наше убежище. Я сделал петлю и набросил на хачкар в глубине пещеры. Из второго конца веревки я тоже сделал петлю и велел Наре просунуть в неё ногу и крепко держаться, потом медленно стравил веревку. Через некоторое время Наре благополучно оказалась на земле. Затем я закинул свой «лебель» за спину и тоже спустился.

Я выбрал время отлива. По моим расчётам, кайку должно было вынести силою отлива в открытое море. Лодку мы нашли в точности там, где нам велел искать старик Симон. Кроме паруса в ней лежала пара вёсел. Я оттолкнул лодку подальше от берега, потом забрался в неё сам. Некоторое время я грёб, Наре молчала и послушно делала всё, что я говорил. Потом нас медленно понесло через пролив в открытое море. Я решил пока не грести, чтобы шумом не выдать нашего присутствия.

По прихоти течения нас стало сносить в сторону армянской пристани. Неубранные тела грызли собаки. Пролежав много часов на солнце, тела раздулись, одежда на них разошлась по швам. Даже вблизи было невозможно узнать лиц. Поражало количество трупов. Вдруг среди этой массы стало заметно движение. Это старик-ягмачи снимал с мёртвых тел всё,

что можно было хоть за сколько-нибудь продать или на что-либо выменять. Он проводил равнодушным взглядом нашу кайку, а потом продолжил своё жуткое занятие.

Наре

Рассвет застал нас в открытом море. Мы быстро шли на юг под полосатым, выдавшим виды, вылинявшим парусом. Ночью я ориентировался по звёздам, днём можно было определять направление по солнцу. Я надеялся, что мы не пройдем мимо Кипра. К тому же был шанс встретить какое-нибудь судно, принадлежавшее флоту Антанты.

Но дело усложнилось тем обстоятельством, что у нас не было еды и питья. Под ещё жгучим августовским солнцем долго не продержаться. Но пока было раннее утро. Я был полон надежд, а парус напоён ветром. Мне казалось, что Наре чувствует то же, что и я.

В море мы вышли 9 августа. Не стану утомлять описанием страданий, какие выпали нам на долю. Самым мучительным было ощущение жгучей жажды. Мы пытались пить морскую воду, но потом поняли, что солёная вода жажду только увеличивает. Ощущение голода было притуплено всё усиливавшейся жаждой. Солнце опалило кожу на лице до волдырей. Нас не покидало ощущение, что мы заблудились, что плывём не туда, что пройдем мимо острова, и нас никто никогда не найдёт.

Наре старалась стойко переносить все лишения. В глазах её я видел любовь. Я втайне гордился её любовью. Ничто не предвещало беды. Мне казалось, что я сдержу данное старику Симону слово.

Никогда себе этого не прощу: на закате я заснул, а когда проснулся – Наре в лодке не было. Я не поверил глазам, кричал как полоумный, ожидая её

ответа. Но нет, Наре исчезла, словно её и не было никогда рядом. Как она выпала из кайки – ума не приложу. Она была достаточно умелой и смелой, чтобы такого с ней не произошло. Но реальность неумолима: её больше не было со мной.

Наре исчезла, как миражи, с которыми я так поспешно связал свою судьбу. Исчезла, превратившись в морскую пену. В белую чайку. Исчезла, причинив страдание более сильное, чем самая жестокая жажда.

Так я потерял любовь.

Французы

Меня подобрал французский торговый пароход «Муэт»*. Он вёз провиант для французского корпуса на Кипре. Когда я поинтересовался, какое сегодня число, мне сказали: 12 августа 1915 года. Ответ меня сильно удивил, потому что я помнил только две ночи, проведённые в море. Значит, в море я был трое суток. Как ни крути, один день и одна ночь выпали из моего сознания. Я спросил, не видели ли они женщину в море, на что французы весело отшутились.

Меня высадили на Кипре. Здесь много киликийских армян, греков и айсоров. Французы – наши братья. Они готовы раздать нам оружие, чтобы мы могли сражаться за нашу Киликию. Нас переписывают и регистрируют, а потом зачисляют в Восточный легион под командованием генерала Аленби. Должно быть, славный человек этот Аленби, если готов проливать за армян кровь.

Пока мы томимся на берегу, но вскоре нас переправят в Киликию. Ждём не дождёмся, когда нас высадят на родной берег...

11 сентября 1915 года

* La mouette (франц.) – чайка.

Алёна Чубарова

*Если бы надо было сказать о себе в двух словах, то написала бы «Человек Театра» и звёздочка-примечание * – подробности см. в интернете. И действительно в интернете про меня столько всего, что кажется он (интернет) знает обо мне больше, чем я сама. Но хорошо это или плохо – не знаю. Надёжностью, стабильностью и чувством защищённости жизнь по-прежнему не балует. Маленькой театральной труппе «КомедиантЪ», художественным руководителем которой имею честь быть, всё труднее в современном мире.*

Главное богатство – друзья! Основные накопления – стихи, проза, пьесы, спектакли. Внутренняя доминанта – стремление к новому. Начала вот учить иврит... А вдруг чтение и письмо в направлении, обратном привычному, разбудит в подсознании новый вектор?

Предательница

Фонарь светил сквозь штору, замещая затерявшуюся в тучах романтическую луну. Да и к лучшему, не до романтики сейчас. Заснуть бы и не думать ни о чём! А как не думать, когда думается и думается? Завтра ей надо заполнить анкету, в которой есть один очень сложный пункт. Всего один, по остальным всё понятно и ясно, а вот по этому одному... Ох уж этот пункт! Вообще-то, она уже знает, что нужно написать, чтобы избежать проблем; и родители её одобрили, да что там одобрили, сами подсказали. Так что ж волноваться? Почему снова и снова всплывают в памяти кадры далёкого, почти уже забытого прошлого?

Дачный двор, заросший бурьяном, с еле заметными грядками лука и редиски, в дальнем углу двора папа над мангалом и запах шашлыка, пока едва угадывающийся, но уже такой вкусный. Сколько же ей... четыре, пять, шесть лет? Но точно до школы: она ещё с косичками и без чёлки. Запах шашлыка, бантики в косах — это помнится ярко, словно только что было, а даты, цифры... Валерка прыгает на струганой палке, как на коне, залиvisto смеётся. Таня и Серёжка крутятся у мангала, возле её, Машиного, отца. Они там, потому что обиделись на Валерку, он не дал им покататься на своём коне. А она, Маша, не обижается, ей нравится смотреть, как он скачет, ей вообще нравится на него смотреть — на Валерку, ей и имя его произносить нравится, ей всё здесь нравится, она полна беспричинной детской радостью жизни плюс ещё что-то новое, неведомое, превращающее весь мир в одно большое солнце. Может, первая любовь? В пять лет? А почему нет?

— Ого-го! — кричит Валерка и подпрыгивает на своём лихом коне.

– Ого-го! – кричит Маша и хлопает в ладоши, как аплодируют артистам в цирке.

– Эге-гей! – кричит им от мангала отец, намекая, что скоро это счастье станет ещё полнее. И вдруг...

Вдруг Валерка останавливается и, щуря серо-голубые лукавые глаза, выпаливает:

– А я знаю, что ты жидовка, вот!

– Что? – Маша искренне не понимает.

– Ты – жидовка, мне тётя Зина вчера объяснила, ты – жидовка, потому что у тебя мама – жидовка. И мне с тобой играть нельзя, и зря мои родители вас в гости зовут.

– А что такое «жидовка»? – тихо спрашивает Маша, уже чувствуя подвох и опасность, но ещё не понимая, в чём они.

– Ну, жида – это такие плохие люди, – со знанием дела начинает объяснять Валерка, – которые убили и царя, и Бога, а потом всех перехитрили и всегда живут лучше всех, хотя их били-били, но не добились. Вот.

– А как это они Бога убили, разве его можно убить? Его же либо вообще нет, либо он на небесах. – Про Бога Маше рассказывали многочисленные бабушки-соседки, но так по-разному, что Маша усвоила только две крайние версии.

– Ну про Бога точно не знаю. Тётя Зина говорила, что жида по всей земле расплодился и самыми умными себя считают, и если с ними общаться, они тебя обязательно обдурят, поэтому их все не любят.

Маша искала, что ответить, но не находила, и почувствовала, как предательски начинают подрагивать губы.

– Да ладно, не бойсь, я никому не скажу, что ты жидовка, – великодушно согласился Валерка.

– Я не жидовка, не жидовка, не жидовка! – закричала вдруг Маша, поняв только одно: если эти жида – плохие люди, то ни она, ни её мама никак не могут быть жидами, они ведь хорошие, то есть она, Маша, может, и не очень, а мама точно хорошая.

– А вот и жидовка! – упрямо стоял на своём Валерка.

– Нет! – насупилась и даже топнула ножкой Маша. – Ты врёшь.

– Я не вру! – обиделся Валерка и, выставив вперёд свою палку-коня, задиристо закричал: – Жидовка! Жидовка! Жидовка!

Он дразнился, куражась, получая наслаждение от своего крика, не вникая в смысл ругательства, так дразнятся «ябеда», «обжора» или просто «Машка-промокашка», дурачась и радуясь новой игре. Но в голове у Маши засело: плохие люди, убили Бога, ты и мама... И Валеркин задор обжигал, как удары плетью.

Маша бросилась в дом, где её мать и мама Валерки, Тани и Серёжи резали салаты и накрывали на стол.

– Мама, ведь ты не жидовка, ведь нет? Мама, скажи, что это неправда, мы ведь не жидаы, ведь Валерка соврал, да?

– Ничего я не соврал, я вообще не вру! – Валерка вбежал следом. – И тётя Соня, и Машка – жидовки, только папа у них не жид, и мы поэтому с ними дружим, из-за папы ихнего.

Маша была уверена, что мама сейчас рассмеётся, и успокоит её, и пожурит Валерку: ну конечно, он пошутил, какие же мы жидаы, мы нормальные хорошие люди. Но мама почему-то растерялась, даже нож выронила, правда, тут же его подняла, положила на доску, вытерла руки. И тётя Женя, Валеркина мама, тоже как-то смутилась, и обе они переглянулись, будто дети ненароком разгадали какую-то страшную тайну и теперь уже ничего не исправишь.

– Видишь ли, Валера, – начала как-то официально тётя Женя, – это, конечно не враньё, но и не совсем правда.

Запутав ситуацию таким объяснением, она смутилась ещё больше.

– Как это? Значит, тётя Зина врёт? – теперь Валерка обиделся за тётю Зину.

– Нет, тётя Зина не врёт...

– Но тогда они – жидаы!

По Валеркиной логике, да и по Машиной тоже, либо правда, либо враньё – третьего не дано.

– Я – еврейка, – тихо сказала мама, будто признавалась в тяжком преступлении, – но ничего плохого в этом нет...

Дальше Маша почти не слышала, мир перевернулся. Теперь она никогда не сможет быть хорошей девочкой, потому что... потому... почему? Не очень понятно, но это как приговор...

– А говорить о евреях «жиды», Валера, это... неправильно. Это понятие касается не национальности, а вероисповедания. – Тут мама заговорила в стиле, который папа иронично называл «на кафедре», а саму маму при этом «наш профессор». – Понимаешь, Валера, жидом в глазах христианина может оказаться человек любой национальности, который принял иудаизм, а значит, отвернулся от Христа, а иудеи, евреи, – потомки Иуды, этимология слова «жид» –отсюда, каждый европейский язык имеет для иудеев свое название. В немецком – «юде», в английском – «джю», французском – «жюйф», а в польском – «жид».

– Соня, он же ребёнок... повторяет с чужих слов, – вступилась на защиту Валерки тётя Женя.

– Мама, давай уедем отсюда, пожалуйста! И больше никогда сюда не вернёмся...

Маша не понимала, почему так важно порвать с этим местом, с этими людьми, с этим днём, в котором она узнала страшную тайну. Она не такая как все, она другой породы, которую не любят и которая в чём-то виновата. Как дальше жить с этим открытием?

В тот день её всё-таки не увезли, а накормили шашлыком с кетчупом и душистым домашним

квасом. И родители ещё играли в карты, а Таня и Серёжка пытались её развеселить. Валерке строго-настрого было запрещено упоминать тему евреев, и он, насупившись, сидел в другой комнате и смотрел телевизор, хотя там не было мультиков, а показывали взрослые скучные передачи.

Потом дома мама несколько раз пыталась объяснить Маше, что евреи не хуже других и ничего плохого, а тем более позорного в том, что ты еврей, нет. И есть мнение, что, наоборот, этим надо гордиться. Отношение же к евреям можно объяснить с исторической точки зрения, и мама объясняла в своём «профессорском» стиле, сыпля цитатами, датами, именами, терминами, объясняла с таким жаром, будто не ребёнку, а самой себе доказывала правоту своей позиции. А потом как-то особо горько вздохнула и призналась:

– Меня из-за этого проклятого пятого пункта в институт не взяли, в исторический, а я так мечтала... А педагог попался такой хороший на последнем экзамене, а все предыдущие я на пять сдала, он ласково так на меня посмотрел и сказал: «Как бы я хотел, девушка, чтобы вы у нас учились. И предмет вы сдали на отлично, но... угораздило вас родиться еврейкой... Не сердитесь, но я вам тройку поставлю, иначе у вас балл будет проходной, а нам нельзя, мы же вуз идеологический, а вы идите в строительный, там вас возьмут».

После этого Маша с мамой на тему национальности не говорили довольно долго. Только однажды, перебирая документы, мама вдруг бросила на Машу быстрый взгляд и усмехнулась: «Мать у тебя еврейка, отец украинец, так что в паспорте русская напишешь». Логику столь абсурдного высказывания Маша не поняла, но решила – потому что мала ещё, а вот Валерку надо будет забыть, и это расстраивало больше, чем вопрос будущего далёкого паспорта.

И Маша почти успокоилась, убедив себя, что жить можно и еврейкой, если не кричать об этом на каждом углу.

Но это было ещё не всё.

К Валерке она ездила – то есть теперь уже не ездила – на дачу, а здесь, дома у неё был другой приятель, соседский мальчик Абраша, он учился играть на скрипке, и ему нужны были слушатели. Скрипку Абраша не любил, но очень любил свою маму, которая очень любила музыку. Абрашина мама звала Машу послушать игру своего вундеркинда и похвалить, потом за это поила чаем и кормила конфетами. После недавних событий на даче, внимая скрипичным мытарствам Абраши, Маша очень захотела поговорить с ним о вопросе евреев, интуиция подсказывала, что юный скрипач может оказаться на её стороне. А если вдруг нет? Если он вообще не в курсе или, как и Валерка, считает, что евреи – плохие люди, и начнёт дразниться? Найти кого-то, кто хорошо относится к евреям, было очень соблазнительно. Но рисковать не хотелось. И Маша молчала.

Но вот однажды, после прослушивания очередного экзерсиса, демонстрации восхищения и вкушения конфет, дети остались одни за столом, и Абрашу потянуло на откровенность.

– Тебе ведь не нравится, как я играю? Я ведь вижу, как ты мучаешься, когда слушаешь. Зачем ты хвалишь? Из-за конфет?

– Нет. – Маша чуть не подавилась от неожиданного вопроса и точной Абрашиной догадки.

– А почему тогда?

– Я... ну... я маму твою не хочу расстраивать.

– Да? Это хорошо. Это правильно. – Абраша покачал кудрявой головой и, потеплев большими грустными глазами, сказал: – Ты вообще хорошая...

У Маши от радости сердце запрыгало солнечным зайчиком и полуподвальная комната, где жила Аб-

рашина семья, показалась светлой праздничной гостининой.

– Ты очень хорошая, – продолжил Абраша, – жаль только, что хохлушка.

– Кто? – не поняла Маша.

– Ну, ты не совсем наша, понимаешь. У тебя папа хохол, значит и ты – хохлушка. Поэтому и музыку ты не понимаешь. Хохлы – они не плохие в целом, но ограниченные, не слишком умные и в искусстве не разбираются.

– А я точно хохлушка?

Мысли Маши путались в смятении. Валерка, говоря, что она жидовка, явно ругался, дразнился; чувствовалась обида, и хотелось защищаться. Валерка выносил приговор. А Абраша говорил так участливо, как врач, ставящий диагноз больному. «Хохлушка» в отличие от «жидовки» звучит мягче, но навязчиво рифмуется с «несушка», «дурнушка», «стружка»... Опять с ней что-то не так?

– Если бы у тебя папа был не хохол, я бы на тебе женился, когда вырасту. А так не могу, извини.

Вообще-то ей совсем не хотелось, чтобы Абраша на ней женился, но тут вдруг стало нестерпимо грустно и на глазах зачем-то появились слёзы.

– Ой, я не хотел тебя расстроить... – всполошился Абраша, – я просто хотел, чтобы между нами всё было честно. Кстати, мама говорит, что самое важное, кто у невесты мама, а кто папа, не так важно, так что, может быть, я и смогу...

– Нет, спасибо... не надо, – прошептала Маша, вставая из-за стола. – Я вообще никогда не выйду замуж. Я это твёрдо решила. А слушать, как ты играешь, буду; даже пусть я хохлушка и не могу понимать музыку, но я могу... я могу... – Она так и не смогла придумать, что она может, и вообще, зачем ей приходится слушать музыку. Впрочем, это понятно, из-за конфет, но как в этом признаться, особенно теперь, когда она узнала, что она, кроме того что жидовка-

еврейка, ещё и хохлушка-недоумок. – Спасибо за чай. До свидания.

И она побежала домой, благо бежать было совсем рядом – через коридор.

Дома она попыталась сосредоточиться. Совсем недавно она была просто девочка, любимая папой и мамой; девочка, которой нравились и задиристый Валерка, и задумчивый Абраша. А теперь оказывается, что папа и мама не просто папа и мама, а хохол и еврейка, при этом Валерка не хочет дружить с евреями, потому что они плохие, а Абраша – с хохлами, потому что они не умные. Да что такое вообще эти хохлы и евреи, почему нельзя быть просто людьми? Спрашивать папу об этом бесполезно. У него, про что ни спросишь, один ответ: «Ты ещё маленькая, вырастешь – поймёшь»... И смеётся, хватая в охалку, чмокает в щёки. Оно, конечно, приятно, но вопроса не проясняет. А мама обязательно начнёт говорить в своём «профессорском» стиле так, что запугает ещё больше. Нет, тут надо как-то самой разобраться. Но как?

За этими тяжёлыми мыслями Маша начала дремать. Мама перенесла её в кроватку, и, может, Маша бы и заснула, если бы не луна. Или фонарь? Что тогда светило в окно? Из-за шторы непонятно – матовое бело-жёлтое пятно на полупрозрачной ткани. Глядя на него, Маша будто понеслась вглубь молочной воронки, и вот уже сон, такой яркий, будто все дневные события снились, а вот сейчас она, наконец, проснулась. И в сне этом Валерка на деревянном коне, а за спиной у него танцевальный ансамбль «Берёзка» в национальных костюмах – Маша такие по телевизору видела. А напротив этой армии Абраша со скрипкой, и у него за спиной целый симфонический оркестр, и у всех музыкантов глаза большие и грустные, и у всех инструментов тоже глаза, и тоже грустные. А между двумя армиями она, Маша. И ей

нужно куда-то идти, а она не знает куда. Хочет к Валерке, ансамбль начинает стучать каблуками, как пулемёт в кино про войну, и Маше страшно, и она идёт к Абраше, тут оркестр вступает такой какофонией, что становится больно ушам. Маша идёт между двумя строями, становясь всё меньше и меньше, и всё, что ей хочется, это стать совсем маленькой, для других невидимой.

– Машенька! Маша! Что с тобой? Доча... – обеспокоенные лица папы и мамы склонились над кроваткой: она, оказывается, кричала во сне.

Сколько лет прошло с тех пор? Десять? Двенадцать? Многое она поняла. Но ещё больше осталось странным. Она почти поняла логику жизни в Советском Союзе: если мама еврейка, а папа украинец, дочери лучше быть русской. Хотя украинец вполне себе полноправный член, как молдаван или киргиз, а еврей – это всё-таки немножко прокажённый, но только русский в СССР – это тот самый «просто человек», к которому не будет лишних вопросов, это самый удобный вариант пятого пункта.

И вот завтра, заполняя анкету на получение паспорта, ей надо окончательно определиться с этим пунктом. По закону ребёнок может выбрать национальность одного из родителей по записи в свидетельстве о рождении. А в этом свидетельстве отец у неё записан русским, что-то там недосмотрели, перепутали при выдаче документа, и у неё полухохлушки-полужидовки появился прекрасный шанс – в одночасье стать русской, покончив навсегда с детскими страхами, можно сказать, счастливый билет в лотерею. Так почему же она никак не может заснуть? Что её мучает? Откуда это странное ощущение... предательства? Кого или что она предаёт? Две национальности всё равно не напишешь, значит, так или иначе, кого-то одного придётся выбрать, значит,

второго предать? При таком раскладе уж лучше никого, то есть обоих... Или не лучше?

С Валеркой они тогда помирились, он даже прощения просил: оказывается, тётя Зина хотела замуж за Машиного папу, а он женился на еврейке, вот она на всех евреев и злилась. С Валеркой поссорились позже, кажется, из-за песен Высоцкого.

Абраша учится в Гнесинке, и невесту ему ищут среди чистокровных, но нашли или нет, Маша не знает – из коммуналки они разъехались в разные спальные районы. Новая Машина подруга Лена Рабинович всегда с вызовом произносит свою фамилию, почти по-французски грассируя начальную «р», но у неё выбора нет, она-то чистокровная. Может, познакомить, её с Абрашей?.. Мысли скачут, фонарь – заместитель луны, бьёт в окно, как лобовой прожектор ночного скорого поезда. За окнами ещё никакого намёка на рассвет, но по времени скоро утро, ещё чуть-чуть – и на правах будильника радио заиграет гимн, потом начнутся новости разные-всякие. И про наши закрома в полях Украины, и про израильскую военщину...

На Украине Маша ни разу не была, хоть там и живёт куча родственников, и они с папой туда который год собираются. В Израиле она оказаться вообще не может, это же как в Америку или на Луну – нереально. Родилась Маша в Москве, говорит, пишет, думает по-русски... Так кого она предаст, написав в анкете пятым пунктом «русская»? Да никого она не предаст! Всё, хватит, спать... И зачем эта бессонная ночь?.. Дурные жестокие мальчишки, зачем являетесь из прошлого, ворошите детские обиды?

Ничего она не предаёт. Или всё-таки предаёт? Себя внутри себя...

Письма в будущее, или Немного о кошках *(почти мемуары)*

Однажды, когда мне было лет 8, я подумала, а не написать ли мне... роман. А почему нет? Решила – сделала. Чего откладывать? В то время мы жили на даче в Подмоскowie, я только что прочитала «Трёх мушкетёров», и мне показалось, что писать романы ужасно легко. Придумала нескольких героев, поселила их на своей даче и в обычной тетрадке в клеточку, точно такой же, какие и сейчас есть у каждого школьника, начала писать (разумеется, с грамматическими ошибками). Я писала, как герои ходят по моей даче, как они пьют чай, играют в куклы и... признаются друг другу в любви, куда же без любви – роман ведь. Потом я вырезала из разных журналов красивых тётенок и дяденок и вклеила в свою заветную тетрадку. Готово. Даже с иллюстрациями.

И я понесла свой роман маме, хвастаться. Мама почитала, исправила ошибки, потом серьёзно сказала: «Ты всё же определись, для кого ты пишешь – для взрослых или для детей». Поощрённая её серьёзностью, я понесла свой шедевр папе.

Папа долго смеялся. Я очень обиделась. Очень. И сразу передумала быть писателем. «Буду стюардессой!» – решила я. Над стюардессами никто не смеётся! Вот.

Прошёл год. Я вернулась домой из пионерлагеря, где у меня появилось много друзей и было ужасно весело, а дома оказалось так скучно, что я просто не знала, куда себя деть от тоски. И от одиночества и отчаяния я снова взяла ручку и тетрадь в клеточку и начала писать... Только уже не про каких-то выдуманных героев, а про себя: про то, как я была в лагере, как там было весело, какие там были девчонки-мальчишки, какие вожатые. То

есть я начала... вести дневник. И вела его целых двадцать лет!

Время от времени в этом дневнике я себе писала... письма в будущее.

Вот, например, мне 11 лет, в дневнике запись: «Письмо в 2000 год» (обведено красным и подчёркнуто).

Тогда 2000 год – это казалось так далеко, что просто никогда не наступит; далёкое невероятное, невозможное будущее. Ну а вдруг наступит...

И я написала себе так: «Здравствуй, взрослая Я! Мама наотрез отказалась взять котёнка. Это настоящее горе! Когда я вырасту и смогу сама решать такие вопросы, у меня дома будет много собак и кошек! Напиши мне, пожалуйста, как их зовут и какие они. До свидания в будущем!»

А потом я оставляла полстранички свободного листа, чтобы в 2000 году из будущего самой себе на это письмо ответить.

Конечно, в 2000 году я не вспомнила про эту тетрадку и про детские письма из прошлого. «До того ль, голубчик, было...» Но позже, разбирая шкаф, пытаясь выбросить лишние бумаги (к чему вообще бумаги, когда всё на дисках), я на эту удивительную тетрадку наткнулась и, полистав пожелтевшие страницы, нашла письма из прошлого... Я чуть не расплакалась, это было так трогательно – получить письмо из прошлого века. Я выбрала одно – то самое, про котёнка, и очень серьёзно ответила. Сама себе. На той половинке листа, которую специально для ответа оставила. И я написала правду. Может быть, горькую для той девочки, но правду.

Я написала так: «У меня нет ни одной собаки и ни одной кошки, есть только хомяк. Я очень много работаю, и мне просто некогда ухаживать за домашними животными, а мои дети, которые просят и собаку, и кошку, забывают кормить даже хомяка. К тому же у нас такая крохотная квартира, что и для клетки с

хомяком с трудом находится место. Так получилось... Извини... Но зато в моих сказках и стихах часто встречаются собаки, кошки и другие животные, даже такие, каких в природе не бывает».

Прошло ещё какое-то время. И про тетрадку я опять благополучно забыла, спрятав её подальше, чтобы не потерять. И чтобы потом не найти – явный синдром белочки-склеротички. И вот при очередном генеральном погроме, всё же умышленно названном генеральной уборкой, вестница прошлого вновь попала мне на глаза. И – о ужас! Или – о счастье! На письмо о кошках я теперь могу ответить себе – той, из первого письма, совсем по-другому. Будущее, в которое я давным-давно писала, отнюдь не застывшая точка, оно тоже движется и меняется. И я ответила уже сразу двум своим «я» – ребёнку и взрослой с детьми и хомяком.

Теперь я написала так: «Собаки у меня пока всё ещё нет, но кошки уже две! Правда, дети забывают их кормить, также как раньше хомяка, но сами эти так называемые дети в силу своего совершеннолетия уже дают мне право забыть покормить их самих, если они не покормили кошек. Зовут моих хвостатых любимцев Гарик и Люша. Про них я собираюсь писать отдельную повесть, поэтому все подробности их появления в доме, их особенности и приключения, с ними связанные, ты прочитаешь там. Я опубликую повесть в интернете и пришлю тебе ссылку... Впрочем, в твоём времени ещё нет ни компьютеров, ни интернета, ну ладно, придумаю, как переслать. Главное, что я теперь мечтаю о большой квартире, а лучше доме, чтобы можно было приютить ещё пару-тройку бездомных котят...»

Думаю, это письмо порадует меня, одиннадцатилетнюю, гораздо больше, чем предыдущее! Интересно, а что будет дальше? Вот найду эту тетрадочку ещё лет через десять...

Возвращаясь же к своему первому роману, должна признать, что в одном мама оказалась права: я так до конца и не смогла определиться, для кого же я пишу, для взрослых или для детей. Мои детские сказки получаются для взрослых, а взрослые рассказы интереснее читать детям. Вот и повесть о кошках... Что это будет? Разговор с детьми, которые слишком рано повзрослели? Или со взрослыми, которые не могут и не хотят прощаться с детством?

Марі Арда

«Откуда мы родом» – тема очень широкая и понять её можно по-разному. Это и дом, в котором мы выросли, и город, и страна. С другой стороны, самую главную роль в формировании человека, а значит, и его судьбы, и его творческого пути, играет семья, близкие и родные люди. «Все мы родом из детства» – известная фраза, по сути, включающая перечисленные выше понятия: места, людей, семью, которые окружали нас в самый ранний и светлый период нашей жизни.

Возможно, мы родом из куда более далёкого прошлого? Из некоего племени, чьи глубинные традиции, закодированные в наших генах, так или иначе влияют на нашу жизнь.

Возможно, жизнь зародилась не на Земле, а где-то очень далеко, за сотни тысяч световых лет? И мы родом из неизученной нами Вселенной?

А может, мы, как Алиса в стране чудес, родом из собственных фантазий и чужих иллюзий? Раскрываемся каждый день с новой стороны и никогда не повторяемся?

На эти и многие другие вопросы каждый ищет ответы для себя сам.

И я тоже ищу.

По профессии врач-кардиолог, пишу короткие рассказы и эссе о пациентах и коллегах, о семье и просто о жизни. В течение последних нескольких лет регулярно помещаю свои тексты на портале proza.ru, а также на личных страницах в социальных сетях. Один из рассказов был впервые опубликован в альманахе «Дебют 2017 года» в рамках Национальной литературной премии «Писатель года».

Банановая история

Было мне лет семь, когда папа на своих «жигулях» потащил меня в какую-то Тмутаракань. Оказалось – на задворки глухого советского магазина, где по блату ему продали целый ящик бананов, за которые в те далёкие времена я была готова и душу чёрту продать, и потроха свои сдать на любые научные и антинаучные цели.

Столько бананов я в жизни не видывала. Глаза мои лопались от удивления, сердце – от счастья. Но они оказались недозревшими. Как-то родителям удалось меня уговорить немного подождать. Отчего интерес подогрелся ещё больше.

Когда через пару дней стало совсем невмоготу, папа торжественно открыл ящик и провозгласил: «На, ребёнок, ешь сколько влезет!» На мой вопросительно-сомневающийся взгляд утвердительно повторил: «Сколько влезет», подтвердив свой ответ кивком головы.

Мама, всхлипывая, бегала кругами подле меня. Это сначала. Потом траектория её расширилась, и она, схватившись за голову и причитая: «Ты убьёшь ребёнка! Ты убьёшь ребёнка!», выбегала из кухни, в которой сидела я (а у меня между ног на полу стоял тот самый вскрытый ящик) и ела банан за бананом. Не останавливаясь и, естественно, не моя (не мою их до сих пор). Она выбегала и бежала куда-то в комнату, где жаловалась абсолютно флегматичной сестре, вечно читающей книги и не реагирующей ни на что живое, что её собственный отец – вот прямо сейчас там, на кухне, убивает её кровную сестру. Но, не получив ответа и вообще какой-либо реакции, прибежала из комнаты обратно к нам, то ли в надежде, что банановая экзекуция закончена по обоюдному, то ли подозревая, что младшая дочь уже изошла банано-

вым содержимым и отдала Богу свою вконец пробананенную душу.

Тем временем я сидела и ела свои законные бананы, так что трещало за ушами, а желудок (вслед за глазами и сердцем) тоже лопался, но уже от жадности. Не знаю, сколько я тогда бананов съела, но вот помню точно, что под конец этой акции беспощадного бананоистребления глаза от удивления лопались уже не у меня, а у папы.

Живот потом болел. Но недолго. Бананы после всего этого я не ела года три. Может, пять.

Жалею только об одном: что в то время у нас ещё не было видеокамеры, чтобы заснять как сам процесс, так и всех его участников. Включая флегматичную сестру.

Про эвакуацию

Когда началась война, единственный мужчина в семье по отцовской линии – мой дед, ушёл на фронт. Он был врачом, фтизиатром. Второму мужчине в лице моего отца было чуть больше года. Остальные – женщины. Всю эту честную компанию старых да малых эвакуировали в Ташкент. Там, под тёплыми лучами узбекского солнца и при помощи добрых сердец и заботливых рук узбеков, они и выжили. Было всякое. Но они выжили.

Дедушка прошёл всю войну и умер вскоре после неё, оставив сиротой папу и так и не дожив до тех, хотя бы небольших, перемен, о которых мечтал, но даже не смел надеяться. Просуществовав большую часть жизни в невыносимых условиях. Впрочем, как и практически вся страна.

Спустя шестьдесят лет после Победы (совпало совершенно случайно), в 2005-м, папе подвернулась командировка в Узбекистан. И он, не колеблясь, ска-

зал мне: «Поехали!» А я, дура молодая и безмозглая, не разобравшись что к чему, отмахнулась, мол, да ну, у меня аспирантура, диссертация – некогда мне ехать. Как мудрый человек он отреагировал довольно спокойно и напомнил, что там прошло его раннее детство. Но главное – благодаря этому они выжили. Остатки того, что сгорело со стыда, конечно, поехали в Узбекистан.

Сначала мы были в Самарканде – городе, который по сей день считаю самым прекрасным и величественным из всех, когда-либо мною виденных.

Затем... Затем перебрались в Ташкент. И я увидела своего сдержанного, уравновешенного, непоколебимого отца в таком волнении, в котором не видела до тех пор никогда. Он, уже совсем немолодой и уставший от насыщенной поездки, водил меня в жару по городу в тщетных попытках найти ту улицу, где они жили. Найти по памяти четырёх- или пятилетнего мальчика.

Бродили мы, пока не начало смеркаться. Но так и не нашли. С этим камнем на сердце он и уехал, хотя был счастлив, что побывал в родном, в общем-то, городе. Правда, некоторое облегчение принесло то, что впоследствии мы вспомнили о землетрясении 1966 года, после которого Ташкент был сильно перестроен, и многого из того, что было в нём в военные годы, просто не осталось.

С той нашей поездки прошло уже больше десяти лет, но я вряд ли когда-нибудь смогу забыть папины горящие глаза, его взволнованное лицо.

Поэтому, и не только поэтому, когда гражданам различных бывших республик бывшего СССР, приезжающим в Москву, указывают... обратно, я не могу молчать, меня разрывает чувство несправедливости и колоссального, нестерпимого стыда.

Назад, в Союз!

Маленький университетский городок бывшей Восточной Германии. О четвертьвековой давности истории напоминает многое. В первую очередь характерные здания. Запахи Союза уже выветрились, а вот здания, как соты, остались. Стоят. Укрепляют уверенность в том, что нам туда, «назад, в будущее», не надо.

Милая немецкая девушка, держа в руках визитку с названием и адресом отеля, подробнейшим образом на чистейшем немецком языке (*hochdeutsch*) объясняет приехавшему таксисту, куда везти иностранных гостей. Последние на этом самом *hochdeutsch* – ни бельмеса.

Водитель – здоровый детина лет сорока, не более, отвечает коряво, несколько раз переспрашивает, но в итоге кивает: наконец-то понял.

В салоне туристы начинают переговариваться, а таксист, прислушавшись, провозглашает: «И зачем я только язык полчаса ломал?! Если вы по-русски говорите». Становится понятно, почему в то мгновение, когда он приземлился на переднее сидение, по всему семиместному минивэну смерчем разнёсся неискоренимый русский дух.

По дороге описанный выше персонаж успел рассказать пассажирам, что вот уже девятнадцать лет живёт на Неметчине. Но нынче этот человек «самых честных правил» собрался из страны, кормившей и поившей его долгих девятнадцать лет, прочь. По причине свалившихся на его несчастную коренную немецкую голову беженцев. Бескомпромиссно сообщив: «Арабский я учить не собираюсь!» (по-видимому, как и немецкий), товарищ сей, с пылающими от гордости щеками, резюмировал: «Через два месяца ноги моей здесь не будет!» На участливый вопрос: «Куда же вы, голубчик, направитесь?» резонно ответил: «Как куда?»

Назад, в Союз!» Исчерпав тем самым терпение девушки, во взгляде которой явно читался вопрос: «Вот прямо-таки в Союз? На машине времени?» Но она так и не задала его. Из скромности, по всей видимости.

Тем временем истинный патриот своей первой – но не последней – Родины резко затормозил у покореженного незнакомого здания и рывкнул: «Вам сюда!» Пассажиры нервно заморгали и жалобно заблеяли, что, дескать, это вовсе не их отель, а какая-то совершенно чужеродная им... дыра. Водила почти что взбесился и стал с пеной у рта доказывать, что это именно их отель, и ничей больше.

Через пять минут препирательств выяснилось, что во всем виновата та несчастная девушка, что на безупречном немецком тщательно озвучивала ему несколько раз абсолютно правильный адрес.

Развернув свой «кабриолет», бывший (и будущий) житель Волгограда, сверкая металлическими зубами, подчеркнутыми чёрными зияющими дырами, рванул на противоположный конец города, пообещав за второй перегон денег не брать.

А приедем подумалось: «И действительно, что за жизнь теперь в Европе? Жди, Россия-матушка, своих верных сыновей назад. Сами-то они никогда эмигрантами не были, так не им ли бежать от арабской напасти и басурманского ига, наступившего в чужой, при первой же проверке, стране?»

Самым остроумным и метким во всей этой истории был комментарий второго пассажира, когда долгожданное расставание с волгоградцем пивного немецкого разлива наконец произошло.

Но как приличный человек я его передавать не стану.

Её бабушки – её богатство

К. В. Ш.

Накинув только что распакованный медицинский халат, она повернулась, чтобы выйти из кабинета, и замерла. Над столом напротив, где сидел молодой коллега, взгромоздилось с два десятка икон. Это, конечно, происходило не сразу – постепенно, но вот сегодня, невзирая на спешку, она наконец заметила разношёрстную мозаику, больше похожую на конгломерат из осколков чего-то.

Несмотря на необходимость поторопиться, она почувствовала невольную слабость, которая вынудила её вернуться на рабочее место и присесть. Уставившись в погасший экран компьютера, отражавший угол окна и часть того самого иконного разноголосия, она попыталась остановить поток воспоминааний. Но он захлестнул её.

Вот крошечная однокомнатная квартирка конца шестидесятых. Здесь всегда стоит запах блинов, недопитого чая и плетёных корзин. Здесь нет ничего, что напоминало бы о роскоши или хотя бы о достатке, но это лучшее место на свете, куда может прийти маленькая девочка, чтобы почувствовать себя по-настоящему счастливой, по-настоящему дома. Хотя здесь и не живёт.

Её большая (или так кажется, потому что сама она ещё очень мала?), добрая бабушка когда-то привела её сюда и, нежно глядя по голове, сказала: «Знакомься, это тётя Рая и тётя Клава – мои самые близкие люди. Они вырастили твоих маму с дядей и будут очень любить тебя». Как все дети, она смутилась, еле выдавила из себя «здравствуйте» и пошла изучать мух, суетившихся на подоконнике.

Темнело. Наступала осень. Ей хотелось обратно в лето. Там были река, уточки и бабушкин негромкий смех. Но бабушки больше не было.

Здесь её действительно любят, здесь её действительно ждут и относятся как к единственной внучке. Обе сестры так и не смогли обзавестись семьями и когда-то съехались в эту квартиру из своих коммунальных комнаток, разбросанных по разным концам Москвы, радуясь уже одному тому, что у них есть собственная ванная.

Вместе с её бабушкой, еврейкой, две эти милые русские женщины во времена оттепели тайком праздновали Пасху, вместе молились, вместе зажигали свечи. Пасха у них была не такая как нынче – пышная, с куличами да разукрашенными яйцами, – а очень скромная, тихая, светлая. Ни разу не обмолвившись об этом, они знали, что надёжнее и преданнее бабушки никого нет. Просто сидели и пили вместе чай: за неспешными разговорами протекали дни и годы. А бабушка полюбила православные праздники и знала их не хуже своих подруг.

Однажды Рая слегла. И Клаве казалось, что уже не вытащить ей сестру из цепких лап болезни. И казалось ей, что единственный выход – принести в дом икону. Долго не решалась она, но всё же, несмотря на все сложности и страхи, надумала её раздобыть. Через десятые руки нашла Клава священника, встретила с ним, выкупила у него иконку и украдкой принесла домой. Поставила в незаметный угол, но так, чтобы Рая могла видеть.

Позже тётя Клава смущенно рассказывала любимой «внученьке», что не смеет больше из ванной полуголой выходить, берёт всю одежду с собой и одевается там полностью. Ведь на неё нынче смотрит сам Николай Чудотворец.

Вера их, искренняя и глубокая, в тогда ещё юном её сердце отзывалась радостным ручейком любви и надежды. И не было никаких границ между русскими и евреями, их горестями и радостями, их праздниками и трауром. Между сёстрами и её бабушкой.

Тёти Раи и тёти Клавы давно нет в живых. Они похоронены на еврейской половине Востряковского кладбища в одной могиле с её бабушкой, дедушкой и папой. Она твёрдо знает о своём происхождении, уважает традиции своего народа, но православная Пасха по-прежнему остаётся её самым любимым праздником. Та, что без внушительных куличей и разноцветных яиц.

Она счастливо замужем за русским. И выходит так, что их маленький сынишка – пресловутая «половинка». Может, это случайность, а может, так и должно было быть. При таких-то прабабках.

Очнувшись от воспоминаний, она мельком взглянула на сгорбившуюся спину молодого человека, устроившего иконостас над своим столом, и, покинув кабинет, стала торопливо подниматься по лестнице.

Её давно ждал шеф.

Один урок, или Как хоронили Сталина

Памяти Л. Л. Г.

Я заканчивала 10-й класс, когда родители наконец осознали масштаб катастрофы. Через год поступление в один из серьёзнейших ВУЗов страны, а дочь стабильно получает за сочинения $5/3$ или $5/2$. Ни орфографии, ни пунктуации.

Зато однажды учительница попросила меня прочесть всему классу одно из моих «творений» – настолько оно ей понравилось – «Мой любимый поэт», речь в котором шла о жизни и творчестве Сергея Есенина. Впрочем, литературная часть моих сочинений погоды не делала. В ВУЗ бы меня не приняли, и это было очевидно.

Перебрали несколько репетиторов. Один был хуже другого, заниматься я отказывалась, родители впадали в отчаяние. Но как-то раз меня привели в большую старую квартиру, с высокими потолками, с невиданной мною доселе лепниной, с изумительной резной мебелью и тяжёлыми бархатными шторами, обрамлявшими гигантские окна. В этой удивительной квартире жила не менее удивительная женщина.

Небольшого роста изящная пожилая дама встретила нас холодным взглядом и строгим замечанием. Опоздали мы всего минут на десять, запутались в подъездах огромного и внешне не очень приветливого дома. Я уже было собралась разворачиваться и бежать прочь, но меня усадили за овальный обеденный стол и предложили немедля приступить к работе.

Потом я узнала, что такое работать без передышки, что такое, когда над душой стоит истинный цербер: воплощение железного характера и несгибаемой воли. Обожаемый цербер. При ней я боялась дышать. Перед ней не хотела упасть в грязь лицом. Ради неё (а не ради своего поступления) не спала ночами, чтобы написать очередное, как мне казалось, «лучшее в жизни» сочинение, лишь бы заслужить едва заметную улыбку и услышать однажды «сегодня ты меня удивила, девочка».

Нет, это был не стокгольмский синдром, это была огромная, настоящая дружба. Дружба с разницей лет в шестьдесят, а может, и больше. Дружба со взаимным уважением, пониманием и прощением. Дружба, о которой я до сих пор вспоминаю с неподдельным теплом и самыми светлыми чувствами.

Квартира этой сухонькой пожилой еврейки, блистательно знавшей не только всю русскую и зарубежную литературу, но также прекрасно разбиравшейся в балете, изобразительном искусстве, классической музыке, вся – до последней нитки в обивке мебели, до каждой пылинки на ней – пропахла ментоловыми

сигаретами. Своими длинными худыми пальцами она вынимала из нестандартной по тем временам пачки не менее длинные дамские сигареты. Одну за другой. Первые несколько занятий она из вежливости спрашивала: «Ты не против, если я закурю?». Но кто бы посмел возразить ей? И, не дожидаясь ответа, она вставляла в свой прокуренный рот очередную сигарету, элегантно движением поджигала её, оставляя другой рукой в пепельнице окурочек от предыдущей. Казалось, не будь сигарет в пределах видимости, это доставит ей значимый дискомфорт, посему пачка лежала на столе всегда открытой.

Что курить в моём присутствии непедагогично, она знала не хуже меня. Но это знание нам нисколько не мешало. Целый год я то ли задыхалась, то ли наслаждалась ментоловым дымом.

Был март. Отчётливо помню, как я шла по залитому солнцем переулку в сторону её дома, перепрыгивая через лужи и слушая робкое пение птиц. Она стояла на пороге квартиры, укутанная, как всегда, в свою шаль, с сигаретой во рту.

– Знаешь, какой сегодня день? – спросила она каким-то странным, непреклонным, что ли, тоном. Я покачала головой, а улыбка, только что игравшая весенним настроением, невольно сошла с моего лица.

Она позволила мне раздеться, молча проследовала в большую комнату и уселась за наш овальный стол. Я достала свои тетради и даже успела их раскрыть, но она прервала привычное движение моих рук, всё закрыла и тихо сказала: «Послушай».

Из её немногословных уст, уст женщины, говорившей всегда исключительно по делу, прожившей одинокую и очень непростую жизнь, слова полились

потоком. Сначала тихо, почти несмело, потом всё чётче, громче, переходя практически на крик. Сперва спросив, знаю ли я, кто такой Сталин, что он представлял собой, какую роль сыграл в судьбе советского народа и получив утвердительный ответ (помню, как глаза её расширились), она с облегчением вздохнула (по-видимому, не раз сталкивалась с детьми, не знавшими или не понимавшими, что это было за явление) и продолжила свой рассказ.

Тогда этот рассказ поразил меня до глубины души, пронзил насквозь. Воспитанная людьми, не понаслышке знавшими о злодеяниях как самого «отца всех народов», так и остальной верхушки советской власти, впервые тогда столкнулась с человеком, который до 5 марта 1953 года искренне верил всему, что слышал, видел и читал. Передо мной сидела умнейшая, образованнейшая женщина, оказавшаяся слепой жертвой советской пропаганды. Сидела и, закрыв лицо руками, исповедовалась в первый раз за долгие-долгие годы, а может, и за всю жизнь. Она рассказывала мне, пятнадцатилетней девочке, как верила чудовищу, что не знала, представить себе не могла, что сотворил он и вся власть Советов с неповинными людьми. Миллионами людей. Почему-то именно у меня, задыхаясь и захлёбываясь, она просила за своё неведение прощения. А потом, вновь и вновь, сбиваясь и вздрагивая, приступала к своему повествованию. Описывала, как шли они вместе с её тогда ещё живой и не такой уж пожилой мамой в многочасовой очереди, чтобы возложить цветы, что люди в этой очереди не просто плакали, а выли, выли навзрыд. Что им действительно казалось – мир рухнул. Что не было никакого представления о будущем, о том, как жить дальше. И ещё много, много всего.

А потом, спустя какое-то время, стали появляться статьи, ставившие под сомнение безгрешность «великого вождя». Статьи и люди. Как литератор и человек думающий, она стала повсюду, где только

можно было, черпать информацию. У неё, уже взрослого, сложившегося человека, ушли годы на то, чтобы по крупицам воссоздать истинную картину. А потом ещё больше времени, чтобы осознать, пережить, принять степень своего заблуждения.

В пепельнице не осталось места для окурков. Женщина еле поднялась из-за стола и поволокла её на кухню – опустошать.

А когда вернулась и застала меня в той же позе, в которой оставила несколькими минутами ранее, обречённо произнесла: «Если ты больше не захочешь ко мне ходить, я пойму». Но я заверила, что продолжу посещать занятия.

В тот день она взяла с меня обещание, что никому, в том числе и родителям, не расскажу о нашем разговоре. Пока она жива – никому.

Я сдержала обещание и рассказываю об этом впервые спустя двадцать лет, когда, к сожалению, уверена, что этой удивительной мужественной женщины уже нет в живых.

Забыть её, предать память о ней я не могу. Ведь именно она преподавала мне самый тяжёлый, возможно, беспощадный, но очень нужный и, вероятно, главный урок в моей жизни.

В мае того же года (мы досрочно сдавали экзамены) я поступила в вождеденный ВУЗ, получив за сочинение «пять».

Пари

Дорогим родителям посвящается

Когда-то очень давно, в моём детстве, родители – за неимением дачи – снимали крошечный деревянный, не отапливаемый ничем, кроме старенькой русской печки, домик в одном подмосковном посёлке, с удобствами и краном холодной воды на улице.

Именно в нём, в этом доме, прошли самые-самые-самые счастливые годы моей жизни и, возвращаясь туда спустя время, я испытывала такое невыносимо щемящее чувство, что делать это перестала. Особенно после того, как, приехав однажды, обнаружила высоченный забор, охрану и услышала: «Девушка, весь посёлок снесли и застроили заново элитными домами».

Я развернулась и уехала навсегда, оставив там своё сердце, своё детство, свою первую собаку, своих первых поклонников, своих родителей молодыми, здоровыми и прекрасными и всех нас какими-то просто невероятно счастливыми.

Но память штука хитрая и тонкая, ничего из неё не вычеркнешь, как и не вспомнишь того, чего вспомнить не можешь.

В первый же год на малюсеньком клочочке земли мама вскопала огород. Папа никогда в этих загородных развлечениях не участвовал. Он сразу честно сказал, что он – пас, и «если ты хочешь, занимайся этим сама».

Огород был вспахан и чем только не засеян. И зелень всякая разная, и картошка, и огурцы, и кабачки, и, конечно же, клубника. Ах да, ещё горошек. Куда же без горошка?

Ещё в углу огорода мама посадила черёмуху – её самое любимое дерево. Иногда она подходила, срывала краешек листочка, мяла в руках, протягивала

ладошку и спрашивала: «Чувствуешь, как пахнет?» Потом подносила к своему тонкому, просто-таки точёному носу и млела.

Весной черёмуха сказочно цвела, затем давала чёрные душистые вяжущие ягоды, к осени – медленно желтела, картинно нависая над забором золотистым импрессионистическим пятном.

На картошку, клубнику, зелень и горошек папа сразу махнул рукой, мол, эти сорняки и сами вырастут. Что же касается кабачков и огурцов, он сначала вообще не поверил, что мама решилась их сажать, а когда понял, что она не шутит, выдал дословно следующее. Что, мол, за каждый выращенный нами (мы помогали маме с прополкой и поливом) огурец он даёт три рубля, за каждый кабачок – пять. И вот не надо сейчас смеяться и вспоминать Жванецкого в исполнении Карцева!

Вы вообще помните, что было такое в советские времена (уточню, это был 1988 год) три и пять рублей? Зарплата опытного врача в хорошем месте была сто двадцать, и то если повезёт.

Мама ойкнула, мы сглотнули.

До сей поры участвовавшие в помощи по огороду неохотно, а если совсем по-честному, то из-под палки, мы с сестрой, просто из чувства азарта и желания выиграть пари, принялись всю помогать маме.

Через месяц или полтора (уже не помню, сколько огурцам с кабачками надо времени, чтобы вырасти и созреть) ранним утром мама, напевая тихонько что-то себе под нос, несла ведёрко огурцов в дом, дабы сделать малосольные по её собственному, уникальному рецепту. Ничего вкуснее в жизни я не ела.

Папа приехал с работы, как всегда, поздно и с радостью навалился на варёную, пышущую ароматным паром картошку с теми самыми огурцами. Чуть ли не облизываясь, он спросил, когда мы успели сгонять на станцию и купить такие чудесные огурцы.

Ответ не заставил себя ждать. Повисла пауза. После чего папа твёрдо заявил, что это бессовестный обман и никогда в жизни он нам не поверит, даже если мы все вместе будем убеждать его до третьего пришествия.

Третьего пришествия ждать не пришлось. Мы дружно взяли папу за руки и повели в огород.

Несмотря на сумерки, в приподнятых листьях зеленели наши малюсенькие друзья, поблёскивая вечерней росой и улыбаясь своими жёлтыми цветочками.

Тягостное молчание продлилось недолго. Папа, как человек умный и крайне прагматичный, быстро почуял, что пахнет жареным, и поинтересовался, как чувствуют себя кабачки. Кабачки чувствовали себя отлично, разве что не разговаривали.

Папа одновременно и ойкнул, и сглотнул.

Мама с победоносным видом стояла на крылечке, занавешенная только что постиранным в тазике бельём. Ей хватило ума и женской деликатности не озвучивать всех вытекающих.

Зато их не хватило нам. Мы тут же напомнили папе придуманные им самим правила, а также что сроки посадки «второй волны» кабачков и огурцов ещё не вышли.

Хоть к тому времени он уже был профессором и имел приличную по тем временам зарплату, львиная её доля уходила на оплату огурцов и кабачков. Каждое появление родителя на даче сопровождалось нашим радостным улюлюканьем и немедленным требованием выдать маме соответствующую сумму. Лето было тёплое. Воды и сил мы с сестрой не жалели.

Слава богу, у нас в семье был общий бюджет и деньги, перетекавшие под нашим строгим надзором из одного родительского кармана в другой, по-прежнему имели одно единственное предназначение: защищать и радовать нас, детей.

Больше папа ни в какие пари с мамой не ввязывался. Мы лопали огурцы прямо с огорода и до поздней осени наслаждались кабачковыми оладьями, которые мама готовила не хуже малосольных огурцов.

Той дачи давно нет ни в нашей жизни, ни вообще физически. Черёмуху в первый же год спилили новые съёмщики. Мы приезжали и через забор долго-долго смотрели на одинокий пенёк. Огород погребён под роскошным французским газоном.

Прошло много лет и с тех пор как нет мамы. Но если с чем-то, точнее с кем-то, и ассоциируется тот домик и тот светлый период нашей жизни, то именно с ней. Она была главным инициатором, вдохновителем и воплостителем всего того счастья. С ранней весны до глубокой осени она возила нас с сестрой туда, залихватски управляя старенькими «жигулями» и распевая по дороге столь любимые ею походные песни.

Пари папа так и не выиграл. Но по-прежнему это единственный человек на свете, кто в свои семьдесят семь способен приготовить малосольные огурцы и кабачковые оладьи по неповторимым маминым рецептам, и безоговорочно делает это каждое божье лето.

Ольга Грушевская

Готовясь к этому изданию, мы с Игорем Бурдоновым перекинулись письмами на тему сборника «Откуда мы родом?» и обнаружили схожесть в наших рассуждениях. Недолго думая я решила в авторской преамбуле просто изложить свои мысли из этой переписки.

«Долгое время я просто была одержима поиском своей “родины” и своего “храма”. Путешествуя по разным местам, ранним утром выходила на улицу и вдыхала воздух, принохивалась, как собака: учую, узнаю. И что вы думаете? Я так близка была к открытию! Почти определила территорию, “географический ареал”, а это уже что-то значило, но... уверенности на все сто у меня не было.

Бабушкин родственник Лёня Долгин* считал, что вообще надо искать в другом месте – на другой планете или даже в другой Вселенной. И я загрустила. Ведь если моя родина другая планета, а тем более Вселенная, то я уже никогда не найду того, что ищу. И моя одержимость, некогда такая ярая и всё сметающая, подогреваемая уверенностью в результате, вскоре переросла во что-то отстранённое – стала просто тихим монотонным звуком где-то внутри меня.

Теперь, когда я стала старше, мне уже неважно, с какой я планеты, и уж тем более – из какой Вселенной. Наверное, это от безысходности, ведь до родной планеты, а тем более до родной Вселенной мне не добраться, а жить как-то надо. Поэтому для меня стал важен другой вопрос, как жить здесь, где живу я, и жить по возможности безболезненно, без душевных переломов, своих и чужих, жить счастливо и делиться счастьем с другими. И как научиться не мерить окружающее мерками того непостижимо далёкого, а ведь всё равно ме-

*Юлиан Иосифович Долгин (1918–2002) – поэт, пифагореец, философ, вместе с Н. Глазковым был теоретиком нового литературного направления «небывализма».

ряешь, бессознательно – ещё бы! Если вы “оттуда”, то, согласитесь, и кровь у вас “та”. Я иду и сдаю кровь на анализ – кровь вроде бы “эта”... Получается, я – “та”, но с “этой” кровью. И я меряю, меряю окружающее “теми” мерками, а потом приходят кто-то из близкого окружения и начинаются мерки “эти”. И я понимаю, что этот кто-то просто не близкое окружение. Вернее, это он здесь – близкий, а там был бы чужой.

И это всё не просто... Хотя я и слезу за модой, питаюсь как все и уже давно ко всему привыкла».

Писатель, общественный деятель в области культуры и искусства. Публикации в России, Израиле, США, Австралии, Армении. Руководитель проекта «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Город

*Нигде не чувствуешь так своё
одиночество, как среди людей.*

Т. Ребрик

А вдруг?

Кто-то сказал: «Жить в большом городе – большая жертва».

Да бросьте, возразят те, кто сочтет за удачу оказаться в центре огромного мегаполиса. Для них слово «жертва» – наигранное. Для них город – шанс. Не задумываются: Бог не живёт в городе.

А город... сверкает неоновыми огнями – огнями надежды на успех, на благополучие, на волшебную любовь, на тот самый случай, который один на тысячу, о котором рассказывают фильмы в центральных кинотеатрах с DDS, о котором написаны тонны книг – весёлые картинки, пасьянсом разложенные на прилавках с печатной продукцией. А вдруг?

Жизнь – день

С какого часа город начинается? С утра ли, с ночи ли?

Город живёт круглосуточно, дышит прерывисто, бежит без устали. Всё в городе движется стремительно: и автомобили, и пешеходы, и наружная реклама одна другую сменяет. Бегущая неоновая строка обещает райские кущи – ты ей не веришь, усмехаешься: «Меня не проведешь!», но нет времени задуматься, натыкаешься – замираешь: «Надо попробовать, не зря рекламируют». Только купишь, новое появляется – не успеваешь! А успеть хочется: за временем, за модой, за тенденцией – за всеми! А как же! Успеть надо. Быстро. Быстро родиться, быстро вырасти, пожить и быстро умереть. А чтоб без боли – надо успеть заслужить. Бабки-няньки, детский сад, школа, институт, а как без него? Связи – обязательно, работа, деньги. Работы много, денег – не всегда. Семья, дети, дом, дерево... Нет времени на остановку, на паузу, время спрессовано до секунды – только голову повернуть, увидеть, что торопишься не в ту сторону, и, ловко изменив траекторию, устремиться в другую, временно правильную, – может, повезёт?

Автомобили нетерпеливо гудят, подрезают друг друга, с крутого виража устремляются по городским хайвеям.

Бежишь по городу-улицам, опережаешь прохожих: на работу, с работы, на встречи, в больницу, в театр, за ребёнком, к любимому, к родителям, на приём... Что там дальше? Что в органайзере? Ведёшь автомобиль (эх, вечером успеть бы в сервис), вовремя отрываешься от смартфона, вскидываешь глаза, видишь «зелёный», вдавливаешь педаль в пол – оставляешь всех позади.

А иногда бросаешь машину – нет времени в пробках простаивать – и торопишься затолкаться со

всеми в вагон метро, а тот несётся по узким туннелям, грохоча колёсами. Никто не страдает клаустрофобией? Да что клаустрофобия! Не взорвал бы кто мимоходом, посланническую миссию выполняя и обеспечивая себе безбилетный проход в рай.

Поздно, за окном ночь. Щёлк-щёлк пультом телевизора – способ отдыха. Скачешь по программам механически, слушаешь урывками, о своём думаешь: ты уже в дне завтрашнем.

Это твой день, твоя жизнь.

Засыпаешь.

Тишина

Город – он разный...

Город может быть тихим.

Выходишь из подъезда утром – тихо, чисто и свежо – утренняя улыбка ребенка. Проходишь гулко по двору-колодцу – шаги слышны. Уличная кошка беззвучно проскальзывает чёрной тенью мимо. Дворник головой кивает. «Доброе утро» – считываешь с губ. Сосед-собачник, ёжась, молчаливо покуривает первую сигарету.

Да и днём в городе наступает момент – все звуки замирают, в летнем ли мареве, в зимнем ли снегопаде, в дождливом межсезонье: в какую-то минуту воздух насыщается городским шумом, дрожит и, доведя громкость до максимума, застывает в пространстве, как в немом кино – одни титры на рекламных вывесках. Люди открывают рты, как рыбы, губы быстро что-то произносят, потом улыбаются или сердятся на молчаливом городском экране. Всё объединено в один безмолвный диалог суетливой жизни.

«Как дела?» – спрашивают губы.

«Дела-дела, суета...» – произносят другие.

«А что не суета?»

«Ты».

Дыхание перехватывает от неожиданности, кто-то сверху рукой невидимой нажимает кнопку «Пауза» – и ты на секунду погружаешься в тишину своего сердца: «Неужели?»

Проходит день, приходит вечер, тишину подавливает ночью. Не спишь. Встаешь и проходишь на кухню, заглядываешь в холодильник, открываешь окно, закуливаешь. Город спит. Чёрные глазницы окон смотрят на тебя равнодушно, им наплевать на твои мысли-тревоги, там, в этих окнах-пещерах тебе не помогут – сами запутались. Но вот замечаешь – ещё одно окно светится, и там кому-то не до сна. То же вслушиваются в тишину, пытаешься жить здесь и сейчас, ни к кому не привязываясь, не рефлексировав. Сложно. Свобода есть одиночество.

Эх, куда бы запечатать свои мысли под семь замков и печатей, чтобы остановить свой болтливый беспокойный ум-эго, вечно расставляющий всему оценки «хорошо-плохо»? Вот одинокий прохожий – торопится, идёт быстро в темноту своего дома, в свою постель, чтобы забыться тревожным сном и войти в следующий день с галочкой – «прожито».

Тишину ночи нарушает телефонный звонок, сердце сжимается, так долго ты этого ждал – напряжение, доведённое до оцепенения. Нарочито медленно идёшь к телефону, словно проверяешь на стойкость звонящего. Но тут понимаешь, что твой телефон молчит: звонок за стеной или с улицы – из окна открытого. Вновь вопросы твои висят в недрах квартиры, и кажется, что ты близок к отчаянию. Но делать нечего – таковы правила, надо довериться жизни. Постепенно отпускаешь боль, заворачиваешься с головой в одеяло, как в кокон, поджимаешь ноги, закрываешь глаза, делаешь вид, что спишь. Спишь-прячешься до утра без снов и сожалений, цепляясь в душе за своего Бога. Тишина.

Город – он разный...

На игле

Город владеет тобой полностью, город – собственник.

«Денёк бы взять, выспаться, – думаешь. – Закрыться, чтоб никого не видеть, не слышать – нет меня. Погрузиться в покой и гармонию...»

Но город – вечный зов, как ни прячься у реки в ухоженном доме с васильками на кружевной скатерти, с развевающимися занавесками и родниковой водой в ведре у входа, с ночными запахами влажной земли и мыльного корня, с мотыльками под абажуром над столом на террасе – вечером, с книгой на коленях, в подушках в гамаке... Как ни создавай иллюзию спокойной жизни, для горожанина она искусственна – паутина на истине. Город предательски нарушает магическую тишину вожделенного загорода и, как капризная любовница, «К ноге!» – командует, требуя сверхурочного свидания в семейный уик-энд. И как ни отключай мобильный, как ни закрывай двери и ни предавайся медитации, нет тебе покоя: не спрятаться, не скрыться – от себя не убежишь.

И вот ты уже места себе не находишь, словно кто-то зовет тебя голосом насмешливым, уверенным – никуда ты не денешься. «Я быстро: туда и обратно» – говоришь зомбированно, хлопаешь дверцей автомобиля, давишь на газ и с волнением первого свидания летишь в запутанный лабиринт стрессов и разочарований – почему? Нет ответа.

Не можешь жить вне города.

На игле.

Выхолощенность

Шумный город, спрессованный временем, не терпящий сентиментальностей. Город многоликий,

многосудьбинный – смесь взрывоопасная, нет здесь приюта Богу, как бы его ни славили.

«Я не здесь!» – пришил он записку на клочке бумаги к воротам главного храма и ушёл пить чай в одиночестве – среди людей оно чувствуется особенно.

А вокруг горожане и приезжие. Горожане – изящный флакон с ярко-рубиновым содержанием, умалчивающий о примесях, – улыбку светскую на лицо натягивают. Приезжие – разноцветная палитра красок, терпимости и агрессии – с горожанами перемешиваются, жирной линией разделяя свою жизнь на «до» и «после». «Уж десять лет в городе!» – говорит кто-то весело, что есть мочи адаптируясь ко всему новомодному.

«Горожане – приезжие», по умолчанию – антагонизм, бежит волнами, претензии взаимные, но в мегаполисе выживает сильнейший, дойдя до исступления и человеческое сердце сменив на андроидное, – у каждого ведь своя история.

А история общая трансформируется, держится за край чёрной пропасти, изо всех сил цепляется, дабы не кануть в безвестность, в забвение. Нет, конечно, кто-то её удерживает, старается, ногами упирается: одни – тушью выводят семейное древо с внуками, другие – предлагают версии, авторские расследования в книго-фильмовых формах, цвета слегка желтоватого. Да и какая разница, какого что цвета? Главное, чтобы хоть что-то от старухи-истории выжило-уцелело.

А рядом паренёк присоседился, не по убеждениям, а так, от голода-одиночества. Обрит наголо, весь в чёрном, на ногах ботинки тяжёлые на шнуровке, глаза стеклянные, флагом паучьим в воздухе машет, и не один он, а много таких, наполненных национальным самосознанием из-за собственной ущербности.

Корни утеряны.

Выхолощенность.

Любовь – опустошение

Город – всеядный Казанова – дарует свою любовь не задумываясь. Как и великий любовник, он принимает тебя всякого: умного – глупого, худого и толстого, богатого – бедного, открытого – скрытного, праведника и подлеца. В этом секрет любви: можешь быть всяким – ты будешь принят! И веришь этой иллюзии безоговорочно, как хозяину верит собака, не подозревающая о человеческой подлости. Город манит и завлекает белозубой улыбкой алмазных огней-брекетов, элегантными костюмами от *Borrelli* с живым гламурным горностаем на плече, разноголосой речью с милой путаницей «с» и «из», очарованием игры в недоступность и благопорядок, искрящимся юмором и снисходительной иронией. Он приглашает тебя на бизнес-ланчи и ужины в модные заведения, где царит приятный гомон, пахнет корицей, тёплыми булочками и веет ароматом *Mandragore* от *Annick Goutal*; где обсуждают одновременно дела и любовь, а за чашкой кофе привычно щёлкают клавишами ноутбука. Город шепчет тебе на ухо сладкие речи – глянцево-истории из *Esquire*, *L'Optimum* и «Априори»... Он рисует многоярусные замки успеха и благополучия, искрящийся коктейль: дом в Барвихе, отдых от *Sodis*, диплом MBA и саквояжи от *BrunoMagli*. Он катает тебя на *Mini Cabrio*, а хочешь «новую концепцию мышления» – бери *Lexus GS!*

Но городская любовь – скоротечна. Она лишь насмешка, лицедейская и сценически выверенная.

«Ах, – возразит кто-то, прищуриваясь от сигаретного дыма и попивая *JackDaniels*, – если роза теряет красоту, значит, была настоящей. Ничто не вечно под луной, и глупо просить “любви до гроба”! Но ещё глупее не наслаждаться этим сейчас!»*

* «Если роза к закату теряет ту красоту, которой обладала на рассвете, значит, её красота была настоящей. Ничего нет вечного в

Всё так. И ты отдаёшься этой страсти полностью – страсти, перерастающей в зависимость. Твой город-любовник лишь улыбается, он – вечно юный вампир, дерзкими губами высасывающий все силы и чувства и, насладившись, отбрасывающий твою усталую душу в сторону, как кожуру банана.

Любовь – опустошение.

Астма

Город выставляет счета. Всем и всегда – это правило. Ты не веришь цифрам и пальцами закрываешь три последних нуля. Тебе неловко, не выспался, силы на исходе, апельсиновый сок кажется кислым, стакан – грязным, кофе – растворимым. Оглядываешь свой дом – гнездо, которое так долго и упрямо вьёшь. Приглядываешься к тем, с кем спишь, и к тем, с кем живёшь, и не понимаешь, где ты и кто эти люди. Берёшь телефон и набираешь номер – тихо: друзья превратились в «других». Ты покидаешь свой дом, идёшь по городу, стремясь подключиться к его кровотоку в надежде себя реанимировать. Но нет, и ему ты уже не нужен.

Ночь обнажает язвы, ночь обнажает боль.ловишь руками пустоту – всё кончено: карета превращается в тыкву, а кучер – в крысу. Элегантный костюм плавится и корёжится на ступеньках подземного перехода, трансформируясь в отрепья уличного попрошайки, – тот лежит щекой на холодном бетоне, поджав к подбородку колени, он – эмбрион. Ухоженная рука с маникюром, с *Longines* на запястье, небрежно бросает на мостовую смятую пачку «*Calume*».

этом мире, и мы поступаем глупо, прося, чтобы что-то продлилось, но ещё более глупо не наслаждаться этим пока оно у нас есть» (из романа «Остриё бритвы» Сомерсета Моэма).

В робкой надежде на милость дворняга бездомная, голодная, с отвисшими сосками, незаметно втягивает носом воздух. Она тоскливо заглядывает в глаза встречным людям, торопливо снующим мимо, пытаюсь поймать равноценный взгляд и вычислить возможное количество теплоты. Эти «минуты добытого за день тепла складываются в медленно остывающий час, который ночью греет её одиночество на... крышке канализационного люка»*.

Изящный бумажник из крокодиловой кожи сработанной ловкостью исчезает в рукаве грязной куртки с чужого плеча – семилетний ребенок с лицом павшего ангела виртуальной тенью скрывается в подворотне.

Круглые столики летних террас с язычками свечей и букетами сливочных роз пластилиновыми комками летят в переполненные баки с мусором – пристанище крыс и бомжей. Бегущие неоновые строки, извещающие о фотобиенале и светских тусовках, фейерверически взлетают в воздух мятыми обрывками газет с новостями о погромах, учинённых скинхедами, и убийствах чернокожих студентов. Сквозь транс- и хаус-музыку ночных клубов звучит сирена скорой помощи, и синие мигалки смешиваются с красно-зелёными отсветами ночных заведений. Коктейльное платье от *Gucci* превращается в полночь в бумажные блёстки, бриллианты – в стекляшки, а их владелица с облегчением закрывает глаза от передоза, сжимая в руке, как волшебную палочку, шприц. Сквозь завораживающие звуки музыкальных хитов рвутся крики о помощи и хрипы отчаяния.

Ты не выдержишь, кричишь: «Мне бы антиударное сердце, мне бы солнцезащитный взгляд!..»**

* Из стихотворения «Дворняжка в бурых лохмотьях» Авиген Бархоленько.

** Слова из песни группы «Високосный год».

Но крик тонет в ночном небе в грохоте праздничного салюта – день рождения народного фавна!

Город – это боль.

– Почему ты такая грустная?

– Я была у врача...

– Неприятности?

– Нет... но то, что мы с тобой пять лет считали ор-газмом, называется астмой.

Астма.

Сам

Но ты не хочешь быть кожурой от банана. Встаёшь и идёшь. Ключом открываешь дверь дома – возвращение. Тишина, все уже спят, в холле у лестницы горит жёлтый свет, на кухне оставлен ужин – ждали.

В детскую дверь приоткрыв, ты заново смотришь на чудо – ребенок. Кто он? Надежда или отдельный свой путь? Дальше – спальня: смесь одиночества и запахов ночи, любви и шёлка. Нет, не придумал ты эту любовь, тебе повезло, она – здесь, живая и тёплая, и у неё есть имя. В ней ты черпаешь силы.

Потом ты проходишь в гостиную, залпом глотаешь плёснутый в стакан виски и набираешь номер мобильного – звонишь сам себе.

«Если не я за себя, то кто за меня? Но если я лишь за себя – зачем я?»

Надо найти стержень, чтоб за него зацепиться. Надо не вылететь, не допустить, чтоб центробежная сила вынесла тебя на обочину... со сверкающего диска, стремительно вращающегося.

Ты думаешь: хватит ли сил? устоишь ли? сохранишь ли в душе приют своему Богу – твоему единственному собеседнику?

Нет, никто тебе не ответит: ни любимые, ни друзья, ни близкие – только ты сам.

Ты – САМ в своём городе.

В поисках Смысла

*– Скажите, эта дорога приведёт к храму? – Это улица Варлама. Не эта улица ведёт к храму. – Тогда зачем она нужна? К чему дорога, если она не приводит к храму?**

Сегодня я проснулась одна.

Открыла глаза и поняла, что рядом – пусто. Тот Смысл, который всегда был со мной, – обнимал, держал за руку, наливал по утрам кофе со сливками, а перед сном прятал дневные страхи и неудачи, оберегая мой бесконтрольный разум, Смысл, который был частью моего прошлого и уверенно шагал со мной ежедневно, легко заглядывая в будущее, – вдруг испарился, как на солнце вода.

С надеждой посмотрела в раскосые кошачьи глаза – глаза моего ориентала цвета «гавана», но и они показались мне сегодня пустыми.

Через прохладный холл прошла в кухню – может быть, там дымится утренняя сигарета, уютно пахнет кофейными зёрнами, а мой милый Смысл сидит с газетой и ждёт меня к завтраку? Но нет. Включила телевизор в тщетной попытке в одной из программ его обнаружить, но вновь я ошибалась – там его никогда и не было.

Не было его и в гостиной среди цветов и твоих подарков, не было среди фарфоровых ангелов. И среди страниц чужих и своих рукописей его не нашла. Заглянула в шкафы: в книжный – энциклопедию мудрости, в одежный – коллекцию городских образов. В последнем царил лишь любимый запах парфюма, да и тот без хозяина показался прогорклым.

Взяла альбом с фотографиями, попыталась найти Смысл в прошлом опыте, но вчера отец мне сказал: «Опыт – вещь консервативная и часто служит оковами,

* Финальная фраза героини Верико Анджапаридзе из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

не позволяет увидеть жизнь в другом свете и измерении. Порой, опыт мешает». Мы долго об этом спорили.

Взяла телефон и позвонила тебе. Может быть, Смысл скрывается в будущем? Ты сказал: «Приеду в субботу», вновь привычная неделя ожидания. Знаю, день придёт, с надеждой открою дверь и увижу тебя на пороге, утомлённого и как будто чужого. И, как прежде, Смысл не будет стоять у тебя за спиной – ты приедешь один, в этот раз я его не увижу.

«Не беда, – начала себя успокаивать и делать вид, что ничего не случилось. – Смысл ускользнул на минутку. Он где-то гуляет и скоро вернётся, всё будет по-старому».

Но минуты в песочных часах сыпались вниз стремительно, и пустота всё больше заполняла мои комнаты.

«Какая я глупая! – удивлялась, меряя шагами цветной ковёр. – Не понимаю, как же он выскользнул? И зачем только я окна распахивала и дверь открывала всем? Нет, свобода не сделала меня счастливее. Нет, свобода – это входной билет в одиночество».

В отчаянии подошла к окну и выглянула в летнее утро – там проезжали машины, торопились на работу люди, подавали голоса собаки, но и там Смысла я тоже не обнаружила, не увидела ни его ироничной усмешки, ни уверенных глаз – нет, за окном его тоже не было, за окном – вне зоны моего обитания.

«Исчез», – наконец поняла я и опустила на диван растерянно.

«И куда теперь жить?» – внутри меня кто-то попытался начать диалог, но я тут же отрезала: «Отстань, это не самое важное. Ведь важно не направление, а состояние».

Кинув в сумку паспорт, деньги, kota и зачем-то твою фотографию, пришпилив на дверь записку: «Я не здесь», вышла из дома и одиноко побрела по улицам. Безуспешно ходила я до самого вечера, тщетны были мои поиски, пока не увидела узкую мощёную улочку, где окна домов смотрели друг в друга. Эхо моих каблучков гулко отразилось от стен и раскатистым шаром скрылось за поворотом. На пути

мне попался покосившийся указатель – посмотрела на старые почерневшие буквы на деревянной дощечке и медленно губы сложили: «К храму».

«Что ж», – вздохнула я и достала паспорт, деньги и твою фотографию – свидетельства моего существования, и подбросила вверх – их тут же подхватило ветром и, подобно новогоднему конфетти, беспорядочно развеяло в воздухе. Я стояла и с улыбкой облегчения следила за их исчезновением.

Вот и всё – больше меня ничего не связывало.

Кот сам выпрыгнул из сумки и, каркнув особым сиамским голосом, в ожидании взглянул на меня глазами-оливками.

И вот тогда я сказала ему: «Пойдём». Сказала уверенно.

Нам предстоял долгий путь.

«Внукина» зона

Вообще прогулка во Внукине* по полям моего детства после почти десятилетнего перерыва – всего каких-то сорок минут с друзьями и возлюбленным – произвела на меня странное впечатление.

С моей стороны это была явная реставрация прошлого: всё было как в театре с исправно выписанными декорациями. Вот – поле со скудно разбросанными цветами (тряпочек у костюмеров не хватило на большее). Вот – заводные козы, пластмассовые. Вот – остатки жухлой травы. А вот – липы, пока настоящие и всевидящие. На заднем плане – голубое небо, церковь, берёзки, а дальше... как в «Сталкере»**: «Автосервис», остовы недостроенных блочных домов и промышленные здания. Сталкерская зона – это моё «Внукино детство»** – существует лишь в моей голове

* Искажённое «Внуково».

** Аллюзии на кинофильмы Андрея Тарковского «Сталкер» и «Иваново детство».

и воображении. Даже воспоминания мои об этой «зоне» не совпадают с воспоминаниями моей матери – одни и те же события из общего прошлого таят в себе несовпадающие значения!

И бредем мы по этой «зоне», все – бесконечно разные; я – сама по себе, иду в иллюзорном пространстве межвременья между прошлым и будущим, вижу то, что безвозвратно утратилось, возвращаю всколыхнувшуюся надежду.

Возлюбленный тонко считывает моё состояние, да к тому же здесь всё в новинку ему – всё, пусть и замызганное действительностью. Но мы с ним похожи, волею судьбы пересечённые в одной тональности, вкусах и запахах, а потому он собирает букет полевых цветов для меня – реверанс корням моим, и мы вновь окунаемся в наслаждение полной психологической несовместимости.

Друг моей юности идёт рядом и тоже подвергается ностальгическому испытанию – Внукино и для него кусок жизни, со мной связанный томик – тщательно прочитанный и на полку поставленный. Но его движения по-городскому лихорадочны. Он попереточному то на малину кидается, то садится на пни и закуривает и громко критикует и ёрничает, констатируя всё, что попадает ему вокруг мерзкого: банки ржавые, бумагу, лягушек дохлых. Одна из подруг, милая, красивая и правильная, опустив голову, сосредоточенно ищет веточки зверобоя – симпатичные кустики, их высушить можно, полезно, знаете... Её муж явно гуляет за компанию: «...и гулять ходили» – скажет он взрослому сыну вечером. А жена друга юности со снисходительной улыбкой идёт и стоически терпит всё: кочки, дорогу в горку, низинки, ямки и крапиву – не любит всего этого...

Сталкеры в зону водили, чтобы можно было загадать желание, которое зона впитывала, а потом материализовывала в реальности. Не всегда результат совпадал с желанием. Один чудака от разочарования даже повесился.

Я во «Внукино детство» вернулась с возлюбленным, чтобы наша любовная матрица там отпечаталась и в будущем зафиксировалась: а вдруг «любовь» – это и есть наше самое заветное желание и всё у нас сбудется?

В это лето мне дарили ирисы

Фиолетово-розовые ирисы были подобны искусственным и казались восковыми в сливовом тряпично-бархатном обрамлении. Прямолинейность стеблей по задумке природы переходила в капризные изгибы с тугими свечками фиолетовых бутонов и уже распустившихся жеманно-томных цветков с ярко-белыми лепестками.

В это лето мне дарили ирисы.

Расставляя по вазам цветы, я ощущала их странный малознакомый запах и на губах кисловато-ванильный привкус.

«Ах, какая изысканность – эти ваши ирисы», – послышался шёпот у меня за спиной. Я испуганно обернулась, но в комнате никого не было.

«Насмешники, – покачала я головой укоризненно, – как вам нестыдно, – и вернулась к своему занятию. – Нет, не спасают ирисы. Их изысканность лишь добавляет отстранённости, словно подчеркивает: они непонятны тебе. Вот возьмём альстромерии, они – понятные, розовые, стабильные... сейчас такие популярные, очень практичные и стоят неделями».

«Неделями, – вмешались насмешники тут же, – как подтверждение верности? А как же разнообразие?»

«Разнообразию свойственно тем, кто ещё ничего для себя не решил, – объяснила я уверенным голосом. – А для тех, кто решил, самым ценным считается постоянство».

Насмешники засуетились: «Допустим-допустим».

«Вот розы, например, – продолжила я, – символ любви и верности...»

«Розы, – меня тут же перебили, – какой стереотип мышления! Красные, уверенные, вечно счастливые, никакой утонченности».

«Да, розы, – я упрямо настаивала, продолжая бережно расставлять свои ирисы по вазам. – Мне розы вообще созвучны. Одно время мне казалось, я их люблю. Колючие, счастливые, категоричные. Мне дарили их прошлым летом, дарили осенью и зимой».

И тут я неожиданно для себя продекламировала:

*После стольких роз, городов и тостов –
Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы – почти что остов,
Я – почти что тень*.*

Насмешники в изумлении замерли, а я рассмеялась и добавила – уже от себя: «В розах были все мои дни...»

Но насмешники опомнились и мгновенно передразнили меня фальцетными голосами: «*В розах были все её дни... В шипах, в шипах, не в розах! Ты что, забыла? Исколола все пальцы, то и дело расставляя букеты!*»

Я улыбнулась: «Тогда мне всё было в радость! Это был такой отрезок времени – *розы-вый*».

«Да, помним-помним твой отрезок времени – ма-аленький», – насмешники наперебой зашумели-захихикали, и голоса их уже не были подобны шёпоту.

«Помню, – кивнула я. – Да, короткий был период, но время ведь относительно, порой за секунды можно прожить целую жизнь».

«Как перед расстрелом, да?»

Я пожала плечами: «Вам лучше знать».

* М. Цветаева.

«Перестань говорить банальности: время-от-но-ситель-но!»

Я не обратила внимания на это замечание, а потому продолжила: «Тогда было всё, как я себе задумала – в своих утренних снах, где течёт молоко. В тот период я была счастлива...»

«Будет всё, как ты захочешь...» – ехидно пропели насмешники за моей спиной и, выхватив из вазы цветочный стебель, закружили с ним по комнате. Я с интересом наблюдала, как цветок сам перемещался в воздухе то вправо, то влево, описывая под потолком окружности в такт дурацкой песенке. Но вскоре, утомившись этим зрелищем, я отвела взгляд и вернулась к своему синему букету – танцующий цветок тут же упал на пол.

«Однажды, – вспоминала я, – в *тот самый* период времени случился праздник. Дело было летом, собралось множество гостей и все – представляете, все, – не сговариваясь, принесли букеты роз, самых раз-но-о-браз-ных».

«Да что вы говорите?!» – голоса наполнились приторно-жеманной тональностью, и мне показалось, хрустнули костяшки пальцев – от томного заламывания рук.

«Да! И бархатные красные букеты, и кружевные жёлто-зелёные, и букеты мелких кустовых роз, и сливочно-чайных...»

Но эти подробности, очевидно, не произвели впечатления, а потому, изменив восхищенную интонацию на будничную, голоса цинично отрезали: «Праздники быстро кончаются, а цветы засыхают, ты разве не знаешь?»

Но я их не слушала: «И было много друзей».

«А потом все ушли, ты осталась одна и резко ощутила одиночество».

«И мы танцевали и пили вино».

«А потом осталась куча уборки и грязной посуды».

«И даже подруга приехала – из другого города».

«И разумными разговорами ещё больше тебя запутала».

«А ещё, – я подняла голову и нежно посмотрела на фотографию, которая стояла на полке в книжном шкафу, – на праздник приехал папа, – сказала и тут же строго добавила: – Это – без комментариев!»

«Какие комментарии, мы ж понимаем! – но уже через секунду в углу комнаты забубнили: – А на следующий день, помнишь-помнишь, твоя мама всё тебя расспрашивала, как он выглядел, и ни о чём не жалеет ли?»

На этот раз я уже не выдержала и, схватив первый предмет, подвернувшийся под руку – стеклянный стакан – запустила им в угол. Стакан вдребезги разбился, а из угла взвизгнули: «Держи себя в руках! Приёмные часы психотерапевта ежедневно с девяти до двенадцати».

«Учту», – буркнула я и сунула в букет ещё несколько свежих цветков, предварительно резко щёлкнув по стеблям ножницами.

Выдержав паузу и понимая, что обижаться на насмешников – пустая трата времени, решила продолжить свои воспоминания: «...И мой возлюбленный приехал накануне праздника, и, между прочим, была ночь любви, и было туманное влажное утро, наполненное предвкушением нового дня...»

«И ты, конечно же, решила, что будет так всю жизнь, наивная!» – тут же последовало робкое замечание.

«А потом, – я сделала загадочную паузу, – он весь праздничный вечер держал меня за руку».

«Словно ты его собственность!» – голоса хмыкнули.

«Он говорил о серьёзных вещах, – попыталась я объяснить, – о том, как мы станем жить вместе, о нашей будущей жизни!»

«Нашёл время! А на следующий день он уехал, чтобы больше никогда не вернуться! Кстати, ты что-нибудь о нём слышала?»

«Нет, но в тот день я не знала этого, – я вздохнула, – к тому же всё это ничего не значит. Бывает, – добавила я и посмотрела в окно, – люди возвращаются».

В воздухе раздался лёгкий свист, и я почувствовала, как невидимый палец покрутил у моего виска. Но я только усмехнулась и сделала шаг назад от стола – оценить собранный мною букет: ну что ж, множество ирисов – недурно выглядит.

«Синий цвет – цвет печали. Добавь гипсофилу», – предложили насмешники, и в знак примирения в воздухе появились тонкие ветки с белыми искрами мелких цветов.

«Нет-нет, – покачала я головой, – пусть цвет будет чистый».

«Ну что ж, пусть печаль будет чистой! – цветы тут же исчезли, и насмешники трагически вздохнули: – Знаешь, ты нам напоминаешь Офелию».

«*Офелия, иди в монастырь или замуж за дурака*»?

«Да-да, самое время! К тому же все эти розы, ирисы, возлюбленные, которых уже нет и в помине, – тебе не пришла ещё мысль утопиться? Как раз – последний акт, – тут же в комнате возникла большая старинная ванна на бронзовых львиных лапах с прозрачной водой. – Какую температуру воды предпочитаешь?»

Я вновь покачала головой: «Представляете, я тогда действительно чуть не умерла от счастья. Но если бы это случилось, то, думаю, умерла бы в полной гармонии с самой собой».

«Да, но ты ведь не умерла, слава богу! Вон какая румяная!»

«Нет, не умерла, потому что тогда я и не догадывалась, что была так счастлива... Ведь всё познается в сравнении».

«Как хорошо, что люди не умирают от счастья, а то бы смертей было бы гораздо больше!»

«Да? Вы говорите немыслимые странности».

«Ничего странного. Большинство людей просто не осознаёт своего счастья и принимает его за нечто иное, а свою жизнь видит исключительно в сером цвете, ежеминутно сверяясь с прошлым или примеряясь к будущему. А потом все спохватываются, а уже... – Тут неожиданно в воздух взлетела “Энциклопедия семейной жизни” и со всего маха грохнулась об стол – бах! – да так, что вазы мои подпрыгнули, а я от неожиданности вздрогнула и выронила из рук цветы. – ...поздно! Не довелось умереть от счастья! – и уже более спокойно голоса добавили: – И слава богу. Кстати, заметь, формулировка “смерть от счастья” в перечне причин смерти отсутствует, что сохраняет народонаселение. Так что? Топиться будем?»

Я решительно замотала головой: «Нет-нет, у меня ещё очень много дел».

«Жаль», – в ответ кашлянули, и ванна пропала.

«В этот год уже всё по-другому – мне дарят ирисы», – я подняла с пола упавшие цветы.

«А что ты хотела? Жизнь *vulgaris*, что означает – «обычная» жизнь, а она не стоит на месте, – тут насмешники схватили пульт от телевизора и быстро защёлкали кнопками. – Смотри! Жизнь непредсказуема – только кофе собрался с друзьями попить, а тут – бац! – техногенные бедствия вперемешку с естественными катаклизмами. Где Нью-Орлеан после наводнения? Ураган “Катрин” сменяет “Офелия”. А вот взрывы в Испании, в Китае землетрясения. Влияние Прозерпины, говорят астрологи. Да, надо приспособливаться! А хочешь послушать мессу си минор – органную музыку? Любишь Иоганна Себастьяна в техноимпровизации? Говорят, новое веяние. А вот чихуахуа – собака нынче самая модная, со стразами Сваровски! Приобрести не желаете? А что стало с любовью в двадцать пятой серии? Мутировала! Вот и ты, дорогая, что имеешь – сама выбрала! Боль-ши-е ко-ле-ба-ни-я! Землетрясения в отдельно взятой серии».

«Знаю-знаю, сама выбрала. Но не всем советуую».

«Но, согласись, сейчас, когда всё уже совсем иначе... не кажется ли тебе, Офелия, что... изысканные ирисы лучше традиционных роз?» – голоса вновь затараторили, но шёпотом, и в шёпоте этом явно слышалась неуверенность.

Я не ответила, а лишь подняла тяжёлую вазу и направилась к окну.

В эту минуту в дверь позвонили. Я остановилась и оглянулась в нерешительности – не ждала гостей.

«Нет дома, нет дома! – на все лады заголосили насмешники. – Её здесь нет!»

«А кто это?» – спросила я вполголоса.

«Это мы, – в ответ кокетливо хихикнули, – это мы звоним тебе в дверь».

«Но вы же здесь – в комнате!»

«А мы и там, и здесь».

«Значит, опять проказничаете, – укорила я и нахмурилась: – Но вы сказали неправду – я дома. Почему это здесь меня нет? Это чистые выдумки».

«Никакие не выдумки – тебя нет. Ты – в прошлом, а может быть, в будущем. Ты – где угодно, но только не здесь, а потому всегда пропускаешь самое важное».

Сказать было нечего, я вновь направилась к окну.

«Жить прошлым – удел слабых!» – закричали у меня за спиной.

И я кивнула: «Я знаю».

«И будущим жить – удел слабых! – по паркету за мной спешно шлёпали босые ноги. – Нет ничего глупее – планировать будущее!»

И я опять кивнула: «Знаю-знаю. Я в курсе».

«Живи настоящим! – советы сыпались скороговоркой. – Никто не живёт настоящим, заметила? Нет чтобы спокойно сидеть у воды, ждать, когда труп врага сам проплывёт мимо...»

«Так всю жизнь можно ждать!»

«А ты полезным делом займись – посади дерево. И не перебивай! – сердито взвизгнули голоса и тут

же мечтательно продолжили: – Так вот. Нет чтобы спокойно сидеть у воды, дышать воздухом и наслаждаться природой... Ведь, строго между нами, куда он денется, этот труп? Если ему суждено – проплывёт обязательно! Так нет же! Начинают гоняться за мнимым врагом, который, кстати, может врагом и не быть, всех от дел отвлекать и расспрашивать, потом ещё роют ямы-капканы...»

«Не все».

«Зато все ворошат прошлое, копаются в воспоминаниях, живут ушедшими днями...»

«Да, или ушедшей любовью», – попробовала вставить я.

«Ха, или старыми обидами? Играют в “Кто? Где? Когда?” и не всегда выигрывают!»

«Бывает... рефлексии – это людям свойственно».

«Другие – бесконечно планируют завтрашний день, готова на все случаи жизни опоры!»

«Что ж в этом плохого?»

«Пустая трата времени. Вот ты, например, пробовала?»

«Да».

«И что?»

«Ничего».

«Вывод?»

Я беспомощно пожала плечами.

«Вот и мы о том же! Куда позвонить, что купить, какую пирамиду построить, с кем жить, и с кем спать, и что за это иметь!»

«Что приготовить на ужин!» – вставила я радостно, надеясь попасть в точку.

«Перестань, это мелко. Как отомстить, кого наказать или как выпросить! А некоторые, – тут насмешники вновь понизили голос, – некоторые даже пытаются решать за других, представляешь!»

Внезапно передо мной упала колода карт и рассыпалась веером.

«Сыграем?»

«Во что? – я растерялась. – В “дурака”?»

«Да, на желание».

«Нет, не буду – всегда проигрываю».

«Значит, тебе везёт в любви, – в ответ захихикали, и со словами “не хочешь – как хочешь” карты исчезли, и уже совсем тихо, прямо над ухом, насмешники еле слышно выдохнули: – Не будь душой, живи настоящим!»

«Как же вы надоели со своими советами! – не выдержала я и резко обернулась. – Настоящее – самое сложное!»

Но комната была тиха и пуста, я поняла: в ней уже нет никого, я – одна.

Я раздвинула шторы, распахнула окна и наконец поставила вазу на подоконник.

На улице стояла середина лета и светило солнце. Я с удовольствием вдохнула насыщенный городской воздух – гремучую смесь чувств и событий, замешенную на надежде и вере, свежих запахах листвы и молотых кофейных зернах из московских кофейен.

«Постараюсь», – прошептала я.

* * *

Около дома остановилась машина. Из неё неторопливо вышел человек, устало хлопнул дверью, поставил автомобиль на сигнализацию и медленно поднял голову. В знакомом окне увидел вазу с цветами и, вспомнив старый фильм, с улыбкой подумал: «Горшок с цветами – явка провалена».

Но потом, уже вслух, громко добавил: «Нет уж, дудки. Цветы на окне – значит, ждут меня».

Ольга Дёмина

Почему я именно такой получилась, а не другой – лучше или, страшно подумать, хуже? Если бы я родилась на другой стороне Земли, это была бы я или не я? То географическое место, где мой первый вдох перешёл в первый крик, повлияло на то, какой я стала? Мне интересно думать об этом.

Я родом из Москвы. До сих пор радуюсь этому факту. Горжусь моим городом – таким разноликим, пёстрым, противоречивым, капризным, любимым и прекрасным. Была приглашена в состав жюри трёх литературных конкурсов, организованных Московским региональным отделением МСП «Новый Современник» и Московским салоном литераторов МОССАЛИТ. Для того чтобы иметь моральное право писать рецензии на чужие работы и оценивать их, прошла несколько курсов обучения в литературных мастерских Creative Writing School. Участник конкурса короткого рассказа на портале ГодЛитературы.РФ.

Мама мыла раму

Антошка и мама честно поделили обязанности: мама мыла окна, а Антошка сидел за столом и рисовал танковое сражение. Ещё неизвестно, кому тяжелей: маме нужно помыть всего два окна, а Антошке – нарисовать целых шесть танков.

Мама называла их квартиру аквариумом с кухней, потому что она была угловой и окон у них было больше, чем у соседей. Они жили на первом этаже, и любой прохожий мог, заглянув в одно окно, увидеть через другое, что происходит за углом дома. По вечерам, зажигая в комнате свет, мама занавешивала окна и голосом машиниста поезда метро объявляла: «Граждане, аквариум закрывается. Килькам пора спать. Просьба отойти от окон».

Этим утром весь мир был нараспашку: и раскрытые окна в комнате, через которые улица свободно втекала и вытекала обратно, и разбежавшиеся в разные стороны тучи, открывшие солнце, и лопнувшие почки на кусте сирени – нежно-зелёный фейерверк. Ошалевшая после зимнего сна муха, которую мама, раскрутив винты двойной рамы, выпустила на волю, гудела на низких нотах и хаотично билась о мебель.

Пузырьки восторга щекотали Антошкину кожу, хотелось чего-то невообразимо прекрасного: или рубануть световым мечом, как у Скайуокера, или съесть бутерброд с докторской колбасой. Меча не было, обед нескоро. Зажав синий фломастер в кулаке, Антошка сполз со стула, встал под столом на коленки и, кряхтя от усердия и неудобного положения, написал на внутренней стороне столешницы слово «мама». Получилось немножко криво, но всё равно красиво. Здорово он придумал!

Замок из песка

За час до закрытия магазина «Леруа Мерлен» в секции обоев дело шло к разводу. Стоя друг против друга в центре отдела, мужчина и женщина теперь молчали. Того, что недавно было сказано во всеулышание, нельзя было вернуть. Лицо мужчины было бледным, и только уши контрастно наливались краснотой. Он стоял, расставив ноги, не шевелясь, неотрывно глядя на женщину. Та избегала его взгляда, смотрела по сторонам, поминутно перебрасывая сумку на длинном ремне с одного плеча на другое.

«Господи, что же она делает! – возмущалась про себя Зина, наблюдавшая за ссорой с самого начала. – Как же можно сказать такое при посторонних? Это же просто обои. Хорошо, что у нас с мужем одинаковый вкус, и мы никогда не ссоримся».

При этой мысли Зина заулыбалась и расправила плечи. «У нас хороший дом. Красивый. Обои в детской мы недавно переклеили. Может, поменять их в гостиной? Купить те бежевые, – Зина нашла глазами давно облюбованный образец на втором стеллаже слева, – а на окна повесить вот эти шторы». Она нежно погладила полотно тяжёлых фисташковых гардин на стенде образцов, возле которого стояла, и представила, как всё будет красиво: обновлённая гостиная в бежевых тонах с оливковыми и фисташковыми акцентами и...

– Потапова, ты опять торчишь в торговом зале? – придушенная злоба в голосе администратора сначала заползла к Зине в ухо, а потом протиснулась в бежевую гостиную. Ткань гардин начала истончаться, бежевые стены медленно осыпались.

– Я... я сейчас, – заверила Зина.

– Ты сотрудник склада, – давила администратор, – ты не имеешь права находиться здесь. Я тебя уже

предупреждала. На твоё место на улице стоит очередь из желающих.

– Извините, – Зина заторопилась к дверям. До конца рабочего дня оставалось потерпеть совсем немного.

После вечерней смены главной задачей было успеть на последнюю электричку в Дедовск. Не успеешь – ночуй на вокзале. Слава богу, Зина успела. Теперь только дойти.

Уличный фонарь перед домом опять не горел. Со скамейки у пятиэтажки напротив доносился однообразный мат. Москва всего в тридцати трёх километрах, но Зине казалось, что пространству или времени – тут она путалась – удалось сжаться и за полчаса езды электропоезд сожрал все шестьсот пятьдесят километров до Пензы и выплюнул её прямо на родную улицу Будищева. Зина с детства ненавидела название улицы и даже боялась: представляла себе неизвестного Будищева высоченным мужиком с чёрными усами и красными от мороза кистями рук. К счастью, уже полтора года у неё в паспорте стоит отметка о временной регистрации в Дедовске.

Зина открыла дверь, вошла в дом, стараясь не шуметь, но сторожевая овчарка в человеческом обличии по имени Дарья Никаноровна уже стояла на пороге комнаты, которую торжественно именовала залой. Ещё не было дня, чтобы Зине удалось закрыть свою дверь, не ощущая между лопаток жжение хозяйского взгляда. Дарья Никаноровна строго запретила, как она выразилась, водить мужиков в дом, хотя Зине и в голову бы не пришло пригласить сюда кого-то из знакомых. Её обижало такое отношение, но ниже платы за комнату не было ни у кого в городе.

Она прошла к себе, быстро разделась и легла. Завтра ей опять в вечернюю смену – можно поспать подольше. Зина натянула одеяло до самого подбородка, свернулась калачиком, закрыла глаза. Сначала она

услышала шорох тюлевых занавесок, задевающих створку раскрытого окна, затем проявилось само окно в раме фисташковых гардин, потом появилась вся бежевая гостиная. Где-то за пределами гостиной зазвучали мужской и детские голоса. Первым появился муж – один в один Джонни Депп из фильма «Турист», на который Зина ходила в прошлые выходные. Депп – тоже неплохо, хотя Эштон Катчер вообще-то нравился Зине больше. Потом вбежали дети – мальчик и девочка, хотя в прошлый раз были близнецы. Но Зина не расстроилась – какая разница? Ведь здесь у неё всё есть: и работающий непьющий муж, и опрятные вежливые дети, и свой дом, в котором у каждого есть своя комната, и эта красивая бежевая гостиная с фисташковыми занавесками. И сама она в зелёном длинном платье с одним открытым плечом, как у Ани Лорак на Евровидении.

Зина улыбалась во сне легко и счастливо.

Сквозь дырку в синей синтетической шторе в комнату пробился лунный лучик, прочертил полосу на одеяле, скользнул на пол и упёрся в бок шкафа, поделив комнату на неравные части. Узкая серебряная дорожка в тёмном поле. Здоровенный рыжий прусак, пробираясь из одной тьмы в другую, осторожно ощупал усами свет и рванул на другую сторону. До следующей рабочей смены было ещё девять часов.

Секрет троллейбуса

На пятнадцатилетие выпуска Георгий не пошёл. Ему хватило хохота одноклассников на небрежно брошенное Семёном: «Менеджер рогатого транспорта», когда до Георгия дошла очередь говорить на предыдущей, юбилейной встрече класса. А ведь семь лет за одной партией оборону держали. Казалось, друзья навек.

Троллейбус не предаст. Он прост в управлении, надёжен и чист – нет ничего чище электротяги.

В свою новую машину, которую он получил как лучший водитель троллейбусного парка, Георгий влюбился так, как и не снилось Ленке Горячевой, обещавшей ждать после армии и упорхнувшей замуж через полгода после проводов. Обтекаемые линии корпуса, галоген, панель управления, как в небольшом самолёте. Георгий никогда не заходил в кабину в грязной обуви.

Вырезанная из районной газеты статья, в которой напористая корреспондентка превратила скудные «да... нет... э-э-э... м-м-м...» ответов Георгия в оду троллейбусному богу, была вставлена в рамку и украшала гостиную. Сопровождающее статью фото – герой за рулём троллейбуса – было сделано через лобовое стекло. Георгий никогда не питал иллюзий: в баскетбол ему не играть. Но оказалось, что для стоящего перед машиной человека голова водителя еле виднеется из-за приборной панели. Георгий пыривался снять этот позор со стены, но мать использовала отработанный приём: выдала сердечный приступ.

Газетная вырезка на стене – бог с ней. Надо было решать проблему в целом: пассажир не должен волноваться из-за головы за рулём. Подсказала мать. Домовой–хранитель чулана полчаса забрасывал пылью глаза Георгию, ронял на ноги сломанный утюг и килограммовую гантель. Но не удержал оборону: туго набитая квадратная подушка-думка в чехле из растрескавшейся чёрной кожи покинула прожорливые недра хранилища. «Это ещё от моего дедушки», – загордилась мать своей бережливостью. Думка идеально вписывалась в эргономичную форму водительского сидения троллейбуса и прибавляла Георгию несколько дополнительных сантиметров представительности. Своим секретом он ни с кем не делился и носил подушку в сумке для ноутбука.

Георгий любил уходить на работу. Собирался быстро, сноровисто, предвкушая первый за день прогон по маршруту. Но каждый раз, уже завязывая шнурки у порога, каменел лицом и спиной в ожидании неизменного ритуала. Мать открывала дверь своей комнаты и, провожая сына, заботливым голосом интересовалась:

– Гоша, ты свою думочку не забыл?

Если бы можно было ответить так, как хотелось, многие тысячи нервных клеток Георгия остались бы в живых. Но им приходилось умирать. Когда Георгий оборачивался к матери, его лицо обретало обычную невыразительность, растянутые в вымученной улыбке губы обнажали верхнюю десну с мелкими зубами, и он выдыхал:

– Да, мам, всё в порядке.

Маршрут седьмого троллейбуса начинается на Калужской площади. Георгий терпеливо ждёт, пока утренние пассажиры закончат битву с турникетом и своим плохим настроением. Сильные добегают до свободных мест, счастливые встают у окна, нерасторопным достают чужие рюкзаки на уровне лица. Поехали.

После того как отзвучит стандартная запись, Георгий, вопреки инструкции, включает микрофон:

– Доброе утро! – говорит он. – Сегодня будет тепло, около двадцати градусов. К вечеру обещали дождь, но короткий и с радугой. В Нескучном саду живут самые дружелюбные белки. Если вы соберётесь познакомиться с ними, то вам нужно выйти через пять остановок.

Мягкий баритон Георгия, наполненный обертонами и чуть монотонный, плывёт по салону. Голос колдует, завораживает. Хмурые лица разглаживаются, женщины начинают улыбаться уголками губ, как разноликие Джоконды. Лучший водитель восьмого троллейбусного парка работает.

Переход

Визг тормозов бился в ушах. Радиатор «вольво» обдавал горячим воздухом. «Телефон бы не разбился», – Ирина Сергеевна отрешенно поглядела на упавшую сумку.

– Ты что, овца, вообще по сторонам не смотришь?! – пунцовый водитель выскочил из машины. – Сама под колёса лезешь, а я за тебя сидеть должен!

– Вообще-то, это пешеходный переход и вы должны остановиться и пропустить меня, – Ирина Сергеевна удивилась, как ровно звучит её голос, хотя сердце пульсировало где-то в горле. – Это вы не смотрите, куда едете.

Она подняла сумку, обошла стороной орущего водителя, как обходят брехливого бесхозного пса, и продолжила путь. Испуг таял с каждым новым шагом, мысли возвращались к конечной точке маршрута.

– Эй, постой. Да остановись же!

Ирина Сергеевна не сразу поняла, что это ей. Наглый «вольво» полз вдоль тротуара параллельным курсом. В открытом окне виднелось вернувшееся нормальный цвет лицо хозяина автомобиля.

– Ладно, я тоже был виноват. Садись – подвезу, куда тебе надо.

– Спасибо, я сама.

– Садись, говорю. Может, я извиниться хочу, – в голосе водителя звучал вызов. – Куда едем?

– Езжайте прямо по улице, я покажу.

– В гости, что ли?

– Нет. Хотя... Да, в гости. Здесь налево. Вот, приехали.

– Что это за место такое?

– Это детский центр онкологии.

– Ёперный бабай! У тебя тут ребенок?

– Нет. То есть да. То есть Коля – не мой ребенок. Я волонтер. После развода совсем расклеилась, и меня подруга сюда привела. Сказала, что здесь мозги на место встанут. Правда – встали. Теперь смешно вспоминать.

– А Коля кто?

– Просто восьмилетний мальчик.

– Как моя Катька!

– У него лейкемия.

– Шансы есть?

– Нет. И Коля об этом знает. Я приезжаю каждые выходные. Мы с ним «Трёх мушкетёров» читаем. Знаете, чего он больше всего боится? Что не успеет прочитать продолжение – «Двадцать лет спустя». А я боюсь первой минуты нашей встречи: мне стыдно, что я останусь жить. Коля мне помогает: спрашивает о чём-нибудь, сам рассказывает. И я с собой справляюсь.

– Помочь совсем нельзя?

– Нет. Только быть рядом, пока можно.

– Завтра воскресенье. Ты ведь... вы ведь завтра к нему тоже поедете? Давайте я вас опять доведу. Сюда от метро далеко идти.

– Вас как зовут?

– Авдеев. То есть – Виктор. А вас?

– Ирина Сергеевна. Спасибо, что подвезли. Тогда до завтра.

– До завтра. Жду вас в одиннадцать у того перехода, где... ну знаете – где мы встретились.

Анна Народицкая

Снежным безмолвием накрыло город. Москвичи, привыкшие за последние годы к европейской зиме, совершенно растерялись, идут неспешно, разгребая на ходу эту нетронутую целину. За ночь вытало так много снега! Дети и собаки, наоборот, радостно носятся, повизгивая, смеясь и рассыпая вокруг себя высокие белоснежные сугробы. Отвыкли мы, отвыкли. Так и хочется спросить: разве это чудеса, что снега навалило в феврале?! Вот не ожидали! А если вспомнить? Ведь так было раньше, там, откуда мы родом. Мы все родом из детства, из воспоминаний, из наших эмоций и ощущений! А там была снежная и морозная, солнечная до слёз зима. Там были бриллианты искр на белоснежных сугробах. Мы поливали их чернилами из ручек, и яркие пятна живописно растекались по снегу, словно акварель по мокрой бумаге. Там и тогда мы ели с хрустом кристально чистые сосульки, и нам было вкусно! Мы, глупые дети, лизали качели, дверные ручки и ворота – кто во что горазд – и прилипали к ледяному металлу намертво! Было больно и смешно одновременно. Было хорошо, по-родному...

Я задумалась, как такие тонкие и хрупкие ощущения, соединяясь в единое целое, создают по крупницам целую жизнь? И где его начало, исток? Вот мой дом, моя улица, вот то время и место, откуда я родом. И где-то там, в пространстве материки живёт счастье и тянется тонкой трепетной нитью в моё «сегодня»!

Шагая не спеша

Утро всегда начинается с грохота мусорных баков. Большая, похожая на жука пожарника машина, жужжит, пытит и бесцеремонно швыряет огромные металлические коробки, вытряхивая мусор в свои недра. Конечно же, я просыпаюсь! Но я давно уже привыкла и к этим звукам, и к пробуждению под аккомпанемент «помойного жука». Меня не раздражает даже ранний подъём – если организм потребует, потом досплю. Небо улыбается мне из окна каждое утро всю мою жизнь. И я отвечаю взаимностью. Я люблю свой дом, улицу и весь этот город. Москва... Все по-своему видят её и по-разному описывают жизнь в ней. Попробую рассказать вам, мои дорогие читатели, о той Москве, которую вижу, чувствую и люблю я.

Итак, утро началось. Дотасив спящее ещё тело до ванной комнаты, фокусирую взгляд на отражении в зеркале. Вижу там то же самое, что и вчера. Значит, всё в порядке. Позавтракав и выпив регулярную чашку зелёного чая, действительно осознаю, что проснулась. Мозг начинает услужливо подсказывать запланированные на сегодня дела. Привычными, отработанными движениями руки рисую «красоту» на лице и, обретя «страшную силу», покидаю любимое гнездо. Независимо от того куда я отправляюсь, со мной всегда мои друзья – наушники и MP3-плеер. Но они пока в сумке, на всякий случай.

Для меня город полон музыки – и в прямом, и в переносном смысле слова. Весной, когда птичьи голоса пробиваются сквозь грохот магистралей, я слушаю истинную мелодию города. Все звуки становятся особенными. Весну в Москве можно услышать с закрытыми глазами. По-другому шуршат машины, звонко раздаются обрывки фраз проходящих мимо

людей. Радостно чирикают воробьи. Город наполнен музыкой и живой энергией. Он улыбается мне. Подставляю лицо ранним солнечным лучам и кожей чувствую – греет! Вокруг по-весеннему одетые прохожие бегут по зимней инерции, торопятся, даже если нет необходимости спешить. Будто хотят скорее в тёплое метро или офис. В Москве вообще все куда-то бегут. Везде: на пересадках в подземке, на улице, в торговых центрах. Даже покупки совершают быстро. Скорее, скорее! И при этом обязательно опаздывают, независимо от скорости передвижения. «Эх! Опять не успел! Не вскочил в нужный вагон! Эх! Застрял в пробке! Что за напасть!»

А ты оглянись. Посмотри, послушай. Ведь это твой город, твоя жизнь. Этот день СЕГОДНЯ! Он больше не повторится! Ну что стоит запастись лишними минутами и пройти по улице чуть медленнее. Ты же можешь не увидеть это небо, которое так похоже на море. То в нём бушует свинцовый шторм, то воцаряется яркой лазурью штиль. Подними голову, там всё ещё летают птицы, а не только самолёты, оставляющие длинный белый лохматый след. Смотрю на эту пушистую линию в небе, и мне представляются пассажиры, которые завтракают в облаках в предвкушении дивного отдыха на побережье. Но гораздо ниже самолётов, расправив крылья, парят птицы. По-весеннему встав на крыло, нарезают круги, проводя разведку на местности. Птицы в нашем городе – особая категория жителей Москвы.

Например, голуби, отъевшиеся на помойках и выжившие в лютые морозы благодаря сердобольным бабушкам, выгуливающим внуков.

– Гули, гули! – приговаривают старушки, а за ними и дети, разбрасывая хлебные крошки по снегу.

А «гули», больше похожие на морских свинок, семян, торопятся, как настоящие москвичи, переваливая свой солидный живот с лапки на лапку. Забавно наблюдать за ними, представляя, что это не

голуби, а много маленьких Обломовых в тёплых халатиках бегают босиком по снегу за хлебушком. Шустрые воробьиные комочки не успевают выхватить свою долю из-под жирненьких клювов голубей. Не беда, у воробьёв своя столовая.

Мне кажется, что воробьи в Москве похожи на крошечных Суперменов с буквой на выпяченной груди. Только у тех буква «S», а у наших малышей «М». Но не от слова «малыш», а от «Макдональдс». На Пушкинской площади, среди столиков открытого кафе, собирается воробьиная мафия. У них своя иерархия. Некоторые сидят поодаль и скромно ожидают случайно брошенных крошек. Другие скачут по перилам ограждения, чирикают и явно намекают на свои пустые желудки. Но самые наглые и уверенные в себе, а может, в нашей неповоротливости после съеденного обеда, присоединяются к трапезе в буквальном смысле слова. Маленькие мафиози, обхватив миниатюрными лапками спинку стула, внимательно косят глазом в сторону тарелки, будто прицеливаются. А потом вдруг соскакивают на стол и быстро подбирают упавший с тарелки картофель. Суперворобьи не боятся нас, эти птицы «подсели» на фаст-фуд, как люди.

Вороны никогда не позволяют себе такого панибратства. Они уже мутировали настолько, что скорее напоминают человека. Воруя, хитрят, защищают своих детей, смело бросаясь на наши головы. Ну кто не попадал в воронью немилость только за то, что прошёл под деревом, на котором тихо спят в гнезде воронята? Московские вороны – птицы цивилизованные. Попробуйте согнать наглую захватчицу с балкона, если у неё свои планы на обустройство жилья. Одна моя знакомая сражалась с вороной в течение года за право пользования балконом. Птица упорно устраивала там гнездо, невзирая на нападки хозяйки квартиры. После долгих и мучительных военных действий измученная женщина, конечно, от-

стояла свои права. Вороне пришлось уступить. Что ж, каждый ищет себе дом.

Кстати, дома в нашем городе, тоже имеют своё особое архитектурное сообщество. Здания в Москве живые, со своим характером, и выглядят совершенно по-разному в разное время суток. Ночью гигантские строения плывут в тёмном небе, словно корабли в океане. Чем больше темнеет небо, тем сильнее дома сливаются с ним, становясь похожими на призраки. И только ряды огоньков на высотных крышах, напоминающие дорожку лётного поля, не дают забыть о реальности. Днём же дома просыпаются и басовито переговариваются между собой. Они дружат и любят, ссорятся и мирятся, совсем как мы. Потому что, так же как мы, они разные.

Большие и агрессивные современные небоскрёбы дерзко и вызывающе пялятся с облачной высоты на город. Они похожи на прогрессивную молодёжь. Здания соревнуются между собой: кто выше, кто круче и современнее. Им нет дела до остальных, и общаются такие дома только между собой.

– Доброе утро, сосед! Как дела, какой этаж достроили? – спрашивает стеклянный гигант, похожий на белый океанский лайнер.

– Доброе, доброе! – улыбается пластиковыми окнами новенькая высотка. – Восемнадцатый прошли, ещё мало. Вот когда до двадцать пятого дойдём, тогда... Ох и отделку мне обещали! Суперматериалы!

А в это же время в центре города, на Тверской и Арбате, красуются, воображают здания начала двадцатого века. Дома хвастаются изящными архитектурными нюансами, старинной лепниной и благородными подъездами. Между ними совершенно некстати втиснулись модные магазины. Старинные постройки, украшенные гламурными витринами, не желая сдаваться неумолимому времени, выстроились в ряд, как кокетки, маня и сверкая неоновыми огнями. словно старухи с благородной сединой, небреж-

но накрасившие сморщенные губы ярким пурпуром и напялившие на дряхлые бёдра мини-юбки.

Тем не менее, старые дома хорошо воспитаны. Они регулярно и вежливо справляются о здоровье давних приятелей – сталинских высоток. Эти добротные и важные строения – как персональные пенсионеры с выслугой лет, опытом жизни и хорошей пенсией. Крепко опираясь на землю мощным фундаментом, они указывают шпилем-пальцем в небеса, намекая на свою приближенность к высшим мирам сего. На фасадах этих внушительных зданий солнечными бликами сверкают окна, словно ордена и медали на широкой груди. Дядьки-высотки охотно поддерживают светскую беседу со своими давними подругами. На здоровье не жалуется, мол, ещё долго простоят. А почему бы и нет? Личности они серьёзные, надёжные. Подходишь ближе, и невольно трепет охватывает при взгляде на такую мощь.

Последним звеном моих архитектурных наблюдений стали так называемые новостройки середины прошлого века. Конечно, они уже давно не новые, но название сохранилось. Блочные и панельные коробки белого и серого цветов похожи друг на друга, как отражение в зеркале. Здания совершенно одинаковые, какими были и мы когда-то, одетые в штампованные вещи советских времён.

Дома-близнецы давно уже стали темой для шуток и анекдотов. Тяжёлой поступью и плотными рядами они пришли и заполнили все пустыри и свободные пространства в пределах и за пределами города. Эти строения, как рыночные торгаши, толпятся, бубнят и влезают в чужие разговоры. Их никто не слушает, но они всё равно ворчат и вспоминают былые времена. Тогда было лучше и слаще, и не писали в лифтах, потому что лифтёрши были грозные, а почтовые ящики висели около каждой двери. Дома митингуют, размахивают красными галстуками, и в скрипе каждой форточки отчётливо слышится слово «со-

циализм». И до тех пор пока их не снесли, блочные и панельные дома будут напоминать о советских временах.

Спускаюсь в метро. Вот тут-то мне и пригодятся мои друзья, притаившиеся в сумке. Шум прибывающих поездов будет слышно всё равно, но находиться глубоко под землёй, слушая музыку, намного приятней. К тому же не одной только мне приходят в голову подобные идеи, каждый второй пассажир метрополитена в наушниках. Главное, не проехать свою станцию, не прозевать, заслушавшись приятными звуками.

Захожу в вагон, нахожу комфортное место, где меня никто не пихает, и расслабляюсь. В моём музыкальном арсенале множество разных направлений: блюзы, ретро-музыка 40-х годов, восточные ритмы и энергичный транс. Слушаю ту музыку, которая подходит мне в каждый отдельно взятый момент. Сейчас, например, латиноамериканские ритмы как нельзя лучше соответствуют ситуации. В вагоне много молодёжи, и мне начинает казаться, что все движения тел, рук и ног пассажиров точно соответствуют ритмам моей дискотеки. Вот по проходу пробирается девушка в узких джинсах. Её стройные бедра покачиваются, словно танцую сальсу. Мужчина, сидящий напротив, резко повернул голову – бум! (удар барабана), малыш хлопнул ладошками – блямс! (тарелки). И руки на поручнях задвигались – ритм. Двери открылись, люди выходят, их ноги удивительно совпадают со счётом – раз, два, ча-ча-ча.

Но вот и я в ритме самбы наконец-то покинула вагон и плыву по эскалатору. Наверх! На воздух, на свободу! Вновь иду по улице любимого города, и мне всё в нём нравится. Вот только бездомные кошки и собаки заставляют приостанавливаться и снова и снова объяснять самой себе, что всех сразу я всё равно не смогу приютить. А жаль... Эх, моя бы воля, огромный дом заселила бы этими бедолагами. Бук-

важно за шкурку тащу себя дальше. Утешает только мысль о приближающемся лете — животные на улице не замёрзнут. Словно в подтверждение моих мыслей из подвала вылезает чёрная кошка с пушистыми малышами. Около дыры в подвал стоит жестянка с молоком, а на газетке приятно розовеет кем-то заботливо нарезанная сарделька. Мохнатое семейство принимается за обед. Котята лезут к молоку, и нежная мать уступает им. Сама же внимательно следит, чтобы вовремя дать детям сигнал к отступлению в подвал. Я улыбаюсь: эти не пропадут. Здесь о них заботятся. В очередной раз успокоившись за судьбу братьев наших меньших, продолжаю путь.

Перекрёсток. Призывно подмигивая зелёным глазом, светофор подманивает пешеходов. Машины, торопясь проскочить, по-весеннему сигналият, радуя разноцветьем выпуклых бочин. Город умыт и готовится к новому сезону отпусков. Пахнет дождём и солнцем, свежей землёй и неизменной масляной краской. Гастарбайтеры на корточках и с пахучей кисточкой в руке перемещаются от одного газона к другому. Ограждения приобретают яркий цвет. Тут и там попадаются прилепленные на свежую краску листки бумаги с надписью: «Осторожно, окрашено!» Точно весна пришла! А на моей улице рабочие в апельсиновых комбинезонах управляют шумной машиной, которая пыхтит и ползёт по дороге, оставляя за собой новенькую разделительную полосу. Я поднимаю голову и сквозь кружево нежной пробивающейся листвы вижу небесный океан, исчерченный многочисленными белыми линиями. И там тоже торопливое движение, подумалось мне. Это же небо над Москвой, а значит, тоже часть большого города.

Ближе к вечеру, когда на темнеющем небосклоне чётко прорисовываются силуэты домов, Москва утрачивает дневную суету. Из открытых форточек доно-

сятся запахи готовящегося ужина. Можно запросто определить, где и что будут подавать на стол сегодня. Город стоит у плиты. А ещё позже в окнах будет мерцать свет от работающих телевизоров, быстро мелькающих цветной рекламой. Привычный атрибут обычного городского вечера. Приближается ночь.

Утром я снова открою глаза и увижу небо, а под ним мой город. Завтра будет другая музыка и другие цвета и звуки. Но всё равно это будет мой город, мой мир, мой дом.

За тридевять земель *(эротическая сказка для взрослых)*

«Женщина она испорченная! Да что там, прямо скажу, гулящая! Клейма на ней ставить негде. Характер дрянный! Просто стерва она, вот и всё!» – так яростно плюётся Леший, вспоминая про свою давнюю и безнадежную страсть – Бабу-ягу. Бабой-ягой все её звали по привычке, имечко-то у неё непростое – Ядвига. Разве выговоришь? Ну вот и сократили до невозможности. А Алексей, Леший то бишь, ласково по имени к ней обращался, но это ежели надежда какая на взаимность просыпалась. А когда Яга его метлой гоняла, так он всё по лесу шлялся, жаловался вроде как да слова оскорбительные бубнил. Давно уж эта канитель тянулась, почитай, не один век, да только никак не давала вредная баба Лешему доступа к интиму! Вот и елозил он по ночам в своём шалаше, всю мебель отполировал ненароком.

В позапрошлом годе маненько оттаяла Ядвига, позвала ступу чинить, прохудилась, видать. Лёша и рад услужить, глядишь, размякнет баба и допустит до тела. А тело у неё... Ух! Хоть и в годах Баба-яга, а всё ж таки справная и сочная, соблазнительно боль-

но. И как тут удержаться? Залатал Лёша ступу и айда кадрить Ягу! И так приобнимет и эдак в уголку прижмёт – выскальзывает, окаянная! Только Леший поцеловать её приладился, так эта карга клюку в одну руку, метлу в другую и бедолагу из избы ка-а-ак пинанула! Так мало того, ещё по тропинке метров сто гнала и голосила на весь лес: «Ишь ты, повадился, озабоченный! Совсем, что ли, из ума выжил? Я тебе не кикимора какая-нибудь! Охолони, и чтоб духу твоего рядом с моей избой не было!»

Метлой ещё напоследок в сердцах махнула, вроде как пригрозила, развернулась и пошла. Да как пошла-то! Пританцовывая и нехило виляя задом, напоминающим небольшой комодик. А Леший, глядя ей вслед, так и застыл чучелком и на этот зад преданно с вожделением смотрит. Стоял так, вздыхал, пока не стемнело. Повесил Леший голову и попёрся к медведю в берлогу. Медведь – собеседник хороший, не перебивает, только ворчит иногда. Вроде как сочувствует. Идти пришлось, как говорится огородами, в обход то есть. Ежели напрямки податься, так через озеро лесное идти придётся, а там русалка! С ней тоже всё не слава богу. Приставучая – жуть! Как ни придёшь, она из воды вынырнет, хвостом неприлично подрагивает, глаза закатит и зазывно так поёт: «Лё-о-ошик, Лё-о-ошик!»

«И на что она рассчитывает? – думал Леший, шагая по тёмной тропке. – Так-то она девка недурная, может, хорошая даже. Одинокая опять же. Но ведь намаешься с ней! Вечно мокрая, и хвост этот мешается. С какой стороны подступиться, непонятно. Какая уж тут любовь? Одни нервы! – вздохнул Лёша. – И знает ведь про мои страдания безответные, а всё туда же. Говорил ей не раз, Бабу-ягу люблю! Нет, не понимает, всё лезет со своими перепонками, щекочет! Да и рыбой от неё за версту несёт! Так воняет, что даже поганки вокруг стоять не могут, как подко-

шенные падают, не то что... Тьфу! Пропать!» – сплюнул Леший.

Вскоре вблизи показалась заваленная ветками берлога. Леший, шумно протискиваясь и искусно матерясь, полез внутрь. Медведь поднял голову, тихо буркнул и, обречённо вздохнув, подвинулся. Леший наконец уселся и, притулившись к тёплой и немного взопревшей шкуре зверя, похлопал его по спине.

– Извини, косолапый, спать тебе не даю. Но ты уж пойми, друг, опять Ядвига на меня осерчала. Как собака злая, а ведь сама звала-то! Я так кумекаю – она роковая женщина! Небось, приворожила меня и глумится теперь. Ведьма! Что думаешь, Потапыч?

Медведь тихо всхрапнул.

– Ну вот и я так думаю! – согласился Леший. – Хотя Ядвигушка моя – баба хозяйственная, невеста завидная. Запасов всяких у неё видимо-невидимо! И травы, и ягоды разные, грибы и корешки, рыба да живность мелкая. Хошь, колдуй, а хошь, бульон вари. С ней не пропадёшь. Только и я не нахлебник. Гостинцы исправно ношу, да! То шкуру лисью, то шапку кроличью, а то и фуфайку медвежьей шерсти.

Медведь резко вздрогнул.

– Да не бойсь ты! Я ж не убиваю никого, ты что!? Вона охотники да туристы как меня увидят, дык со всех ног драпают! Столько всего оставляют! Эт-та я зазнобе и таскаю. Пусть потешится, глядишь, по-добрееет. Только я так смекаю, что вряд ли. Не желает она шуры-муры со мной крутить. Она, вишь ли, сохнет по Кашею. А что по нему страдать-то? Он хоть и заморский прынец, да старый больно, не смотри что богатый. Неизвестно ещё, годный он к ентому делу-то или нет? Все ж знают, что у него игла в яйце. Дак мало того, яйцо вообще в утке! И какой от него толк? Где ему силы на амурь взять? Ходит, костью гремит! Того и гляди рассыплется. А вот, поди ж ты, сохнет, окаянная, по этому супостату,

ага. Сам видел, сэмээски друг другу с совами шлют! Не патриотка Баба-яга, не патриотка! Простого русского мужичка ни в грош не ставит! Так унижает!

Леший утёр грязным рукавом глаза.

– Давеча как рывкнет: «Не люб ты мне»! Ага, прям так и сказала, что в лоб поленом звезданула! Ох, обидно! И чевой-то я ей не люб?! Всем мужик справный, да ладный. Опять же шалаш у меня просторный и участок большой, почитай пол-леса. Надёжный я, верный. Ну да, могу выпить, а кто ж не пьёт?

Леший ткнул медведя локтем в бок. Медведь рыкнул и облизнулся.

– Ну, вот и я о том! – кивнул Лёша. – Нонче ругалась, клюкой трясла, а сама фигуру мою тайком оглядывает. И пошто заигрывает? А то заглянул я как-то в ейное окошко, а Яга там мои подарки примеряет. Гляди-тка, бережёт, не выкинула... Мобить, нравлюсь я ей как мужчина, а с Кашеем она из-за денег? А, Потапыч? Ты спишь, что ли, косолапый? Ну, ладно, пойду я.

Брёл Леший по ночному лесу и думу думал: «И как дальше жить? Силой её взять, что ли? В шалаш затащить и ага! А коли распробует силушку мужскую, так и полюбит! Как знать? Нешто я хуже Кашея?»

Много вечеров горевал Леший, закусывая водку мухомором (верное средство для мужской силы). Всё решался обнаглеть и на приступ Ягу взять, да так и не решился. Добрый же мужик, не насильник поди!

Минуло две зимы. Медведь, обалдевший от недосыпа, перебрался в соседний лес и вырыл новую берлогу. Баба-яга каждый уик-энд летает в ступе за тридевять земель, к Кашею. Гостевой брак у них, видите ли! Лёша больше к Яге не ходит – что зря лапти топтать! Смирился. Только иногда редкой ночью сидит он на пригорке под большой луной и, руга-

ясь последними словами, вспоминает бывшую возлюбленную. А потом, утирая рукавом глаза, Леший высматривает в небе силуэт ступы с Бабой-ягой, размахивающей метлой на фоне ярких звёзд.

Ближе к утру под дружное кваканье лягушек в соседнем пруду плетётся Леший к своему шалашу. Из шалаша назойливо тянет рыбой, кто-то негромко напевает, и слышится редкий, противный всплеск. Лёша тяжело вздыхает: «Да, как говорится, на безрыбье и сам с рыбой ляжешь!»

Колючее счастье

Ёжик страдал. Ему хотелось любить и быть любимым. Но в порыве сильных чувств бедный зверёк всякий раз невольно причинял боль тому, кто оказывался достаточно близко. Поэтому, чтобы не ранить того, кто был дорог, приходилось любить на расстоянии. Ёжик смирился с судьбой и отстранился не только от самых близких и любимых, но и от всех-всех. В ответ, ВСЕ тоже любили его на расстоянии. Из-за этого эмоция, какой бы сильной она ни была, расплёскивалась по дороге к объекту любви, и до цели долетал лишь невнятный отзвук.

– Я люблю! – громко думал ёжик.

«У-у-у!» – долетало до объекта любви. Это звучало не как объяснение в любви, а как проявление тоски и депрессии. Поэтому в ответ издалека звучало: «Не грусти-и-и!». Но до ёжика долетало: «И-и-и-и-и?»

– Что это ещё за «И-и-и?» Что же им ещё надо? – думал ёжик. – Люблю, и всё! Какие они эти ВСЕ неблагодарные!

Так повторялось много раз, и в конце концов ёжик обиженно замолчал и загрустил.

Но однажды, хорошо выспавшись, зверёк принял решение любить только то, что находится достаточ-

но близко, но чему невозможно было бы причинить боль. Оказалось, это довольно просто. После недолгих размышлений выяснилось, что ближе всего были его лапки. И ёжик полюбил их. Он посмотрел на свои пушистые пальчики и улыбнулся им.

– Лапки я люблю вас, – прошептал ёжик, а в ответ, лапки нежно погладили мягкое, бархатное пузико.

– Пузико, и тебя я тоже люблю, – добавил зверёк и заснул наконец счастливым.

С тех пор всякий раз, как луна появлялась на небе полном звёзд, ёжик сворачивался в клубок, гладил мягкую шёрстку на животике и пел лапкам колыбельную песенку от имени невидимого, несуществующего друга.

ВСЕ не понимали такого поведения и говорили: «Вот какой грустный и недовольный ёжик! Разве можно так уединяться, отрываться от коллектива? Это он специально свернулся в клубок, потому что не хочет быть ни с кем. Он же просто ёжик-одиночка!»

Они не догадывались, что когда сворачиваешься клубочком, то становится не видно, как вокруг радостно улыбаются друг другу парочки, как светятся от взаимной любви их глаза. Уткнувшись в свой животик, очень удобно мурлыкать лапкам приятную мелодию и отчаянно верить, что всё хорошо!

Скользкие мечты

Лягушка была уверена в своей неотразимости! Большие, выпученные глаза казались ей необыкновенно выразительными. Скользящая кожа явно указывала на то, что лягушка за ней хорошо ухаживала и регулярно смазывала от пересыхания. Перепончатые лапки казались самой их обладательнице

верхом изящества и совершенством кудесницы-природы. В общем, лягушка была в полном восторге от самой себя! Целыми днями она любовалась своим отражением в зеркальной поверхности пруда. Сидя на просторной кувшинке, красавица шлёпала время от времени лапкой по воде, и прохладные брызги освежали согревшуюся на солнышке зелёную кожу. Лягушка лениво надувала щёки и наблюдала за окружающей её кипучей жизнью соседей по пруду.

Все её подруги давно уже обзавелись семьёй и большим запасом прозрачных икринок, кучно прилепившихся к длинным водорослям. Из этих икринок довольно часто появлялись на свет маленькие и шустрые головастики. Они мельтешили, собирались стайками, играли и очень быстро росли. Довольные мамы гордо квакали на весь пруд, рассказывая о своих малышах. Лишь одна наша красавица сидела на листе кувшинки в одиночестве и грезилась о прекрасном принце!

«Однажды он непременно придёт и поцелует меня, — думала лягушка, — я превращусь в прекрасную принцессу, и мы поженимся. С такой красавицей, как я, по-другому и быть не может! Не за этих же зелёных провинциалов мне выходить замуж! Нет! Я достойна только принца!»

Поднялась полная луна, в пруду заискрились отражённые звёзды. Зазвучали вечерние песни — это местные лягушки собрались семьями и дружно квакали ночную серенаду. Но будущая принцесса не пела со всеми, она сидела на своей кувшинке и, мечтательно глядя на луну, терпеливо ждала прекрасного юношу, который однажды всё-таки появится.

Такой день действительно настал. Однажды вечером, когда лягушки дружно запели свою песенку, к пруду подошёл молодой человек. «Наверняка это принц!» — подумала мечтательница. Ясные голубые глаза и светлые волосы! Высокий рост, королевская

осанка и белоснежная улыбка! лягушка замерла, её маленькое сердечко забилося в экстазе: «Вот оно! Наступило моё счастье! Завидуйте теперь все!» Песня прекратилась, лягушки замерли, все заметили юношу и застыли в ожидании. Молодой человек стоял, глядя на яркие звёзды. Его лицо было таким прекрасным! Затем юноша опустил голову и обратил взор к поверхности пруда, словно искал что-то. Все лягушки насторожились и на всякий случай попрятались под кувшинки и водоросли. Только наша красотка обрадовалась. «Милый! – громко позвала она. – Это же я, твоя суженая! Твоя принцесса! Обрати же на меня внимание!»

Но молодой человек услышал только лягушачье кваканье. Он посмотрел туда, откуда раздавалась песнь любви, и заметил сидящую на листе кувшинки маленькую зелёную лягушечку. Юноша наклонился, протянул руку, аккуратно подтянул к себе лист кувшинки и взял лягушку на ладонь. Красавица замерла в волнении, сердце её застучало с необыкновенной частотой! «Вот... сейчас будет поцелуй! – подумала она. – Скоро! Скоро я стану принцессой и буду жить как в сказке!» Лягушка закрыла глаза. Она не видела, как юноша приблизил её к своим губам, вставил ей в рот соломинку и надул будущую принцессу.

Печенье к рождеству

Серый свет декабрьского утра с трудом пробивался в комнату сквозь плотно задёрнутые шторы. Он навевал грустные мысли и вгонял в депрессию. Софи молча слонялась по комнатам и тоскливо перебирала в памяти события прошлых лет. Войдя в гостиную, она наткнулась на торжественно украшенную

ёлку. Гирлянды волшебным мерцали в почти тёмной комнате.

«Ах ну да, сегодня же сочельник, завтра Рождество», – подумала Софи и подавила желание заплакать. Она присела на ковёр у тёплого пламени камина и вспомнила маму, мужа, сына. Как было хорошо тогда, всем вместе, и как ей сейчас их не хватает. Всё потеряло смысл и вкус. Ах как хочется Рождества вместе с ними, как прежде. Мама, вешающая ангела на ёлку, маленький Филипп, таскающий горячее печенье с противня, муж, только вернувшийся с улицы, весь в снегу, улыбающийся и румяный. Если бы вернуть всех их хотя бы на миг! Но это невозможно. Уже три года Софи не видела любимых лиц, не слышала их голосов. Она чувствовала себя пленницей этого дома.

Вечное пребывание в одиночестве мучило её, и только портреты на каминной полке напоминали о былом счастье. Грустные скитания по квартире привели Софи к большому ажурному балкону. Она посмотрела вдаль сквозь прозрачное стекло. Силуэт Эйфелевой башни, которую Софи всегда так любила, только добавил боли и отчаяния. Да, она хорошо помнила: то был июльский воскресный день, яркое солнце поливало лучами зелёную траву на лужайке. Это муж тогда задумал семейный пикник с видом на Эйфелеву башню. А Софи сказала, что всё это сладкая банальщина, но потом всё же согласилась. Он всегда был неисправимым романтиком, её Матис. Как же весело смеялся маленький Филипп, когда Матис запускал воздушного змея! Жаль, что она тогда не понимала, что этот миг счастья больше никогда не повторится. А потом наступила осень, и тот проклятый дождливый вечер, и авария...

– Вы собираетесь завтракать или нет? – пожилая женщина в нарядном фартуке просовывает голову в проём кухонной двери. – Сколько можно вас ждать?

Сегодня же сочельник! Матис! Филипп! Ваше любимое печенье к чаю готово!

В гостиной у камина, на полдороге в кухню, застыл невысокий темноволосый мужчина. Он печально смотрит на семейную фотографию. На ней, обнимая мужа и сына, улыбается Софи, словно это было вчера.

– Папа, – взял отца за рукав Филипп, – пойдём, печенье остынет! Бабушка зовёт же!

– Да, сын, сейчас идём, – вздыхает Матис, – я просто опять заскучал по нашей маме. Не верится, неужели три года прошло...

– Папа, – тянет за руку Филипп, – но ты же сам говорил, мама теперь у ангелов, значит, не надо грустить! Ведь же завтра уже Рождество! Пойдём завтракать.

Ольга Уваркина

Тема «Откуда мы родом?» слишком обширна в истинном понимании: от истоков зарождения самой жизни на планете Земля до познания и изучения родословной конкретного человека.

Для меня этот путь навсегда останется непостижимой тайной. Всё, что знаю я о себе, теряется на рубежах второго колена. Не осталось ни записей, ни воспоминаний о прадедах, которые жили и трудились на земле московской, рязанской и нижегородской...

Можно гадать, фантазировать на уровне полёта мыслей, предчувствий, подкреплённых знанием истории быта и края, в котором жили предки, чтобы вообразить и понять: почему ты такая и что в тебе заложено пращурами. Любовь к самой жизни, неисчерпаемой красоте природы, умение радоваться дню, жизненная мудрость выживания: не пасовать перед вывертами судьбы...

Разве этого мало? Я благодарна своим родным – близким и далёким – за тот свет и тепло, которые меня согревали с самого рождения. О них и хочу написать в этой теме, чтобы память об этих людях осталась в строках моих рассказов.

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский институт электронного машиностроения. Пишу стихи в различных жанрах и короткие рассказы. Была неоднократно победителем в различных сетевых конкурсах. На тексты некоторых стихов написаны песни для авторских альбомов. Имею публикации в сборниках, альманахах, газетах и журналах начиная с 1999 года.

Последняя публикация в сборнике «Московский Дом» в 2017 году.

Член МСП «Новый Современник» и Московского салона литераторов.

Рябиновые бусы

К началу августа жара спала, и ребята меньше бегали купаться на речку. Юльке бабушка так и сказала: «Вода ноне холодная стала. Илья Пророк лединичку в Оку пустил. Вон, слышь, гремит, опять едет...» Тут бабушкин звонкий голос переходил на таинственный шёпот, и она осеняла себя крестом.

Где-то вдалеке гремел гром и чернели тучи. Видимо, у святого были свои нерешённые задачи. Но как усидишь дома, когда ещё тепло и лето манит на улицу, на простор...

«Айда в Тагаву! – предложил подбежавший к окошку Славка. – Там уже все собрались: и Серёга Лёвочкин, и Иринка, и Галка. Может, Наташка тоже пойдёт. Говорят, орехи поспевают. Серёга с Вовкой недавно туда бегали, столько набрали, полные рубахи напудили...» – вздохнув, почти скороговоркой выпалил коренастый пацан, и глаза его, озорно прищурившись, брызнули синевой.

В Тагаву шли весело. Славка всё рассказывал какие-то истории. Худенький, веснушчатый и загорелый Серёга постоянно его перебивал и старался уточнять разные детали, как бы делая более значительным своё присутствие в каждой истории. Девочки слушали рассеянно, потому что их постоянно что-то отвлекало: то яркий цветок, распустившийся на обочине поля, то котятка, пригревшаяся на солнышке возле скотника, то поздние ягоды малины, кое-где свисавшие с куста. Их же непременно надо было сорвать кому-то первой и отправить в рот...

Юлька помнила наказ бабушки: не брать котят на руки и не тискать. Очень хорошо ей запомнилось, как прошлым летом заразилась она лишаем от такой чрезмерной любви к маленьким очаровашкам. Пришлось лечить эту заразу до самого отъезда в Москву. Обидно, конечно, смотреть и не

трогать. Вон местные играют с котятами, и всё им нипочём.

Склоны Тагавы заросли густым орешником да рябиной. Кое-где росли дички яблони. Серёга, красуясь перед девочками, сорвал яблоко и, не морщась, с хрустом начал смачно жевать, всем своим видом показывая, как ему это нравится. Юлька сморщилась, но промолчала.

Порвали на пробу орехи в разных местах, наклоня ветки и забираясь то выше, то ниже.

«Рано, – решительно подвёл итог Славка. – Пустые или молочные... Сладкие, конечно, но много не соберёшь и неохранишь. Пусть созреют. Позже придём, через недельку», – по-хозяйски распорядился он.

«Девочки, а может быть, рябины немного соберём, наделаем украшений. У бабушки марли попрошу на костюмы. Устроим концерт для взрослых с народными танцами, – Юлька вытянула две руки к небу и, качая головой в такт движению рук, пропела несколько запомнившихся слов из недавно увиденного в деревенском клубе индийского фильма: – Абарая-а-а-а, бродяга я...»

Всем эта идея понравилась. А Юлька подумала: «Наделаю бус, серёг и браслетов для костюма и ещё подарю бабушке. Ей это должно понравиться. Пусть порадуется».

Юлька представила улыбающееся лицо бабушки с лучистыми разбегающимися морщинками, и сама зажмурилась от счастья.

Через много лет, пытливно изучая карты местности, Юлька узнает, что не было никакой Тагавы, а был Тогайский буерак, названный так в честь князя, правителя земли мордвы и разрушившего рязанское княжество в XIV веке. Только старики об этом ещё помнили, да по-своему толковали...

Сухарь

*Светлой памяти деда моего
Гусева Сергея Петровича...*

Загудев густым, простуженным басом, пароход медленно отчалил от коломенской пристани. Сергей Петрович поспешно вернулся в плацкартную каюту, где ещё спала, беспокойно вздрагивая и всхлипывая во сне, семилетняя внучка Юля.

Стараясь не шуршать купленными в ларьке на берегу газетой и тонкой детской книжкой, Сергей Петрович осторожно положил их на столик и решил позавтракать. Вчера он не ужинал, и чувство голода противно щемило в желудке – давал знать о себе застарелый гастрит.

Может быть, сегодня обойдётся: Юлечка забудется, не станет так плакать и терзать его и свою душу?

«Вот и ситро купил в буфете, и булку сладкую, – мысленно с тайной надеждой продолжал дед. – Может, успокоится? Сколько ж можно так надрываться?»

Со вчерашнего вечера, с самой посадки, как только Юля поняла, что бабушка осталась на берегу, чтобы вернуться в деревню, на глазах у девочки не просыхали слёзы. Она не устроила истерику на глазах у пассажиров и обеспокоенного деда, не кричала громко и ничего не просила, а заплакала сиротливо и безутешно, сначала навзрыд, потом уже тише, но от этого не менее пронзительно и горько. Бабушка тоже плакала, поспешно вытирая глаза краем платка, повязанного по-деревенски со складками на висках, и кричала с надрывом в голосе, сквозь слёзы, с берега, пыталась успокоить Юлю: «Не плакай, милка ты моя! Я приеду скоро... Вот помогу Нюрке выкопать картошку и тудыльче приеду... Слушайси деда, не плакай!»

Бабушка долго стояла на краю шлюза, пока парход не отплыл так далеко от берега, что пассажиров, стоявших на палубе, стало невидно.

Юля продолжала тихо плакать до самой ночи, пока сон не сморил её. Все уговоры деда были тщетны. Она просто не слышала их. Невиданная доселе тоска поселилась в душе ребёнка, как будто оторвали от самого главного, того, с чем он жил свою маленькую и беспечную жизнь, безвозвратно, насовсем...

Юля проснулась как никогда рано. Лицо её было хмурым, и Сергей Петрович, от природы улыбочивый, даже строгий, испугавшись, что сейчас из глаз Юли опять потекут слёзы, засуетился, натянуто и заискивающе улыбнулся ей: «Ну вот и проснулась. А я тебе книжку интересную "Весёлые картинки" на пристани купил да ситро со сдобой. Вставай, поешь, потом книжку читаем».

Юля и сама умела читать с пяти лет, дед научил. Теперь она уже читала бегло и с выражением, но именно сейчас дед, ничего не ведая ни в педагогике, ни в детской психологии, каким-то внутренним чутьём, понял, что должен прочитать книгу сам, вслух. Юля должна слышать его голос, чтобы они вместе были заняты одним делом, и чтобы, в конце концов, девочке не было так одиноко наедине со своими мыслями.

Всю свою долгую и тяжёлую жизнь Сергей Петрович был добытчиком. Переживший три войны и голодовку, он многому в жизни знал истинную цену: смолоду плотничал, подолгу не бывал дома, ездил на заработки. Хозяйством и воспитанием детей, а их было семеро, занималась жена – Татьяна Григорьевна и, надо сказать, делала всё отлично. Дети стали взрослыми, обзавелись семьями, теперь и вторую внучку до школы вырастили...

Впервые оказавшись в такой ситуации, аскетичный, скуповатый на ласку, набожный и немногословный (в семье за эти качества за глаза прозываемый

«сухарём»), Сергей Петрович теперь не знал, как вести себя, и был подавлен и растерян.

Он заварил чай, почистил сваренное вкрутую яйцо, посыпав его солью, и, увидев, что внучка начала есть, открыл детский журнал «Весёлые картинки». Дед начал читать вслух – громко, расставляя акценты, излишне артистично, что было ему совсем не свойственно. Всё это время Юля молча жевала сдобу, прихлёбывала сладкий чай и ни разу не улыбнулась. Она думала о своём горе. Когда книга была прочитана, Юля опять тихо заплакала и Сергей Петрович в поисках выхода поспешно произнёс: «Пойдём на воздух, погуляем. Там красота такая: солнышко светит, берега посмотришь, – и, памятуя наказ Татьяны Григорьевны беречь хрупкое здоровье Юлечки, добавил: – Только надень кофточку и платок повяжи, чтоб в ушки не надуло».

На палубе один из пассажиров, тучный мужчина средних лет, увидев плачущую Юлю, обратился с вопросом к Сергею Петровичу: «Что это у вас девчушка второй день в слезах – обидел кто? Может, помочь чем?»

Сергей Петрович вначале возмущился таким вопросом, а потом, как-то обмяк душой от простого человеческого участия и сопереживания своему горю и беспомощности и совершенно неожиданно для самого себя... заплакал. Слезы потекли из его единственного глаза (второй он потерял в результате ранения ещё на Гражданской войне).

«Сил моих больше нет! Извёлся весь! – запричитал Сергей Петрович, – всю душу из меня вытянула! Не знаю, как и чем успокоить. Домой везу, к матери, в школу ей идтить через две недели, а бабка в деревне осталась помочь Нюрке картошку копать. А она (Сергей Петрович указал на Юлю) с двух лет с нами, матери и не видала почти, вот и плачет, как сирота... Я уж ей и книжку, и ситра сладкого... – выговаривал дед, как бы оправдываясь за своё бессилие. – Не

знаю, что ещё делать...» – уныло закончил он свою короткую исповедь. Кивая, пассажир молча выслушал монолог Сергея Петровича и вдруг предложил ему посидеть, поиграть в картишки да принять по маленькой для снятия, так сказать, напряжения.

Сергей Петрович резко изменился в лице, вытер слёзы и сухо произнёс: «Извини, человек хороший, не пью, не курю и в карты не играю смолоду. Мы, пожалуй, пойдём в каюту, ветерок нынче свежий – кабы внучка не простудилась». Он взял Юлю за руку, и они пошли по палубе к корме парохода.

Девочка, неожиданно притихнув после дедушкиных слёз, тихо спросила: «Дед, а мы ещё поживём у тебя, правда? Мы не поедем сразу к мамке?»

Обрадовавшись, что внучка уже не плачет, но и не умея лукавить, отведя взгляд от её покрасневших глаз, дед радостно, с удивительной нежностью в голосе, произнёс: «Конечно, малёнка моя, мы ещё побудем дома, ещё ночуем на Хуторской. Да ты не бойсь к матери-то ехать. Там ждут тебя, квартиру новую получили, в школу учиться пойдёшь. А мы с бабкой к тебе приезжать будем, гостинца привезём. Ты не плачь только, милка, всё хорошо будет».

А сам в это время думал о другом: «Как она теперь будет одна без нас, а мы – без неё? Уже привыкли друг к другу. Дома в семье кроме Юльки ещё двое девок, зять пьёт, а дочь Клавка всё время на работе. Посудины лишней в доме нет, спать не на чем... Нищета. Эх, да ничего не поделаешь! Жить как-то дальше надо...»

Ба

*125-летию со дня рождения
моей бабушки
Гусевой Татьяны Григорьевны
(24.01.1897 – 16.08.1972)*

В комнате натоплено ещё со вчерашнего вечера. Я сама помогала деду «кормить» чёрную голландку, пожертвовав на растопку одну старую и рваную картонную книжку-раскладушку, которую давно зачитала до дыр. Теперь после обеда меня укладывают спать.

«Так положено», – говорит Ба. Она всё знает, даже то, о чём не пишут в моих любимых книжках.

Спать не очень хочется.

«Ба, расскажи сказку», – канючу я из-под одеяла.

«Какую такую сказку?» – притворно удивляется Ба. – Я вчера её уже рассказывала. Ты эту сказку давно наизусть выучила...»

«Нет, – хитрю я, – не выучила... Расскажи ещё раз про петушка... Может, его лиса и не украдёт вовсе в этот раз. Что ж он такой глупый?»

Вздохнув, бабушка начинает в сотый раз рассказывать мне сказку. Её лицо преображается, светлеет, морщинки разглаживаются, когда она сама, увлечённая игрой в обманы и поиски наивного петушка, вдруг начинает самозабвенно и жалобно выводить почти фальцетом арию Пети:

*«Брат-кот, брат-баран,
Несёт меня лиса за тёмные леса,
За дальние поля, за высокие горы!
Спасите, спасите меня!»*

Мой мир наполняется любовью и состраданием к слабому. В нём всё предельно честно, правильно и просто. Коты, бараны и петухи – братья. Они живут в

одном доме, говорят на одном языке, ведут общее хозяйство, оберегают друг друга. Они готовы бросить все дела, когда кто-то из них в опасности и надо бежать на выручку. Всё будет хорошо...

Я засыпаю...

Корь. Приходил врач и сказал, что абажур надо закрыть красной тряпичей. Красный свет всё равно слепит. Больно смотреть и дышать. Рядом в двух шагах от моей кровати коляска с двоюродной сестрёнкой Ирочкой. Ей полгода. Она плачет, я тоже плачу и слышу, как Ба говорит обо мне: «Моченьки нет». Жизнь как будто вытащили из моего тела. Мне дают Ирочкину погремушку, но та падает из моих рук и разбивается... Или мне это только кажется оттого, что по комнате рассыпается звук?.. Я чувствую себя виноватой. Сейчас ругать будут...

Ба всегда рядом. Она даёт мне пить, гладит мои волосы и баюкает, баюкает... что-то шепчет... (читает молитву).

Август. Мне уже 10 лет. Длинные косички венком уложены на голове в «двойную корзиночку». Сатиновое платье-сарафан кружится вместе со мной по узенькой коммунальной кухне. Мне очень весело. Хочется петь. Бесконечно жую пузатые, необыкновенно сладкие краснодарские помидоры, купленные на Бутырском рынке...

Мальчишки с соседнего двора оказывают знаки внимания: прохода не дают, задираются, дёргают за бантики, а потом, как бы извиняясь за дурацкие шутки, приглашают играть в разные мальчишеские игры. К чему бы?..

«Ба, а я красивая?»

Ба смеривает меня взглядом с ног до головы, будто видит впервые. Ба застигнута врасплох. Немного помедлив, отвечает с расстановкой рязанским говорком, осторожно подбирая слова: «Уж и не знаю, как сказать, Олечка... Ну, чтоб красоты такой, так нет... Ты хорошенькия, миленькия... Так подрастёшь ещё. А там видно будет».

Бабушкины слова успокаивают и внушают надежду. Ещё не всё потеряно! Посмотрим, что будет делать этот рыжий Колька Яблонский, когда я и вправду подрасту.

Нашего дома не стало в 70-м. Я приехала посмотреть на то, что от него осталось, и долго ходила по пустым комнатам с вырванными половицами и обнажённым подпольем, смотрела на рваные, обвисшие многослойные обои, вплоть до наката, то есть той изначальной покраски стен, когда дом был ещё молод... А с тех пор прошло почти 50 лет!

Ба, тут жили вы с дедом, ваши дети и внуки. Здесь жила я. Теперь никого не осталось, и дом разрушили, убили. Он умер...

Ба, я часто вспоминаю старую толстую ветлу у нашего окна, которой тоже не стало. Сколько ей было лет?..

Моя Ба болела целых два года. Перемена места жительства явилась причиной её медленного угасания, осложнённого инфарктами.

Мне очень стыдно теперь за то, что видеться мы стали редко. Я со школы жила у родителей, училась, влюблялась, работала, готовилась и поступала в институт...

Ты никогда ни в чём не упрекнула меня. А взгляд, обращённый ко мне при наших встречах, всегда светился теплом и обожанием.

Когда пришла телеграмма, сообщающая о твоей смерти, я – девятнадцатилетняя девушка, не могла полностью осознать и поверить в свершившееся по воле Божьей. Для меня ты была святой, а потому и бессмертной... И я плохо помню себя в эти дни прощания. Я застыла в каком-то своём мире...

Запомнился момент отпевания в церкви на Новослободской улице, куда ты меня водила, Ба, причащаться, где так сладко пахло свечками и благовоениями.

Когда батюшка в последний раз перекрестил гроб и всех собравшихся около него наших родственников, дед, всегда сдержанный и не склонный к сентиментальности, снял с себя выходной чёрный пиджак и, бросив его на пол, встал на колени и произнёс дрожащим от слёз голосом: «Прости меня, бабка – жена моя Татьяна Григорьевна, за всё, в чём был я пред тобою виноват!»

Ба, ты слышала эти слова?..

И только на Долгопрудненском кладбище, когда гроб с телом начали опускать в могилу я, как будто очнувшись от сна с пониманием, что больше никогда тебя не увижу, рванулась к разверстой яме с отчаянным криком: «Ба-а-а! Возьми меня с собой!..» Чьи-то руки подхватили меня, не дав упасть, оттащили от края могилы. Я заплакала от бессилия изменить ход событий и осознания неизбежности смерти...

Я ещё много напишу о тебе, Ба. Это только начало...

Ты была моей второй мамой и первым педагогом.

Ты была целым миром, счастливым миром детства и отрочества, без которого я никогда бы не стала такой, какая есть...

Мой дядя Ваня

*...Но в безымянномobeliske,
Над Вечным, словно мир, огнём,
Ты стал родным и самым близким
В великом подвиге своём...*

Он был самым ярким воспоминанием моего детства. Вернее сказать, не сам он, а его фотография, которая висела на стене над кроватью дедушки и бабушки в маленькой комнатке старой коммунальной квартиры Москвы. Тогда мне, маленькой девочке, он казался самым красивым человеком из всех знакомых мужского пола.

Мой дядя Ваня... Открытое лицо с едва приметной улыбкой, прямой нос, слегка миндалевидный разрез глаз, чуть припухлые губы. А брови! Таких у нас в роду ни у кого не было. Сросшиеся на переносице, густые, вразлёт, брови были настоящим украшением и придавали мягкому выражению его лица мужественность и очарование.

Война... Это слово вошло в мою жизнь вместе с именем и образом дяди Вани и было страшно и безысходно, как любое горе. Дядя Ваня пропал без вести на Великой Отечественной войне за двенадцать лет до моего рождения. Бабушка часто плакала, когда, стоя на коленях, молилась богу и тяжело вздыхала, глядя на фотографию сына. Моё детское сердце не могло оставаться равнодушным: я становилась рядом с бабушкой и, как она, молилась и просила боженьку вернуть нам дядю Ваню.

Шли годы. Иногда мне казалось, что дядя Ваня где-то совсем близко, только по каким-то достаточно веским причинам не может вернуться домой. Я, оправдывая его отсутствие в своей жизни, придумывала всякие истории о том, как он, став калекой, инвалидом, скрывается от родных, не желая обременять всех своим жалким существованием, или

представляла себе, что мой дядя Ваня после Великой Победы стал разведчиком и живёт где-нибудь очень далеко за границей. Все сознательные годы я не могла смириться с безвозвратностью такой потери. Много позже, став уже совсем взрослой и волею судьбы побывав за рубежом, сначала в Германии, а позже в Соединённых Штатах Америки, я всякий раз надеялась его встретить. Как бы я узнала его? Не знаю, ведь прошло много времени и дядя Ваня, конечно, изменился. Только я почему-то была уверена, что непременно узнаю его.

А тогда продолжала ждать... Ждать вместе с бабушкой его возвращения, потом уже без неё... Летом 1972 года бабушка Таня умерла, так и не увидев своего ненаглядного.

Во всех советских кинолентах и книгах о Великой Отечественной войне незримо присутствовал дядя Ваня. Он был героем. Мне хотелось быть похожей на него. По скудным воспоминаниям родственников я создала для себя немеркнувший с годами образ своего героя. Это был самый красивый мужчина, самый внимательный и добрый сын, самый любящий муж и отец и, конечно же, самый бесстрашный воин.

И всё же, моя информация о дяде Ване была очень скупа. Иван Сергеевич Гусев родился в 1916 году (никто из родственников теперь уже не помнил ни числа, ни месяца рождения, а метрик не сохранилось) в деревне Аксёново Рязанской области Рыбновского района, в семье был старшим сыном (кроме него у бабушки с дедушкой было шестеро детей). В 30-е годы Иван переехал в Москву, где в это время уже работал его отец, окончил вечернее отделение техникума по специальности «столяр-краснодеревщик», до войны женился, за год до начала войны родилась дочь. С 1940 года проходил срочную службу в армии на Дальнем Востоке в десантной части. В 1941 году пришло сообщение о том, что Гусев Иван Сергеевич без вести пропал при выполнении боевого задания.

Все послевоенные поиски по запросам не увенчались успехом, так и остался Иван Сергеевич числиться в списках без вести пропавших.

Вот, пожалуй, и всё, что я знала о своём любимом дяде Ване. Я говорю «любимом» не случайно. Эта любовь передалась мне от моей дорогой бабушки Тани, которую я и поныне продолжаю любить всем сердцем, сохраняя о ней добрую и светлую память. Мои первые наивные детские стихи родились на острие боли сострадания и любви к этим двум родным душам:

*... И если не в когтях ты смерти чёрной,
Среди живых находишься людей,
А умер, то восстань из мёртвых,
Вернись же к бедной матери своей.
Ведь у неё глаза от слез седыми стали,
Запорошило серебром виски,
Неужто даже в самой дальней дали
Не слышишь материнской ты тоски?..*

Вера в чудо! Ты спасала меня не раз, ты всегда жила во мне подсознательно, как чудодейственный эликсир, доставшийся в наследство от далёких предков. И вот однажды...

«Кошурко Степан Савельевич», – представился поленький бодрячок, лет шестидесяти пяти, но достаточно ещё моложавый мужчина, небольшого роста, всем своим видом и улыбкой излучающий неистощимый оптимизм. Извинился за неожиданное вторжение. Я никого не ждала, но была не очень занята, кроме того, гость говорил без умолку. Ему явно хотелось общения, и наш разговор завязался. Степан Савельевич достал из объёмистого портфеля альбом и журналы и рассказал, что является руководителем поискового центра «Подвиг», занимающегося розыском без вести пропавших воинов Великой Отечественной войны. Тема была интересной. На

какое-то время мне показалось, что нет ничего случайного в этом мире. Вот она, сама судьба, прислала мне знаменитого генерал-полковника в отставке Кошурко Степана Савельевича, и я, подумав о том, что это шанс, взяла координаты нового знакомого, собрала материалы, какие только смогла, и отослала письмо в организацию «Подвиг». Это была последняя надежда отыскать дядю Ваню. Теперь я уже вполне отчётливо осознавала, что дяди Вани нет в живых, я ищу могилу, в которой покоятся его останки.

В течение четырёх лет я периодически звонила Степану Савельевичу. Он рассказывал о своих находках, извинялся и обнадеживал. Я понимала, что прошло слишком много времени, и надежды на положительный исход таяли с каждым днём. За это время в моей судьбе произошли большие перемены, связанные с потерей родных и близких людей, заставив меня на время забыть об истории поиска, но вдруг в квартире раздался телефонный звонок.

Это было как гром среди ясного неба: звонил Степан Савельевич. Он сообщил, что поиски увенчались успехом: найдено захоронение Гусева Ивана Сергеевича. Сказать, что я обрадовалась этому внезапному известию, значит не сказать ничего. Я задохнулась от счастья, нахлынувших бурным потоком слёз радости и торжества – прекрасного момента обретения родной души. Одной рукой размазывая по лицу и вытирая слёзы, другой я старалась быстро записать информацию о боевом пути дяди Вани, о месте его захоронения в братской могиле, в общем, обо всём, что в бравурно-приподнятом настроении сообщал мне по телефону дорогой Степан Савельевич. Эмоции переполняли, я то и дело переспрашивала слова, названия и даты, чтобы не ошибиться в записях, однако насторожил тот факт, что Степан Савельевич местом рождения дяди Вани назвал какой-то другой район и деревню. Вероятно, тоже волнуется, ошибся, решила я.

Моя душа пела. Она хотела поделиться вновь обретенным счастьем со всем миром. Я тут же купила справочник автомобильных дорог, нашла на карте село Ильинка на Карельском перешейке, где произошёл последний бой, в котором героически погиб мой дядя Ваня. Я мысленно была уже там, рядом. Что я скажу ему там, на его могиле: «Здравствуй! Ну вот, я наконец-то нашла тебя, родной. Я всегда помнила о тебе и долго искала. Спасибо тебе за то, что ты всегда незримо был в моей жизни и помогал сохранять свет в моей душе». Больше мне нечего было сказать.

Степан Савельевич стал часто звонить, иногда по нескольку раз в день. Из нашего разговора Кошурко выяснил, что я работаю в весьма солидной организации, непосредственно относящейся к городской администрации. Он оперативно созвонился с моим руководством, сообщив о таком торжественном и неординарном случае, как находка без вести пропавшего героя, да ещё в такие знаменательные дни, как 60-летие победы над фашистской Германией, а мне радостно заявил о том, что подключит к этому событию корреспондентов и телевидение. Оставалось ждать.

Одна мысль не давала мне покоя: почему Кошурко неправильно называет место рождения дяди Вани? Мне было неловко, но я всё же задала свой вопрос. Кошурко занервничал, в голосе его появились нотки гнева и раздражения на мою непонятливость, он попытался сбить меня с толку, сказав, что названное мной и им наименование – один и тот же населённый пункт и даже упрекнул меня в некомпетентности. На какое-то время я слегка растерялась. Этого не может быть! Снова, как вначале этой истории, я стала опрашивать родственников и наконец прибегла к помощи интернета и пересмотрела все доступные материалы об административно-территориальном делении Рязанской области начиная с правления Екатерины Великой.

В повороте событий угадывались приметы сегодняшнего криминально-бездуховного времени. У меня уже не было сомнений в ложности итогов поиска. Только одна мысль никак не укладывалась в голове и терзала душу: до какого кощунства может прийти человек, стремясь за призрачной славой. И тогда я, позвонив Степану Савельевичу, сказала всё, что думаю об этой истории и об участии в ней самого Кошурко. Больше звонков не было.

Я не хотела и не хочу быть статисткой в спектакле талантливого режиссёра чёрного пиара на сцене театра абсурда, на этом празднике лжи и лицемерия. Слишком дорога память о тебе, дядя Ваня, чтобы я смогла променять её на свет искусственных софитов и бездушных аплодисментов.

Прости меня, милый мой дядя Ваня, за то, что не смогла найти тебя на земле, не узнала, в какой могиле покоится твой прах. Прости того, кто в погоне за славой, созданной твоим великим подвигом, забыл о таких понятиях, как честь российского офицера и простая человеческая порядочность. Прости, как простила я.

*Ты друг, хотя и не дружили мы.
Ты друг, хотя и старше на полвека.
С тобой небытием разделены,
Но там лишь половина человека.
Другая часть всегда живёт во мне,
И если ты почти забыт другими,
Желаю всем напомнить о тебе
Поступками, успехами своими.
Хочу я, так как ты, в родном краю,
Без капли страха или сожаленья,
Отдать за счастье жизни – жизнь свою
У маленького русского селенья,
И не карьерою закончить путь,
А перед памятью не виноватой,
Не думая о славе ни на чуть,
Жить в памяти другой – солдатом...*

Эти детские стихи до сих пор хранятся в старой тетради...

P.S. В обобщённом банке данных мемориала «Память», который я спустя несколько лет после описываемых мною событий нашла в интернете, в графе «Донесения о безвозвратных потерях» хранится запись о моём дяде Ване: «...красноармеец 211-ой воздушно-десантной бригады (211ВДБр) пропал без вести в июле 1941 года».

211 ВДБр была переброшена с Дальнего Востока в июне 1941 года в район Юго-Западного фронта.

Вот о чём гласила последняя оперативная сводка того времени о боевых действиях войск армии:

«ОПЕРСВОДКА № 026

К 19.00 11.7.41

ШТАРМ 6 ХМЕЛЬНИК

Карта 200 000

1. 6-я армия с утра 11.7.41 г. на основании директивы командующего войсками Юго-Западного фронта подготавливала наступление в направлении Браталов, Романовка с задачей восстановить прорванные участки укрепленного района и отсечь пехоту противника от его мотомеханизированных частей, содействуя этим полному разгрому бердичевской группы противника.

2. 4-й механизированный корпус с 211-й воздушно-десантной бригадой и 637-м стрелковым полком имел задачей прикрыть направление Дубровка, Краснополь, в 14 часов перейти в наступление в направлении Волица, Дубище, но с появлением в 12 часов в районе Мотрунки, Молочки до 200 танков, угрожающих срыву окружения Бердичев, решением командующего армией корпус оставлен для прикрытия рубежа Янушполь, Петриковцы».

Теперь я, по крайней мере, знаю: где и когда пропал без вести мой дядя Ваня. Может быть, когда-нибудь появится и другая информация.

Я буду ждать...

Наталья Пунина-Орлова

Откуда мы родом? Какой ответ на этот вопрос приходит в голову первым? Конечно, из детства... О наше милое светлое детство! Как часто мы туда стремимся попасть в наших снах и фантазиях, уже став взрослыми. Туда, где деревья выше, а трава зеленее. Всем сердцем мы тянемся к этим далёким изумрудным берегам, зная, что там всегда безоблачно и светит солнце. Да что говорить, там всегда лето! Там... Но мы, мы-то здесь, навечно запечатлённые в четырех стенах своих коробочных жизней, погрязшие в рутине серых будней, «дней сурка»...

А впрочем, если пойти чуть дальше за своей мечтой – вдруг мы снова сможем вернуться пусть не в самое далёкое далёко, а хотя бы в школьные годы... Когда мы уже стали выше и взрослее, но ещё сохранили веру в чудеса... Где на самом краю осознания ещё бьётся тонкой ниточкой пульса мысль: а вдруг? Вдруг там, за поворотом, за тем самым пустырём, на чердаке, на захламлённом балконе тебе встретится сказка? И совсем неважно, что эта вера иррациональна и безосновательна. Неважно, что мы давно выросли и растеряли свою беспечность, утратив вместе с ней и связь с чем-то глубоким и древним. Неважно... Главное, на самом краешке сознания, где-то там, между узколобой логикой рационального мышления и абсурдной алогичностью бессознательного – сохранить маленькую крупинку хрупкой детской наивности, чуткости к по... ту... По... ту... чего? Кто знает... Может быть, потусторонней образности или по ту сторону занавеса... По ту сторону ВСЕГО, наконец!

И тогда... тогда свершится простое – маленькое, но самое настоящее – чудо.

Поэт, прозаик, публикуется в различных московских изданиях, член Московского салона литераторов.

К изумрудным берегам детства...

Потолок набухал и шёл от люстры крупными трещинами, как растрескивается в пустыне от зноя обезвоженная земля. Что-то это мне напоминало, и я силилась вспомнить, что... Но ничего не вспоминалось, и от этого становилось ещё мучительней и тревожней, беспокойней и больней. Таково одно из моих первых воспоминаний детства: я лежу с высокой температурой и гляжу прямо перед собой.

В потолок, что навис надо мной и растрескался. Он похож на таблетки, которые ломают для меня на половинки и четвертинки, а они сопротивляются и идут вкривь и вкось. Вот потолок сильнее набух, он тужится что-то из себя выбросить, избыть, но пузырь этот никак не прорвётся. Вдруг меня пронзает резкая боль узнавания: вот оно – это потоп!

Я вспомнила: соседи, что сверху, уехали, не закрыв кран, а может, у них просто трубу прорвало, и на нас с потолка низвергаются потоки воды. Но не просто льются, а предварительно набухая пузырями, словно в тазу бельё во время стирки, потолок, не выдерживая напора, лопается, как нарыв, и выплёскивает своё содержимое нам на головы. Мне страшно и весело одновременно, и, спрятавшись от разбушевавшейся стихии под стол, я сижу там, словно под зонтиком или крышей, наблюдая, как в расставленные бабушкой Аней и мамой по всему полу тазы и вёдра сливаются потоки импровизированного дождя. Игра, всегда игра. Так, словно я играю в жизнь, а она играет в меня...

И снова обратно, в свой бред... Я тяну к потолку руку тонкую и длинную, словно хочу проверить и на ощупь понять, что же тут не так. Белая непослушная змея, она вытягивается и вытягивается, но всё никак не может дотянуться до растрескавшегося по-

толка. А это уже вовсе и не потолок, нет! Это расширяющиеся и схлопывающиеся Вселенные. Я совсем крошечная, я ещё даже не слыхивала о теории большого взрыва. На меня несётся с огромной скоростью потолок, расширяясь и увеличиваясь до гигантских размеров. Он расщепляется на атомы и протоны и всё продолжает расти, надвигаться на меня. И нет конца этому странному полёту...

Что я чувствую? Даже сейчас, через много лет, вспоминая об этом, я чувствую странный привкус во рту и непередаваемое тяжеловато-щекочущее ощущение в животе... А тогда, маленькая, больная и несчастная, я с трудом выдерживала шквал стремительно ринувшихся на меня образов, эмоций и чувств. Это и пульсация моего тела (от маленькой песчинки до бесконечности), и головокружение и шум в ушах от скорости полёта, и смятение от неизъяснимости происходящего, и усилие хилого беспомощного существа понять что-то или вспомнить. А может, наоборот, забыть... Я мечусь по постели со слипшимися на лбу волосами – и хочу и не хочу прекращения этого замысловатого бреда.

Но на самой границе этого мучительного ощущения сопричастности к чему-то невыразимому, я проваливаюсь в спасительное небытие. Что это было? Как выразить невыразимое? Как описать неосмысленное, едва изведенное на границе чего-то непознаваемого состояние? Можно сказать, что это ощущение похоже на тонкую границу горячего чая на краешке блюдца, когда на него дуешь и вдыхаешь его пары почти единомоментно. Когда стараешься самую точку пригубить и одновременно боишься ожечься.

Или ещё тоже очень давнее детское воспоминание о полубредовом состоянии в омуте ангины, когда я вдруг стала открывать для себя миры как нескончаемую череду как будто вложенных друг в друга, но не пересекающихся вселенных, похожих на огромных странных полуматрёшек-полугармошек.

Откуда я это взяла? Я даже слов таких не знала. Возможно, это почти стёршееся из памяти детское впечатление припомнилось мне позднее и уже тогда облеклось в слова. Может быть.

В детстве я очень любила качели. Я раскачивалась на них до самого верха так, чтобы чуть-чуть не крутануть «солнышко», зависая в самой крайней точке. Какое невероятное чувство невесомости! А потом р-р-раз – и вниз с ускорением и ветром в ушах и тут же наверх снова почти до самой точки невозврата. Я укатывалась на качелях до головокружения, до стука в висках, до тошноты. Это пробуждало во мне узнавание полёта. Не иллюзорного, как падение с забора (было и такое) или полёт на самолёте, а настоящего. Как полёт во сне или, например, полёт птицы. Чувствуете разницу? Сейчас объясню. Если влезть на шкаф, настроиться на полёт, закрыть глаза и прыгнуть на диван вниз, то первая миллисекунда – это состояние полёта. Когда ты на эту миллисекунду знаешь (не просто веришь, а твёрдо чувствуешь), что можешь ЛЕТАТЬ. Это ни с чем не сравнимо, ни на что не похоже! Это и есть настоящий полёт. Всё остальное лишь иллюзия его, просто мираж. Ну ещё, конечно, полёт во сне, если память о нём не улетучивается при пробуждении.

Сны. Я умела в детстве (как и вы сами, только, наверное, вы об этом совсем-совсем забыли) управлять своими снами. А именно, заказывать перед засыпанием сюжет желаемого мультфильма или сказки. Как я это делала? Очень просто: ложилась на живот, полностью расслаблялась и вызывала в воображении яркие картинки того, что стремилась увидеть во сне. Я без труда придумывала сюжет (фантазии – хоть отбавляй), труднее было как следует сосредоточиться на воображаемой картине, ни на что не отвлекаясь. Если получалось удерживать сюжет в процессе засыпания – мне всю ночь снилась именно эта заказанная мной сказка. Игра? Конечно, игра!

Что же ещё? Я играла, как в куклы, в свои сны, а проснувшись наутро, могла до мельчайших подробностей вспомнить все свои ночные полёты. Если только сразу после пробуждения не отвлекалась на что-то постороннее. Может быть, это и были астральные полёты? Кто знает...

В куклы я играть любила и умела. Играла в них с удовольствием, я бы даже сказала, с упоением! Могла в них играть одна часами, не произнося ни звука. Весь сюжет с переживаниями и диалогами развивался только в моей голове. Я могла настолько увлечься этой своей пьесой в процессе мысленного диалога, так вжиться в игру актёров-кукол, так проникнуться насыщенностью внутреннего мира моих героев, что наяву начинала плакать из-за несуществующих коллизий своих персонажей.

А ещё любила грезить наяву. Не просто так, строя планы на будущее или мечтая что-то получить. Вовсе нет. Я уносилась мыслями в неведанные края, каких, возможно, и на белом свете-то не существует, и там разворачивала свои опусы, естественно, с собственной персоной в главной роли. То я плыла на белоснежном корабле по искрящимся лазурью, в блеске пронзительно-прозрачных солнечных лучей, морям-океанам в образе пленительной Людмилы из пушкинской поэмы (но сюжет при этом проигрывая совершенно иной). То летела на ковре, влекомом по небесной выси гигантскими орлами с крыльями размахом с гору, или даже просто плыла на облаке по молочно-белой, неземной красоты реке с берегами из чистого изумруда...

Причём я могла предаваться своим мечтам в любое время и в любом месте, что, впрочем, не особо мешало одновременно пребывать в реальности земного существования. Может быть, лишь лёгкая рассеянность во взгляде выдавала окружающим моё полуприсутствие в их мире. И что интересно: если меня вырывали из грёз насущные (а то и просто несущест-

вующие для меня) причины, я по завершении дела могла легко возвратиться в ту же минуту и картину своих мечтаний и продолжить как ни в чем не бывало разворачивать дальше так некстати прерванный сюжет...

А потом... потом я выросла, но разве повзрослела?

Рыцари Духов Света

Да-да, у Духов Света есть свои рыцари. Они жили в древние времена. Они живут среди нас и поныне. Мы просто их не замечаем. Иногда не только вокруг, но и в себе. А встреча с Духами Света – всегда Таинство. Ни с чем несравнимая сказка. Вот я и расскажу одну такую сказку, которая началась в обычной московской квартире, где жила простая школьница, девочка лет двенадцати. Девочка как раз достигла того возраста, в котором с нами перестают происходить чудеса из сказок (потому что мы перестаём в них верить), а начинают случаться НАСТОЯЩИЕ чудеса. Конечно, если мы им случаться позволяем. Звали школьницу Варей. Она, как и многие из нас, с детства просто зачитывалась сказками. Грезилась ими наяву и засыпала в обнимку с любимой книжкой.

А во сне её посещали прекрасные видения, наполненные Светом и необыкновенными приключениями, которые она, проснувшись, вспомнить не могла. И лишь неуловимо-лёгкий холодок от встречи с чем-то удивительным приятным послевкусием уплывал вдаль. В школе Варя бывала рассеянной и не слишком общительной и, хотя училась она хорошо, отличницей стать не стремилась и в лидеры никогда не рвалась. Родители её любили (единственный поздний ребёнок), но в силу вечной занятости по работе, баловали не особо. Так что большую часть времени

Варя была предоставлена сама себе и могла дать волю собственному воображению.

Внешность её была довольно заурядной: светлые волосы средней длины, зачёсанные в неизменный хвост, худощавое телосложение и на редкость малый рост для этого возраста. Обычный среднестатистический подросток. Что было в ней необыкновенного, так это глаза. Они были какого-то удивительного фиалкового цвета с небесным отливом, большие и выразительные, а при её малом росте и вовсе казались бы огромными, если кто мог бы их заметить. Но так как Варя почти всегда ходила с опущенными глазами и редко поднимала их на собеседника, заметить её удивительный взгляд мало кому удавалось.

В этот день девочка встала против обыкновения раньше. Она при любой возможности любила поспать подольше, наслаждаясь своими видениями, или, проснувшись, ещё долго нежилась в постели, пытаясь вернуть и заново пережить удивительные события сна, но родители всё равно уже ушли на работу, потому что оба трудились (как и многие из вас) на другом краю Москвы. Училась Варя в тот год во вторую смену, времени у неё до школы оставалось предостаточно из-за раннего подъёма, и, умывшись и позавтракав, она слонялась по квартире в своей обычной задумчивости, пока не услышала какое-то неясное шепуршание. Варя остановилась, прислушиваясь. Шорох шёл от балкона. Девочка подошла к балкону, надеясь увидеть какую-нибудь заплутавшую и залетевшую на 14-й этаж многоэтажки птицу, но это была не совсем птица...

В самом дальнем углу балкона, съёжившись и сжавшись в комочек (было только начало весны), сидел эльф. То, что это именно эльф, Варя поняла сразу: море прочитанных ею сказок и целый мир волшебных снов мгновенной вспышкой возникли в её мозгу, и одновременно пришло понимание. Она

аккуратно, чтобы не напугать эфемерное создание, открыла балконную дверь и шёпотом сказала:

– Доброго вам дня, господин Эльф. – Варя считала, что со сказочными персонажами и говорить следует по-сказочному: высокопарно и велеречиво. – Не изволите ли пожаловать в гости?

На что эльф довольно быстроотреагировал фразой на чисторусском наречии с почти неуловимым мягким акцентом, немного растягивая (словно напевая) гласные:

– О, благодарю, сударыня за приглашение! Все-непременнойше. Да.

Он поднялся, расправив лёгкие, почти прозрачные крылышки и шагнул сквозь проём в комнату. Варя во все глаза рассматривала гостя, пока он вежливо, как бы из-под ресниц, осматривал помещение. Роста эльф был примерно с Варю, волосы светлые длинные волнистые, расчёсанные на прямой пробор, из-под волос озорно пробивались чуть заострённые кверху ушки. Глаза огромные, светло-лавандовые. Одет немного по-старомодному в салатовый кафтан с чуть более тёмными панталонами из короткой мягкой замши (или похожего материала), светло-кофейного цвета плащ. Весь его облик словно играл полутонами и оттенками и кого-то очень напоминал Варю. Она силилась, но никак не могла вспомнить, кого именно. А эльф, согревшись и уже явно освоившись, с непередаваемой грацией поклонился:

– Многоуважаемая госпожа моя, разрешите представиться: Мегалион фа Лавант – Рыцарь Света. Позволите ли, Светозарная, узнать ваше имя?

– Варя Акулова, – смутившись пробормотала девочка. – А разве у света бывают рыцари?

– О несравненная, Ваарья Акулаа, – снова согнувшись в ещё более изящном поклоне её гость, – у Света действительно имеется множество Рыцарей. И вот один из них в моём лице к вашим услугам.

Тогда Варя, немного осмелев от благородных манер и речей эльфа, решила предложить ему выпить чаю, что он с благодарностью и принял. И так, попивая приятно горячащий и вливающий энергию в сердца и умы напиток, Мегалион поведал Варе свою историю, которую вкратце здесь и приведу.

История Мегалиона

Я родился в далёком городе Солнца, что расположен по ту сторону Вашего Мира и является по сути для него изнаночным, в королевстве Раусаа. Мой отец был главным Жрецом Солнца и женился на юной дочери цезаря Авгуртаа в Полнолуние на Второе Солнцестояние. Мать моя долго молилась Богине Луны о ниспослании здорового потомства славной династии, так как на протяжении многих Лун не могла осуществить Великое Таинство Материнства. И наконец пообещала своего первого отпрыска мужского пола отдать на служение Воинству Света по достижении им совершеннолетия. В скором времени на Свет появился я. И поскольку до своего рождения призван был встать в ряды светлого Воинства – наречён Мегалионом (от старозельфийского «Мега» – великое множество и «Легион» – неисчислимое войско). После меня на Свет явились ещё два брата и сестра. В неполные сто двадцать Лун меня отправили в ближний к городу Стан сил Света, называемый Станом Утра. Так в Утреннем Стане мне и довелось постигать все сложности и премудрости становления ратником Светлого войска.

Сейчас я уже являюсь рыцарем Космической Рати и осуществляю одно важное задание в Вашем Мире.

– Как интересно! – захолопала Варя в ладоши. – А кто такие эти Рыцари Света, и что у вас за задание? В смысле... – девочка смутилась невольным прояв-

лением своего любопытства и поспешно добавила: – В смысле, не могу ли я чем помочь?

Но эльф, словно вовсе не заметил или не придал значения её смущению и любопытству, ответил девочке спокойно и столь же велеречиво:

– Одним словом, восхитительнейшая госпожа моя, тут не ограничиться. Пожалуй, следует вам поведать о своих приключениях более подробно. Итак, во-первых, кто такие Рыцари... Гм, начнём, пожалуй, с Духов. Духов Света...

Становление Духов Света

В давние-давние времена, когда ещё даже Солнце было не таким, каким мы привыкли его лицезреть, в Порубежном Смигорье, что стоит особняком меж всеми нашими Мирами и являет так называемую центральную ось, жил на Северном горном склоне один Старец. Уже тогда он был древним. Говорят, что он помнил само Рождение этих Миров. Звали его Светозар. С утра и до глубокой ночи пребывал он в глубокой Медитации, путешествуя Эфирным своим телом по Иным Измерениям и набираясь Позитивных Эманаций, а ранним утром возвращался Рассветом в нижние Миры и пробуждал их к Жизни, полной Света и Добра.

Жители всех наших Миров знали, что есть у них свой Ману и пребывали от этого в беззаботной праздности. Добрый Светозар любил своих подопечных и старался оградить их от всех лишений. И так они пребывали долго за гранью Добра и Зла.

Но однажды старец не вернулся из своих ночных странствий, отчего в подопечных Мирах его не наступило нового рассвета. Сказывают, что долгие и долгие порубежи пребывали народы всех нижних Миров в полной тьме. Скитались они в вечном Мраке, голодные и едва живые, но так и не познали

Основ Добра и Зла. Одичали жители и почти все вымерли, пока не случилось заглянуть туда Золотистому лучику Света. Удивился лучик полному отсутствию сияния и решил остаться в этих Мирах, став первым Духом Света Солнца.

Увидели жители нижних Миров разницу между Светом и Мраком и приняли Новый Закон Бытия. Но были ещё очень слабы и физически и духовно люди, и не смогли полностью всей Сущностью своей принять Свет, и восстали против него. И было Великое Противостояние сил Тьмы и Первого Духа Света, и длилось оно Сотни Лиг Планетарного Времени. Поняли Силы Света, что терпят поражение в неравной борьбе, и отправили в нижние Миры на помощь Серебристую струю Света. И стала она Луною во всех этих Мирах и рассеивала мрак ночной порою. Так и появились Духи Света.

– Какая удивительная история, – воскликнула Варя, когда эльф окончил своё повествование. – Неужели всё это правда?

– Так всё описано в наших Древнейших летописях, бесподобная Ваарья, – ответил Мегалион. – А любая запись, как известно, содержит лишь субъективное отражение отношения автора... Но в нашем Мире именно этому учат наших детей. А у вас... Вы можете считать это красивой Легендой.

– Нет, – сказала после минутного молчания девочка. – Я буду считать это Правдой.

Эльф на глазах повеселел и даже словно бы засветился изнутри:

– Ну что ж, тогда позвольте, Светоподобная, продолжить свою Историю.

И Варя вся превратилась в слух.

Появление Первого Рыцаря

Восторжествовали светлые Силы в нижних Мирах и стали нести Добро и Мир всем своим жителям. Но

населению было ещё слишком далеко до полного торжества Света, и оттого постоянно то тут, то там возникали очаги отсутствия озарения – так называемые Чёрные дыры сознания. И вот однажды от столкновения Луча с таким дремлющим сознанием родился Иной. Он отличался от Духов Света, и не был просто человеком в обычном понимании этого слова, и был назван Светозаветом (в честь первого Ману этих Миров). Воспитали его Духи Леса, и стал он первым Рыцарем среди Эльфов. Позже пришли и другие...

– Очень необычно и не всё понятно, – робко заметила Варя по окончании повествования.

– Действительно сложно осознать всю нашу историю, не имея на то особой подготовки, – заметил задумчиво Мегалион. – Видимо, надо вжиться в услышанное. Так вот как раз у вас, Прелестнейшая, сейчас имеется такая возможность вжиться во всё только что услышанное! Если, конечно, Ваарья Акулаа, вы хотите этого...

– С превеликой радостью! – не задумываясь ответила Варя, открыто и прямо взглянув в лучезарные глаза эльфа.

– В таком случае, – снова грациозно склонился в поклоне эфемерный гость, – мне осталось открыть вам, в чём состоит моя миссия и какая помощь от вас потребуется.

Миссия Мегалиона

Не так давно мы стали получать Сигналы, что и в других сферах нашего Нижнего Мира стали рождаться эльфы, а именно у вас, драгоценная госпожа моя. А если и правда Рыцарство заметно масштабно расширяется, то это говорит о том, что весь комплекс наших Миров в скором времени должен перейти на более высокие этапы своего Развития. И вот, едва

воплотившись здесь, я сразу встречаю, кого бы вы думали? – И он с неподражаемой грацией протянул Варю откуда-то взявшееся зеркало...

Варя с необычайным удивлением вглядывалась в своё такое привычное, но и такое одновременно новое отражение. На неё глядела почти полная копия её необычного гостя, только, конечно, в девической ипостаси.

– Так что Миссия моя практически выполнена, – в новом поклоне замер Мегалион. – Осталось только сообщить вам, Светлая сестра моя – позвольте мне вас теперь так именовать, – что вы новый легионер Светлой Рати.

– И что я должна делать? – затаив дыхание, спросила девочка.

– Ничего делать сейчас не нужно. Просто живи и знай, что сегодня мы все на одну унцию приблизились к Свету.

С этими словами эльф начал таять, и через минуту от него в комнате осталась только зыбкая дымка с лёгким привкусом лаванды...

А Варя – Варя просто пошла в школу. Только теперь она ходила, не опуская глаз, смотрела гордо и с достоинством перед собой либо прямо в лицо собеседника. И фиалковые глаза её лучились глубоким лавандовым Светом, поскольку теперь она ЗНАЛА. Она одна из нас.

Зинаида Кокорина

«Раз словечко, два словечко...»

Весеннее солнышко ласково пригревало лицо, шею, пробиралось под лёгкую светло-розовую курточку спортивного костюма.

– Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка. Раз словечко, два словечко – будет пе-сен-ка!.. – навязчивая песенка не выходила из головы Настеньки.

– Вот привязалась... – улыбалась, тихонько напевая, девочка и, доверяясь тёплым лучам, позволила себе расслабиться на пригретой лавочке возле дома бабушки и даже попыталась вытянуть ноги...

Но тут что-то лёгкое подкатилось к ним и упёрлось в носки. Настенька замерла, боясь наклониться и потрогать это, хотя подсознательно опасности не ощущала.

Зашуршали приближающиеся шаги, и оживлённый голос подростка недовольно выкрикнул:

– Ну что же ты?.. Неужели трудно пнуть мячик! Заставляешь бежать сюда...

Настенька внутренне выдохнула и улыбнулась. Теперь понятно: неподалёку слышались голоса ребят, играющих в футбол, и, вероятно, их мячик прикатился к ней.

– Он, наверно, захотел поиграть со мной, – пошутила девочка, – так зачем же я буду его отбрасывать?!

– Странная... – миролюбиво отозвался футболист и, подхватив мяч, помчался назад.

– Пинай, Серый!.. – донеслось до Настеньки. Голоса возбуждённых мальчишек то отдалялись, то снова приближались... Игра была в разгаре.

– Раз дощечка, два дощечка...

Какая-то тёплая волна вдруг прокатилась внутри и влилась в солнечное настроение девочки. Захотелось запеть во весь голос! Но не могла же она себе этого позволить, да и пора уже было возвращаться домой. Наверняка бабушка беспокоится, глаза проглядела в окошко: «Вот ведь настырная... Я сама! А ты тут изводишь из-за неё. Ну да ладно, пусть хоть на каникулах расслабится и проявит самостоятельность. Умница-то какая! Не знай, что слепенькая, так и не догадаешься. Вон как уверенно держится!»

Настенька уже почти открыла калитку во двор, как вдруг опять услышала приближающееся шуршание мяча и догоняющие его шаги... Замерев на секунду, девочка повернула голову:

– Серый, это ты?!

Молчание и недоумённый вопрос:

– У тебя что, сзади глаза?.. А откуда ты знаешь, как меня зовут? – ну не будет же он признаваться, что специально запнул сюда мяч. – Я не видел тебя здесь раньше. Ты в гостях?

– Да, я приехала к бабушке на каникулы. – Настенька осторожно повернулась, и подросток мимолётно отметил, что смотрит она не на него, а куда-то вдаль... И в руках у неё не длинный зонт, как ему показалось раньше, а тросточка.

Только одно мгновение выдало состояние девочки. Перед ним стояло милое создание с сияющим лицом и задорной улыбкой.

– Такое впечатление, что ты поёшь! – Серёжке как будто передалась волна её тёплого настроения.

– А ты что, умеешь читать мысли? – и девочка задорно повернулась к открывающейся из дома двери.

– Ну что, Настёна, нагулялась? – и женщина со смеющимися глазами взяла её за руку. – Уж не в футбол ли собралась играть?!

– А что, можно и попробовать! – засмеялась девочка.

– Пообедаешь, выходи, научу! – подзадорил удаляющийся голос... И мячик, отскакивающий от руки подростка, ритмично отстукивал по земле: «Раз дощечка, два дощечка...»

– Ну вот, только приехала, а уже и друга себе нашла. Серёжка наш сосед. Тоже приезжает на каникулы. Хороший парнишка, – радовалась бабушка настроению внучки.

Однако после обеда она почему-то категорически воспротивилась отпустить Настю гулять одну.

– Я тоже хочу прогуляться, пока солнышко радуется, да и с соседями пообщаться...

На улице было действительно людно. Радовались хорошей погоде и взрослые, приводившие в порядок дворы, и детвора, отдыхающая от занятий, и воробьи, шустро порхающие с веток к подсыхающим лужицам и обратно. Мальчишки, видимо, уставшие от игры в футбол до обеда, оседлали велосипеды или гоняли на скейтбордах, и только два подростка вдоль дороги лениво перекидывали ногами друг другу мяч.

Заметив прогуливающихся дам, они отошли в сторонку и один из них, подбросив мяч, подкатил его к ногам Настеньки: «Пинай!» Узнав знакомый голос, девочка усмехнулась и с силой ударила по мячу! Всем стало смешно от такого неожиданного поворота дела.

– Ничего себе ударчик! – воскликнул второй подросток. – Тебя можно брать в нападающие!

– А давайте так, – предложил Серёжа, – Настя будет пинать, а мы с Костяном по очереди отбиваем... или перехватываем, кто быстрее.

Так и порешили. Началась оживлённая игра. Бабушка некоторое время аплодировала ударам девочки

по мячу и азартно кричала: «Го-о-ол!» Вскоре она сказала, что пора заниматься делами и что она доверяет внучку ребятам, надеясь на мужское внимание к даме.

Вдоволь надурочившись и насмеявшись друг над другом в забавной игре, ребята уселись на лавочку.

– Загоняла я вас, вратари?! – подшучивала над ребятами Настя.

– Это кто кого загонял, – не сдавался Костя, – смешно играть с девчонкой! Те, которые приезжают сюда, такие воображалы и задиры... Всё им не так. А у тебя удар такой сильный... Занимаешься спортом?

Услышать ответ ему не удалось.

– Кости-и-ик, иди-ка помоги мне! – послышался женский голос из ближайшего двора.

– Пока, ребята! Не скучайте, – и подросток солидно удалился.

Молчание несколько затянулось.

– Что ты молчишь? – спросила Настя.

– Так ты же не ответила на вопрос Кости. Расскажи о себе...

– А ты о себе...

Вообще-то для обоих подростков обстановка была непривычной. Одно дело в школе, где Серёжа уже шесть лет учится с ребятами с первого класса. Все давно привыкли друг к другу: девчонки постоянно воспитывают ребят, шлёпают ранцами, пишут записки. А те или дергают обидчиц за волосы, или попросту не замечают их и, уединившись, не отрываются от телефонов и смартфонов.

А у Насти жизнь протекает по-иному. Учится она в школе-интернате для слабовидящих. Там тоже общаются: узнают друг друга по голосам и чувствуют на расстоянии, отдают себя любимым занятиям. Таким увлечением для Насти давно стала гимнастика. Её мечта – получить высокий разряд и выступать на соревнованиях. Она и сейчас уже достигла хороших результатов, даже была награждена дипломом за участие в областной Паралимпиаде.

С взаимным интересом ребята узнавали друг о друге всё больше и больше, когда оставались вдвоём. Настя, сделав утреннюю разминку и пробежку под присмотром бабушки, с нетерпением ждала, когда же её новый друг устанет от общения с пацанами и забежит к ней во двор. А у Серёжки совсем пропало желание общаться с ребятами, но надо было, ведь не поймут же они его привязанности к девчонке, да ещё и цепляться начнут с дразнилками, и Настю могут обидеть. А мысли все были рядом с ней: хотелось и поддержать, и больше узнать о её характере. Она обладала каким-то внутренним притяжением, завидной силой воли, но вместе с тем казалась хрупкой и незащищенной. Однако при всём этом она никогда не вызывала чувства жалости.

А на четвёртый день небо с утра вдруг прослезилось, да так обидчиво, что залило все дворы и дороги, и, по всей видимости, ещё долго не собиралось разгонять свою грусть. Настя сидела дома, то пытая бабушку о годах её молодости, то без большого энтузиазма надевая наушники, чтобы потренировать память школьной программой, или просто слушала музыку.

Расстроенный Серёжка, подгоняемый каким-то трепетным волнением, несколько раз выходил под навес и подолгу стоял в ожидании. Казалось, что вот-вот прекратится этот предательский, так не ко времени начавшийся, да ещё и затянувшийся дождь, совсем не сочувствующий детям, приехавшим сюда всего на несколько дней отдохнуть. Ну должно же, должно появиться такое желанное, а сейчас просто необходимое солнышко, и разогнать эту дождливость! Но дождевые тучки как назло стремились именно сюда откуда-то с запада небольшими расстрёпанными клочками с обманчивым намерением раствориться ещё там, далеко, но прямо над головой сливались ртутным шариками и превращались в большую тучу, нехотя и тяжело уступающую место такому же отвратительному, лениво льющему слёзы

монстру. Безнадёжно постояв так в очередной раз, уже после полудня, подросток печально вздохнул и направился в дом.

– Что скучаешь? – раздался от калитки голос Кости. – Давай порулим на великах.

– Да ну, – отмахнулся Сергей, – по лужам нет желания.

– Понятно... друг называется. Ну и жди свою инвалидку... по лужам-то и она не побежит разминаясь.

Словно сразу несколько разрядов и ярости, и обиды, и боли пронзили Серёжку! В секунду он оказался возле друга и дёрнул за куртку так, что разошлась молния и тот еле удержался на ногах.

– Ин-ва-лид-ка?! Да ты... ты... – отчаянно тряс он друга. – Как же ты можешь?! После этого ты мне больше не друг! Видеть тебя не хочу...

Со всех ног Серёжка бросился в дом.

– Что с тобой? – воскликнула мама, удивлённо глядя на рыдающего сына.

Случилось что-то невероятное! Он же никогда не плакал, даже в тот единственный раз, когда отец крепко врезал ему – десятилетнему мальчишке – ремнём за то, что сел без разрешения за руль автомобиля и въехал задом в дощатый забор. Тогда сын и сам крепко испугался и осознал, что наказан был заслуженно. Что же случилось теперь?

– Мама, давай завтра уедем домой... Он назвал Настю инвалидкой... Мама, ты тоже о ней так думаешь?

– Да что ты, сынок?! Потому ты и расстроился так, что он неправ. Настя настоящий друг. Просто Костя ревнует тебя к ней. Успокойся. Завтра будет хороший, солнечный день, и всё опять изменится. Всё будет хорошо!

Плохо спалось Серёжке. Как только он погружался в сон, появлялась Настя с грустным, искажённым от злого смеха лицом: «Ин-ва-лид-ка!!!»

– Не-е-е-ет!– кричал как в бреду метавшийся подросток.

За ночь небо совсем очистилось от серости, и ранний рассвет заалел медленно выплывающим из-за горизонта солнышком, которое, постепенно озаряя небосвод, снимало с него маску грусти. Как только первый лучик коснулся краешка окна, Серёжа забылся в глубоком сне.

Не хотелось просыпаться. Чья-то рука ласково теребила и поглаживала волосы, и смеющийся мамин голос проникал в сон. Серёжка открыл глаза. Мама с чашкой, видимо, чая сидела рядом на краю кровати и, тревожно улыбаясь, поглядывала на него. А рядом... стояла Настя.

– Вот разоспался, сонюшка. Уже все лужи просохли. Каникулы-то не закончились, мальчишки ждут тебя не дождутся.

Смущённый подросток резко сел и потянулся к ладони девочки, словно хотел убедиться, что это не сон. За окном слышалось какое-то царапанье. Подойдя, мама приоткрыла раму, и на подоконнике появился футбольный мяч, а за ним – голова Кости:

– Серый! Настя! Ну, чего вы? Так не пойдёт, оставили меня одного... Насть, а кто напевал, что «вместе весело шагать по просторам»?! Не представляю, друзья, что бы я делал здесь без вас на каникулах! Лови-и-и!..

Прямо от окна мячик полетел в Серёжку и Настю, и одновременно взметнувшиеся руки друзей перехватили его. Ладонь Насти, прижатая рукой Сергея, лежала на мяче.

Литературно-художественное издание
МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск №9

У ВРЕМЕНИ В КОСТРЕ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Обложка
На первой странице
Марк Шагал «Танец»
На четвёртой странице
Марк Шагал «Влюбленные в Венеции»

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 29.03.2018 г. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 15,63. Тираж 170 экз.
Заказ № Мо1_0810_009

Московский салон литераторов
(МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

Отпечатано в «ОнтоПринт»

www.ontoprint.ru

Серия книг «МД» Современная поэзия и проза МОСКОВСКИЙ ДОМ

Серия книг «МД» представляет собой литературно-художественное издание и включает как поэтические, так и прозаические произведения различных жанров: реализм, детектив, фантастика и фэнтези, мистика и приключения, мистический реализм, пьесы.

И хотя преимущество имеют московские авторы, члены МОССАЛИТА и Московское региональное отделение МСП «Новый Современник», составители сборника также будут рады гостям из других регионов и даже стран. В сборнике «МД» всегда найдётся место талантливым и разносторонним авторам.

Заявки на участие в проекте, приобретение книг:
stephania_05@mail.ru

Концепция:
<http://www.mossalit.ru/moskovskii-dom/kontseptsiya.html>